

Фонд «Историческая память»
Псковский государственный педагогический университет

Нацистская война на уничтожение
на северо-западе СССР:
региональный аспект

Материалы международной научной конференции
(Псков, 10 – 11 декабря 2009 года)

Nazi extermination policy
in the Nord-West of the USSR:
regional aspect

International conference papers
(Pskov, December 10-11, 2009)

Москва, 2010

Под редакцией А.Р. Дюкова, О.Е. Орленко

Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект. Материалы международной научной конференции (Псков, 10 – 11 декабря 2009 года) = Nazi extermination policy in the Nord-West of the USSR: regional aspect. International conference papers (Pskov, December 10-11, 2009). М., 2010. 312 с.

СОДЕРЖАНИЕ

А. ДЮКОВ

Нацистская истребительная политика
на оккупированных советских территориях:
Направления исследования 9

Е. КРИНКО

Нацистская оккупация и коллаборационизм в годы
Великой Отечественной войны: проблемы и перспективы изучения . 22

В. СЕЛЕМЕНЕВ

Нацистская истребительная политика
в публикациях Национального архива Республики Беларусь..... 32

В. ХОРЬКОВ

Нацистская война на уничтожение и советская дипломатия 38

Т. БРЮТМАН

К вопросу о коллаборационизме в нацистской Европе
в контексте «окончательного решения» еврейского вопроса 42

М. АЛЕКСЕЕВА

Выявление жертв истребительной политики нацистов
и их пособников в Южном Приильменье 50

В. БОГОВ

Концлагерь Саласпилс: неудобная правда. 57

Б. КОВАЛЕВ

Творческий коллаборационизм и Холокост 68

Д. ОЛЕХНОВИЧ

Они враги!: компаративный анализ антисемитской
и антирусской пропаганды в периодической печати Латвии
в годы нацистской оккупации. 78

Е. ГРЕБЕНЬ Русская национальная идея как элемент режима террора коллаборационных властей	92
И. ГЕРАСИМОВА Евреи в партизанском движении на оккупированных территориях СССР	101
Л. ТЕРУШКИН Энциклопедия Холокоста на территории СССР. Итоги и анализ изучения темы на постсоветском пространстве . . .	114
М. ИОФФЕ Фальсификация исторических событий в деле ветерана В. М. Кононова	122
А. БЕЛЫЙ Преступления нацистов против католического сообщества Белоруссии: история и память	132
А. Шубин Сталин и Гитлер: насколько правомерны сравнения режимов . . .	150
ОБ АВТОРАХ	166

CONTENTS

A.DYUKOV	
Nazi exterminatory policy in the occupied Soviet territories: The lines of investigation	171
E. KRINKO	
The Nazi occupation and collaboration during the Great Patriotic War: Investigation problems and perspectives	182
V. SELEMENEV	
Nazi Exterminatory Policy in Publications of the National Archives of the Republic of Belarus	191
V. HORKOV	
Nazi War of Slaughter and the Soviet Diplomacy	196
T. BRUTTMANN	
Réflexions autour de la collaboration dans l'Europe nazie et le cas de la "solution finale"	200
M. ALEKSEYEVA	
Estimation of number of victims of exterminatory politics of the Nazi and their allies in the Southern Priilmenye	207
V. BOGOV	
Concentration Camp Salaspils: uncomfortable truth.	213
B.KOVALEV	
Creative Collaborationism and Holocaust	223
D. OLECHOVICH	
They are Enemies!: Comparative analisys of Anti-Semitic and Anti-Russian propaganda in periodical press of Latvia during the Nazi Occupation	232

E. GREBEN'	
Russian national idea as part of the terror regime of the collaborationists authorities.	244
I. GERASIMOVA	
Jews in the partisan movement in the occupied territories of the USSR.	252
L. TERUSHKIN	
Encyclopedia of the Holocaust in the territory of the USSR. Summary and Analysis of Subject Study in the former USSR.	264
M. IOFFE	
Falsification of Historical Events in the case of veteran V.M. Kononov.	272
A. BELIY	
Nazis Crimes against Belorussia catholic Community: History and Memory.	281
A. SHUBIN	
Stalin and Hitler how rightful the regimes' comparisons are.	296
AUTHORS
	310

Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект

Материалы международной научной конференции

(Псков, 10 – 11 декабря 2009 года)

А. Дюков

Нацистская истребительная политика на оккупированных советских территориях: Направления исследования

Война на Востоке была для нацистской Германии особой войной. Здесь, на населенных недочеловеками просторах, не действовали никакие моральные и юридические законы; лишь жестокостью можно было обеспечить безопасность Рейху и всей Европе. На закрытых совещаниях нацистское руководство прямо говорило о необходимости уничтожения миллионов советских граждан. Эти планы не оставались на бумаге – они деятельно и непреклонно воплощались в жизнь.

Войска Красной Армии на фронте и партизаны в тылу не дали полностью реализовать нацистские планы обезлюживания; однако и то, что нацистам удалось сделать, было невероятно в своей чудовищности. Итог нацистского господства на советских землях был поистине ужасающим. Войска Красной Армии находили освобожденные районы в буквальном смысле обезлюденными. Повсюду были сожженные деревни, полуразрушенные города и могилы. По официальным советским данным, полностью или частично было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, 70 тысяч сел и деревень, 30 тысяч промышленных предприятий, около 100 тысяч колхозов, 40 тысяч больниц и лечебных учреждений, 84 тысячи школ. Крова над головой лишилось около 25 миллионов человек.¹ Экономику освобожденных территорий пришлось восстанавливать в буквальном смысле слова из руин. И хотя нацистская политика «выжженной земли» не смогла спасти Третий Рейх от неминуемого поражения, ее результатом стало полуголодная жизнь в СССР первых послевоенных годов.

Людские потери оказались гораздо страшнее материальных. Из 70 миллионов оказавшихся под властью нацистов советских граждан выжил лишь каждый пятый. Около 7,5 миллионов человек было расстреляно и сожжено, 2,1 миллиона умерло на принудительных рабо-

¹ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодействиях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 429.

так в Германии, более 4 миллионов – на оккупированных территориях от голода и отсутствия медицинской помощи. Кроме того, нацистами было уничтожено около 3 миллионов советских военнопленных.²

Казалось, что о подобном ужасе забыть невозможно; однако не прошло и шестидесяти лет, как о геноциде советского народа было забыто, причем не где-нибудь на Западе, где об этом не очень-то и знали, а в нашей собственной стране.

Сегодня о хладнокровно проводившейся истребительной политике нацистов на советских землях у нас предпочитают не говорить. Более того – очень многие стараются сделать вид, что никаких преступлений германские оккупационные войска и вовсе не совершили, что место имели лишь неизбежные на войне случайности.³

А коли уж и скажет кто сквозь зубы про «подвиги» нацистов, то тут же перескочит к обличению сталинизма в частности и советского тоталитарного строя в целом. Хотя, казалось бы, причем тут советский строй?

«Подлинная историческая память намеренно стирается, – замечает в этой связи историк Наталья Нарочницкая, – геополитический проект Гитлера – уничтожение целых государств и наций и лишение их национальной жизни – забыт. Но, если мы никогда не забываем страдания евреев, то почему же мировое сообщество и сами евреи парадоксально взирают с растущей лояльностью на наследников фашистских легионов Прибалтики, Украины, Белоруссии, руки которых обагрены кровью тысяч евреев и тысяч славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?»⁴

Пропагандистская вакханалия, устроенная в зарубежных и ряде отечественных СМИ в преддверии 60-летия Победы, полностью подтверждает это предположение.⁵

² Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под. общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 231 – 234, 454 – 463; Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 50.

³ См., напр.: Таратухин К.Л. Ливны при немцах // Под оккупацией в 1941 – 1944 гг.: Статьи и воспоминания. М., 2004. С. 54 – 75.

⁴ Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М., 2005. С. 66.

⁵ См., напр.: Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: Победители и по-

Впрочем, нельзя не признать, что в значительной мере подобная ситуация стала возможна из-за нашей собственной нераспорядительности.

Во время войны преступлениям нацистов были посвящены тысячи статей и десятки книг. Алексей Толстой и Михаил Шолохов, Илья Эренбург и Константин Симонов со всей силой писательского таланта рассказывали стране и миру об аде, воплощенном гитлеровцами на оккупированной советской земле. Реальность была страшнее любых выдумок; советские писатели и журналисты цитировали приказы командования вермахта и СС, дневники и письма немецких солдат и офицеров – и этого было более чем достаточно. Когда появилась возможность, в свет стали выходить основательные сборники документов; теперь даже самый большой скептик не мог обвинить советскую сторону в пропагандистском искажении фактов.⁶

Сборники документов продолжали публиковать и пятнадцать, и тридцать лет спустя.⁷ В научный оборот были введены крайне важные документы, однако использование их оставляло желать много лучшего. Причин тому было две.

Во-первых, психологический шок, который получило советское общество, был слишком силен. Исследовать ее по свежим следам было все равно что копаться в незажившей еще ране; должно было пройти время, прежде чем произошедшая трагедия могла стать предметом осмысления.⁸

Во-вторых, послевоенный Советский Союз оказался не заинтересован в подобных исследованиях – потому, что в уничтожении мирного населения кроме немецких войск и полиции более чем де-

⁶ бежденные в контексте политики, мифологии и памяти: Материалы к международному форуму (Москва, сентябрь 2005). М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-ХХI, 2005. С. 147 – 161.

⁷ Для того, чтобы убедится в этом, достаточно сличить опубликованные позднее документы с их изложением в статьях советских пропагандистов. Любой может увидеть: изменений практически не вносится, за исключением обоснованной редакторской правки. Документы говорят сами за себя. См., например: Эренбург И.Г. Война, 1941 – 1945: Статьи / Сост., предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. М., 2004. С. 304 – 310; Павлов В.В. Дневники гестаповца // Лубянка: Историко-публицистический альманах. М., 2005. Вып. 2. С. 91 – 112.

⁸ Документы обвиняют. М., 1945. Вып. 1 – 2; Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946; Немецко-фашистский оккупационный режим, 1941 – 1944. М., 1965; Мы обвиняем. Рига, 1967; Преступные цели – преступные средства. М., 1968; Преступные цели фашистской Германии в войне против Советского Союза. М., 1987.

⁸ То же самое произошло с памятью о Холокосте, подробное изучение которого началось лишь в 70-х гг. См.: Вельцер Х. История, память и современность прошлого: Память как аrena политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3. С. 34.

ятельное участие принимали формирования коллаборационистов из национальных республик.

В свое время советская власть сделала очень многое для того, чтобы не дать прорости семенам межнациональной розни, посевенным нацистами. После войны Кремль проявил удивительную по любым меркам гуманность, амнистировав всех служивших на мелких должностях коллаборационистов и полицаев – если на них не было крови, и если они не убежали с немцами. Тем, кто убежал, дали всего лишь по шесть лет ссылки.⁹

Сделано это было по вполне прагматичным причинам: разоренная тяжелейшей войной страна нуждалась в мире, в единении, а не в расколе. По той же причине через некоторое время на исследования нацистской оккупации был наложен негласный мараторий: тщательные исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы.

В итоге политическая целесообразность оказалась выше исторической добросовестности. Ужасы нацистской оккупации остались в народной памяти, но не были зафиксированы историками, и лишь в работах, посвященных советскому партизанскому движению, можно было встретить небольшие разделы об оккупационной политике нацистов, разделы, носившие заведомо второстепенный и иллюстративный характер. Значимым исключением стала лишь Белорусская ССР, – одна из наиболее пострадавших от нацистского геноцида республика. Именно в Минске в 1984 г. незначительным тиражом вышла монография «Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии». Почти 70% ее объема занимают росписи уничтоженных белорусских деревень, лагерей смерти, организованных на территории республики, и наиболее крупных «контрпартизанских» операций.¹⁰

В Германии, Польше и Израиле исследования различных аспектов истребительной войны на Востоке носило гораздо более основательный характер, чем в Советском Союзе и последствии в России. В одной только Германии (по обе стороны берлинской стены) за тридцать лет было опубликовано несколько десятков монографий

⁹ Дюков А.Р. Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009.

¹⁰ Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941 — 1944. Минск: Беларусь, 1984.

по данной тематике. Ханс-Адольф Якобсен исследовал историю появления и реализации зловещего приказа «О комиссарах», Манфред Мессершмидт продемонстрировал, насколько вермахт был пропитан нацистской идеологией, Норман Мюллер и Андреас Хильгрубер рассказали об истребительной войне, Кристиан Штрайт – об уничтожении советских военнопленных, Хельмунт Краусник и Ханс-Генрих Вильгельмс – о преступлениях айнзатцгрупп.¹¹

Советская историческая наука высокомерно игнорировала эти исследования, при этом не ведя и собственных. Изредка, впрочем, разрешалось перевести какую-нибудь зарубежную монографию. Русский перевод работы польского исследователя Ш. Датнера «Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных» был опубликован в 1963 году; следующей монографии – восточногерманского историка Н. Мюллера «Вермахт и оккупация» – пришлось ждать одиннадцать лет. Эти две работы надолго остались единственными доступными в Советском Союзе исследованиями по проблеме. Был, правда, еще сокращенный перевод блестящей монографии К. Штрайта «Солдатами их не считать» – однако, опубликованная под грифом «Рассыпается по специальному списку», эта работа осталась недоступной не только для рядовых читателей, но даже для исследователей.

Неудивительно, что к началу перестройки об истребительной войне, которую вели нацисты против всего нашего народа, забыли. Забыли, конечно, историки и политики. Народная память об ужасе нацистского геноцида еще была жива, и когда писательница Светлана Алексиевич собирала рассказы о минувшей войне, респонденты рассказывали ей такие подробности преступлений оккупантов, от которых можно сойти с ума. Алексиевич могла стать первым отечественным исследователем истребительной политики нацистов¹²;

¹¹ Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941 – 1944: Доклады / Под ред. Г. Горцика, К. Штанга. М., 2005. С. 9.

См. так же: Борозняк А. ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 61 – 63; Кёнинг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и второй мировой войне в политическом сознании Федеративной Республики Германия // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 96 – 103; Штантг К. Вина и признание вины: Продолжающиеся трудности при осмыслиении старой проблемы // Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941 – 1944. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 70 – 88.

¹² Справедливости ради следует упомянуть подготовленную Алексем Адамовичем, Янкой Брылем и Владимиром Колесниковым книгу «Я из огненной деревни...» (Минск, 1977). Эта книга так же базировалась на воспоминаниях переживших оккупацию людей, однако по стилю

однако поведанные ей рассказы она сделала символом не преступлений оккупантов, а абстрактных ужасов войны. Никто не спорит с тем, что любая война страшна; однако важно понять, что миллионы уничтоженных советских граждан – это жертвы хладнокровной политики обезлюживания, а не войны.¹³

К сожалению, это не было понято и осознано – и вскоре в уничтожении нацистами советских мирных граждан и военнопленных неожиданно стали обвинять советскую же власть, которая-де провоцировала добропорядочных немцев на жестокие и массовые убийства, а тех, кто выживал под оккупацией, гнала в сибирские лагеря. Все это было не более чем повторением тезисов геббельсовской пропаганды, однако добровольно разоружившаяся официальная историческая наука не смогла адекватно ответить на нападки антисоветских пропагандистов; нападки столь же агрессивные, сколь и лживые.

И вот уже нашу страну обвиняют в оккупации Прибалтики – и обвинения эти исходят из уст наследников тех самых карателей, которые уничтожили сотни тысяч евреев, русских, белорусов и украинцев, которые солили в бочках отрубленные головы крестьян и бросали в колодцы младенцев. От нас уже требуют миллиардных компенсаций и «покаяния» – а мы не можем достойно ответить.

Вот уже Советский Союз представляют таким же воплощением зла, как нацистский Рейх, и вскормленные перестройкой демократы упорно и ненавидящие бормочут: нет, у нас был фашизм почище гитлеровского!

Да знают ли они вообще, что такое фашизм и какое горе принес он нашей стране?

Вот уже недобитые власовцы голосят на все лады о мифических преступлениях советских партизан и Красной Армии. Еще бы им не голосить – ведь именно злодеяниям нацистов и их местных пособников так мешали бойцы советского Сопротивления!

Но и на эту злобную клевету мы не слышим возражений.

Не потому что возразить нечего – потому что возразить некому.

изложения оказалась практически нечитаемой. Лично для меня представляется непостижимым, как можно сделать нечитаемым такой материал – однако факт остается фактом.

¹³ То, что не сделала Алексиевич, сделал германский исследователь Пауль Коль, собиравший рассказы переживших оккупацию в то же самое время. Его итоговая книга была посвящена именно нацистским преступлениям: Kohl P. “Ich wundere mich, daß ich noch lebe”: Sowjetische Augenzeugen berichten. Glittersloh, 1990. Поистине, нет пророка в своем отечестве!

В Израиле историей Холокоста занимаются многие специализированные научные институты; у нас же нельзя назвать ни одного исследователя, который бы систематически занимался разработкой истории нацистской истребительной политики на оккупированных советских землях – этого, по определению германских историков, «другого Холокоста».

Множество народу исследует сегодня проблему коллаборационизма, пишет о сражавшихся «под знаменами врага» «русских солдатах вермахта». Конечно, знание структуры и принципов комплектования коллаборационистских формирований очень полезно – однако разве не важнее знать, чем собственно занимались все эти восточные батальоны, прибалтийские СС и вспомогательная полиция? Но об этом предпочитают говорить невнятной скороговоркой – иначе вместо благородных борцов со сталинским тоталитаризмом люди увидят безжалостных палачей собственного народа.¹⁴

Существует ряд книг и статей о трагедии советских военнопленных и оstarбайтеров; однако слишком часто вместо исследования нацистской истребительной политики авторы этих работ начинают перепевать банальные и лживые антисоветские мифы. И не приходится удивляться, что вновь, как и в советское время, лучшей работой о судьбе советских пленных стала монография не отечественного, а зарубежного исследователя. Израильские историки по вполне понятным причинам всегда уделяли немецкой истребительной политике на Востоке большое внимание. Естественно, что прежде всего их интересовала история Холокоста; однако проводившееся нацистами «окончательное решение еврейского вопроса» настолько плотно вписано в общую концепцию истребительной войны на Востоке, что игнорировать эти связи невозможно. Именно это и продемонстрировал израильский историк Арон Шнеер в своем фундаментальном «Плене», вышедшем на русском языке в 2005 году.

Как ни парадоксально, зарубежным историкам обязан своим появлением и единственный отечественный сборник докладов по

¹⁴ Даже такой объективный ученый, как Б.Н. Ковалев, поддался этой моде. В его замечательной монографии «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России» (2001, переиздание 2004) подробно описываются территориальное деление оккупированной территории, деятельность нацистских спецслужб, формирования коллаборационистских структур, экономическое «освоение» нацистами оккупированной территории, аграрная, налоговая, национальная и социальная оккупационная политика, способы идеологической обработки населения. Все что угодно – но только не истребительная политика оккупантов.

истребительной политике нацистов. В Германии ученые всегда старались не забывать о преступлениях нацистов на советской земле; после падения Советского Союза естественная научная добросовестность заставила немцев попытаться понять, как их исследования согласуются с работами российских коллег. С этой целью научный центр «Восток – Запад» университета Касселя организовал заседание «Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта в Советском Союзе глазами российских ученых». Заседание состоялось в июне 1998 года; не то чтобы российские ученые смогли сказать что-то принципиально новое, однако как введение в проблему их доклады выглядели более чем достойно. Поэтому уже в следующем, 1999-м, материалы заседания были опубликованы на немецком. Российскую историческую науку исчерпывающим образом характеризует тот факт, что на русском языке это достаточно ценное издание вышло лишь шесть лет спустя – в мае 2005 года.

Для сравнения можно посмотреть, как обстоит дело в Белоруссии, где об устроенном оккупантами аде никто не собирался забывать. Там уже в постсоветское время за короткое время были подготовлены и опубликованы сборники документов «Немецко-фашистский геноцид в Беларуси в 1941 – 1944 гг.», «Белорусские оstarбайтеры» (в 4 кн.), «Нацистское золото в Беларуси», «Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси» (два издания) и «Лагерь смерти Озаричи».¹⁵

В России же изучение нацистской истребительной политики долгое время не практически не велось — за исключением исследования истории Холокоста, основные итоги которых были подведены в вышедшей в 2002 году фундаментальной монографии историка Ильи Альтмана «Жертвы ненависти: Холовост в СССР, 1941 — 1945» и

¹⁵ Заложники вермахта (Озаричи – лагерь смерти): Документы и материалы = Die Geiseln der Wehrmacht (Osaritschi – das Todeslager). Dokumente und Belege / Сост. Г. Д. Кнатъко, М. И. Богдан, А. Н. Гесь, В. И. Горбачева, Н. А. Яцкевич. Минск, 1999; Лагерь смерти Торостенец: Документы и материалы / Сост. В.И. Адамушко, Г.Д. Кнатъко, Н.Е. Калесник, В.Д. Селеменев, Н.А. Яцкевич. Минск, 2003; Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941 – 1944: Справочник = Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941-1944 / Сост. В.И. Адамушко, В.Д. Селеменев и др. Минск, 2004; Свидетельствуя палачи: Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941 – 1944 гг. / Сост. В.И. Адамушко, И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. Минск, 2009, и др.

опубликованной в 2009 году энциклопедии «Холокост на территории СССР».¹⁶

Интерес к исследованию нацистского геноцида был инициировал лишь 60-летним юбилеем Победы, истерическая реакция на который восточноевропейских политиков и западных СМИ сделала очевидной необходимость отказа от советской практики политкорректного забвения жертв нацистской истребительной политики.

Сборник «Истребительная война на Востоке», о котором мы уже упоминали, стал практически первым постсоветским изданием по этой тематике, но им одним дело не ограничилось. В 2006 году издастельство «Европа» выпустило три сборника документов о преступлениях прибалтийских пособников нацистов.¹⁷

Исследователям лишь предстоит проанализировать динамику и масштабы нацистской истребительной политики, ее особенности в различных республиках Советского Союза, степень участия в уничтожении советских граждан подразделений вермахта, СД, СС и (не в последнюю очередь) коллаборационистских формирований.

Все это – дело будущего (хотется верить, что недалекого); пока же следует обозначить основные направления исследований.

Во-первых, это так называемые «контрпартизанские действия», в значительной степени сводившиеся к массовому уничтожению населения усмиряемого района. Следует знать, что немецкими войсками был разработан достаточно эффективный способ борьбы с партизанами. Специально сформированные «охотничьи команды» (ягдкоманды) вели незаметную лесную войну, уничтожая целые партизанские отряды; гражданское население при этом практически не страдало.¹⁸ Крупномасштабные карательные акции, однако, проводились нацистами уже начиная с июля-августа 1941 года и были

¹⁶ Альтман И.А. Жертвы неравности: Холокост в СССР, 1941 — 1945 гг. М., 2002; Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Под ред. И.А. Альтмана. М., 2009.

¹⁷ Латвия под игом нацизма: Сборник архивных документов. М., 2006; Трагедия Литвы: Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006; Эстония. Кровавый след нацизма, 1941 – 1944: Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006.

¹⁸ Миддельдорф Э. Русская компания: тактика и вооружение / Пер. с нем. М.; СПб., 2001. С. 432 – 433; Диксон Ч.О., Гейльбронн О. Коммунистические партизанские действия / Пер с англ. под ред. А.А. Прохорова; Предисл. А.А. Прохорова; Р. Деннинга. М., 1957. С. 170 – 172; Малая война: Организация и тактика боевых действий малых подразделений. Минск, 1998. С. 400 – 406, 427 – 456; Антипартизанская война в 1941 – 1945 гг. / Сост. А.Е. Тарас. М., 2005. 103 – 116.

лишь косвенным образом связаны с контрпартизанской борьбой. При этом реальная задача подобных операций – уничтожение как можно большего числа советских «недочеловеков» – четко осознавалась нацистским руководством и исполнителями.¹⁹ Отметим, что в оккупированных западных странах уничтожение мирного населения в рамках «борьбы с партизанами» началось лишь в 1944 году и носило незначительные масштабы.

Вторая проблема – уничтожение нацистами советских граждан еврейской национальности исследована гораздо лучше – пожалуй, лучше чем любое другое направление нацистской истребительной политики. Однако изучение проблемы уничтожения советских евреев в комплексе с другими истребительными мероприятиями нацистов позволит прийти к новым и весьма важным выводам. Так, например, «окончательное решение еврейского вопроса» стало одним из последствий принятых перед нападением на Советский Союз «преступных приказов», направленных на уничтожение советских военнопленных и обезлюживание оккупированных земель.²⁰ Необходимо так же выявить пропагандистскую составляющую Холокоста; судя по некоторым высказыванием нацистского руководства, уничтожение евреев помогало рекрутировать новых союзников в борьбе с «жидобольшевизмом», а так же заявлять, что не-евреям якобы ничего не грозит. В целом же следует согласиться с мыслью, высказанной Кристианом Штрайтом: «Хотя в сознании западногерманской общественности в значительной мере внедрилась склонность проводить грань между уничтожением евреев и войной против Советского Союза, – писал он, – на деле «гитлеровская война на Востоке» и «окончательное решение еврейского вопроса» были тесно связаны и по времени, и по существу».²¹

¹⁹ Немецкие историки пришли к подобным выводам достаточно давно. Напр.: Heer H. Die Logik des Vernichtungskrieges: Wehrmacht und Partisanenkampf // Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht, 1941 – 1944. Hamburg, 1995. S. 104 – 156.

²⁰ В этом смысле очень характерно следующее высказывание Гитлера, датируемое как раз январем 1942 года: «Я не вижу иного решения, кроме их уничтожения. Почему я обязан видеть в евреях что-то иное по сравнению с русскими военнопленными? В лагерях для военнопленных многие умирают. Это не моя вина. Зачем евреи спровоцировали эту войну?» – Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера, 1941 – 1944 / Пер. с англ. А.С. Цыплакова. М., 2004. С. 237 – 238.

²¹ Штрайт К. Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941 – 1945 гг. / Сокр. пер. с нем. М., 1979. С. 24.

К выводу о том, что «истребление славянских «недочеловеков» и еврейский геноцид – единой процесс» приходят многие европейские историки. – La Libre Belgique. 19.05.2005. Цитируется по переводу ИноСМИ.Ру.

Блокада Ленинграда — один из существенных элементов нацистской истребительной политики. Нацистское руководство заранее спланировало уничтожение населения этого города; точно такая же судьба ждала жителей Москвы. Начало исследования этого преступления нацистов было положено еще в советское время; к настоящему времени оно всесторонне исследовано как российскими, так и зарубежными специалистами.

Достаточно хорошо исследована политика нацистов по уничтожению советских военнопленных: из четырех переведенных на русский язык монографий, имеющих отношение к истребительной политике нацистов, три посвящены именно судьбе военнопленных. Тем не менее, исследование этой проблематики продолжает оставаться актуальным, поскольку помогает по-иному взглянуть на происхождение так называемого «Русского освободительного движения». Не зря усилия таких историков-ревизионистов, как Иоахим Хоффман, направлены на прямую фальсификацию положения советских военнопленных в нацистском плену.²²

Совершенно не исследовано так называемое «молекулярное» насилие нацистских оккупантов. Как известно, перед нападением на Советский Союз рядом приказов нацистское командование освободило германских военнослужащих от ответственности за уголовные преступления против советских граждан. Это привело к массовым убийствам мирных граждан, разнозданному и повсеместному насилию против женщин. Безнаказанные преступления приняли такие масштабы, что начали вызывать у германского военного командования серьезные опасения, отражение которых мы можем, в частности, найти в дневнике начальника германского Генштаба генерала Гальдера; проявляемая при этих преступлениях жестокость обеспокоила даже Гитлера. Преступления этого рода фиксируются как в воспоминаниях очевидцев, так и в многочисленных документах советской разведки, органов госбезопасности и партизанских соединений.

Практически не исследованы мероприятия по угону и уничтожению населения, предпринимавшиеся нацистами в 1943 – 1944 годах в рамках стратегии «выжженной земли». Подобные опера-

²² Гофман Й. Власов против Сталина. С. 170 – 174.

ции зачастую получали говорящее о многом кодовое наименование: «Гетто». Описания лагерей, в которые сгоняли население, производит поистине жуткое впечатление; кроме того, повсеместно наступавшие войска Красной Армии встречал деревни с домами, набитыми трупами расстрелянных детей, женщин, стариков.

Прямое отношение к истребительной политике нацистов имеет предпринятые ими меры по экономическому ограблению оккупированных территорий. Эти меры исследованы совершенно недостаточно; насколько можно понять, они были направлены не только на «выкачивание» из оккупированных территорий необходимых материальных ресурсов, но и на целенаправленное разрушение советской социально-экономической структуры, deinдустириализацию захваченных областей и их экономическую фрагментацию. Результатом стал настоящий голод, в результате все население оккупированных областей, по выражению немецких документов, находилось «под угрозой голодной смерти», а миллионы от голода умерли.

Использование труда угнанных в Германию оstarбайтеров также в значительной степени носило истребительный характер; этот аспект исследован недостаточно, хотя и затронут в ряде работ. В первую очередь следует упомянуть капитальную монографию Павла Поляна; однако само ее название – «Жертвы двух диктатур» – показывает идеологическую предвзятость автора.²³ И, к сожалению, эта предвзятость порою серьезно влияет на адекватность выводов. Добрых слов заслуживает так же «Архипелаг OST» Виктора Андриянова.²⁴ Однако называть эту книгу исследованием нельзя: пересказ судеб угнанных на немецкую каторгу советских граждан – дело хорошее, однако не может заменить собой анализа.

А анализ необходим – ведь даже поверхностное ознакомление с проблемой позволяет сделать вывод об **исключительности истребительной политики, осуществлявшейся нацистами против наших сограждан**. «Немцы по-разному воевали с англичанами, французами и американцами, с одной стороны, и с русскими – с другой, – пишет директор Института русской истории РГГУ Андрей

²³ Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине / Предисл. Д. Гранина. М., 2002.

²⁴ Андриянов В.И. Архипелаг OST: Судьба рабов Третьего рейха в свидетельствах, письмах и документах / Послесл. А. Урбана. М., 2005.

Фурсов. – Это бросалось в глаза. Как заметил известный немецкий философ и политический мыслитель Карл Шмитт, во Второй мировой войны вела две войны: обычную – на Западном фронте и совсем другую, тотальную, – на Восточном. Первая война имела обычные военные цели; целью второй было физическое истребление представителей другой этнической группы, уничтожение противника как Враждебного Иного».²⁵

Без понимания того, что происходило на оккупированной территории, мы никогда не сможем понять события самой страшной и самой важной в нашей истории войны, не поймем, что ожидало наших предков в случае поражения.

Только помня о воплощавшейся на оккупированной территории жестокой истребительной политике, мы сможем адекватно понять явления партизанского движения и коллаборационизма, историческую роль препятствовавших нацистским преступлениям партизан и принимавших в этих преступлениях деятельное участие нацистских пособников.

Только зная о масштабах проводившегося нацистами уничтожения советских граждан, мы сможем восхитится нравственным подвигом Красной Армии, которая, вступив на немецкую землю, в общем и целом удержалась от мести.

В исследовании истребительной политики нацистов против нашего многонационального народа лежит ключ к пониманию всей Великой Отечественной войны. А история Великой Отечественной, в свою очередь, является «точкой сборки» и отечественной истории XX века, и современного российского общества.²⁶ Именно в этом – прагматическая актуальность подобных исследований.

²⁵ Фурсов А.И. Третий Рим и Третий Рейх: третья схватка (Советско-германский покер в американском преферансе) // Политический класс. 2006. № 7. С. 89. См. так же: Дрожжин С.Н. «Овладение историей»: К оценкам Великой Отечественной войны в Германии // Покушение на Великую Победу. М., С. 268 – 269.

²⁶ См., напр.: Кургинян С. Точка сборки: Победа как главный нервный узел всей российской духовной, культурной и политической проблематики // Россия XXI. 2005. № 3. С. 4 – 47.

Е. Кринко

Нацистская оккупация и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны: проблемы и перспективы изучения

Нацистская оккупация территории СССР в годы Великой Отечественной войны относится к числу наиболее дискуссионных проблем в современной историографии. Советские историки охарактеризовали массовые репрессии оккупантов, грабеж захваченных районов, бесправие жителей. Сущность «нового порядка» сводилась к стремлению захватчиков ликвидировать советский общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства, искоренить марксистско-ленинскую идеологию, истребить большую часть населения страны, «а оставшихся людей превратить в рабов, грабить как можно больше народного богатства – продовольствия, сырья, готовой продукции»²⁷.

В то же время в освещении данной проблемы было значительным влияние идеологии, недостаточно внимания уделялось специфике оккупации отдельных территорий, повседневной жизни населения. Отсутствовал анализ структуры оккупационной администрации, лишь упоминались отдельные направления ее деятельности, что объясняется не только сложившимися подходами, но и возможностями доступной исследователям источниковской базы. Главными источниками являлись документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодействий, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками из фондов ГАРФ, а также республиканских, краевых и областных комиссий в местных архивах. Материалы самих оккупационных органов, а также предприятий и учреждений, действовавших на захваченной территории, оставались в большинстве случаев засекреченными.

Еще менее изученным оставалось сотрудничество советских граждан с противником в 1941–1945 гг. Данной теме не было посвящено самостоятельных глав или статей ни в фундаментальных трудах, ни в справочных изданиях по Великой Отечественной войне,

²⁷ История второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 340.

а немногочисленные специальные работы в основном разоблачали «буржуазный национализм» в Прибалтике и Украине. Публикации о коллаборационистах нередко изобиловали ошибками и неточностями, порой прямо искажали факты. Причины коллаборационизма сводились к субъективным факторам, к низменным личным качествам отдельных лиц, от страха и тщеславия до жажды наживы и ненависти к советской власти.

«Периферийный» характер изучения нацистской оккупации в отечественной историографии во многом объясняется тем, что обращение к ней порождало болезненные вопросы о причинах неудач РККА в начале войны, вследствие которых была оставлена значительная территория СССР, массовом характере сотрудничества советских граждан с противником, его действительных причинах. В результате происходила своеобразная подмена предмета изучения: оккупация нередко рассматривалась в качестве составной части истории народного сопротивления захватчикам, как совокупность обстоятельств, в условиях которых развертывалась всенародная борьба с противником, и их освещение не должно было заслонять ее героического, всенародного характера.

Как правило, *типы оккупационного режима* на захваченной территории СССР выделяли на основе административного критерия (системы управления захваченными территориями и ее административной принадлежности):

- 1) захваченная советская территория с гражданским управлением, входившая в рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина» (Прибалтика, Украина, Белоруссия, часть Ленинградской области),
- 2) захваченная советская территория с военным управлением, охватывавшая зону от линии фронта до тыловых границ групп армий (большая часть захваченной территории РСФСР),
- 3) аннексированные советские территории (Западная Украина – Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тернопольская области – переданы в состав Польского генерал-губернаторства и составили дистрикт «Галиция», земли западнее Южного Буга и Молдавия составили Транснистрию в составе Румынии).

Однако оккупационная политика также имела определенные особенности в отдельных регионах СССР, связанные как с деятельностью оккупационной администрации, так и с длительностью оккупации, формами и масштабом коллаборационизма и другими

обстоятельствами. В данной связи сохраняют свою актуальность проблемы компаративного анализа и разработки типологии оккупации.

С начала 1990-х гг. проблеме оккупации советских территорий в отечественной историографии стало уделяться значительно больше внимания. Активно разрабатывается как оккупационная политика – система мер, осуществлявшихся оккупационными властями, так и оккупационный режим – комплекс взаимоотношений между оккупантами и населением. Специальные исследования раскрывают особенности «локотского» и «кавказского экспериментов» (само понятие «эксперимент» призвано подчеркнуть «исключительность» осуществлявшейся здесь политики). При этом сущность нацистской оккупации в значительной части исследований не подвергается пересмотру. Однако появились и работы, разрывающие с предшествующей историографической традицией (А. Гогун, Б. Соколов и др.). В современной историографии раскрыты планы Германии в отношении советских территорий, структура и направления деятельности оккупационной администрации, ее социально-экономическая и национальная политика, формы и методы нацистской пропаганды, проведение аграрной, налоговой и финансовой реформ, мероприятия в религиозной жизни, в здравоохранении, образовании, социальном обеспечении. Новым сюжетом в современной историографии стало обращение к трагическим судьбам «восточных рабочих».

Изучение коллаборационизма также превратилось из маргинального сюжета в одно из наиболее популярных исследовательских направлений. Если работы 1990-х гг. отличались фрагментарностью, противоречивостью и полемической заостренностью, присущей публицистической литературе, то в последнее время вышли крупные обобщающие и специальные работы. Отказ от идеологических догм и стереотипов, привлечение новых источников позволили прийти к более достоверным выводам о масштабе и причинах данного явления.

Пересмотр прежних положений сказывается и в использовании новой терминологии. В советское время для обозначения лиц, сотрудничавших с противником, в основном использовались понятия «пособники врагу», «предатели» и «изменники Родины», имевшие негативное содержание, а то и более резкие выражения («фашист-

ские холуи» и другие). Применялся и термин «власовцы», которому придавалось расширительное значение, поскольку РОА генерала А.А. Власова была создана в самом конце войны, а ряд вооруженных формирований из советских граждан, воевавших на стороне вермахта, так и остался ему неподотчетным. Более того, отдельные коллаборационистские и эмигрантские лидеры, впоследствии «удостоенные» данного названия, выступали прямыми оппонентами и соперниками Власова. Правда, многие советские граждане, в основном из числа военнопленных, служившие в частях вермахта и люфтваффе и не имевшие никакого отношения к Власову, действительно стали носить нашивки РОА после его выступления в 1942 г. Но это имело откровенно пропагандистский характер, поскольку РОА как воинского соединения тогда не существовало.

В зарубежной и эмигрантской историографии по отношению к советским коллаборационистам часто применялись понятия из немецких военных документов: они именовались «освободителями» и «добровольцами». Использование данных терминов в условиях «холодной войны» имело очевидную политическую и идеологическую ангажированность, подчеркивая тоталитарный и антисоветский характер советского режима, выступление собственных граждан против которого изображалось как героический поступок. Коллаборационистские вооруженные формирования и соответствующие политические структуры рассматривались как своеобразная «третья сила» между Сталиным и Гитлером. Однако никакой «освободительной» функции РОА выполнить не могла, тем более в конце войны, когда ее исход уже был фактически предрешен, а многие военнослужащие данных формирований делали свой выбор далеко не всегда добровольно.

В настоящее время сотрудничество с противником все чаще обозначается термином «коллаборационизм» (от французского *collaboration* – сотрудничество). При этом во французском языке данный термин имел сугубо негативное значение, но его иностранное происхождение придает ему в русском языке нейтральный характер, по сравнению с прежними оценочными категориями. Вплоть до 1990-х гг. данный термин практически не использовался для обозначения сотрудничества советских граждан с противником ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и применялся для характеристики подобных явлений в оккупированных странах

Европы и Азии. Свою роль играли упомянутые выше идеологические предубеждения.

Большинство исследователей признают различные причины сотрудничества (политические, национальные, социальные), отмечают, что в него были вовлечены представители всех слоев советского общества, обращают внимание на то, что в условиях оккупации часть советских граждан теряла привычные политические и моральные ориентиры. Свою роль играла нацистская пропаганда, националистические настроения, карьерные побуждения, соображения материальной выгоды и другие обстоятельства.

Ввод в научный оборот значительного эмпирического материала позволил предложить различные типологии коллаборационизма. Большинство исследователей рассматривают в качестве критерия сферу, в которой осуществлялось сотрудничество с противником. С.В. Кудряшов выделил военное, политическое и экономическое (гражданское) сотрудничество, предложил разграничивать пассивный и активный (с оружием в руках) военный коллаборационизм²⁸. Н.М. Раманичев охарактеризовал четыре основных формы сотрудничества с оккупантами: политическое, административное, хозяйственное и военное²⁹. Указав, что диапазон форм проявления коллаборационизма весьма обширен, М.И. Семиряга выделил бытовой, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм³⁰. Наибольшее количество форм предложил Б.Н. Ковалев: военный, экономический, административный, идеологический, интеллектуальный, духовный, национальный, детский, половой³¹.

Представляется также целесообразным, используя в качестве критерия мотивы сотрудничества, разделять «сознательный» коллаборационизм, связанный с неприятием советского государства и осознанным желанием содействовать оккупантам, и коллаборационизм «вынужденный», порожденный внешними по отношению к субъекту обстоятельствами. От этих типов следует отделять «псев-

²⁸ Кудряшов С.В. Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 86, 91

²⁹ Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 293.

³⁰ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 11.

³¹ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

доколлаборационизм» – выполнение тех или иных функций в оккупационной администрации или полиции, частях вермахта и других вооруженных формированиях участниками сопротивления или специально засланными советскими агентами.

Разумеется, все предложенные классификации достаточно условны. Деятельность отдельных коллаборационистов нередко протекала в различных формах, а переход на сторону противника могли обуславливать сразу несколько мотивов. Но, как и любые другие абстрактные категории, указанные «идеальные типы» коллаборационизма позволяют осмыслить его сущность и проявления. Разную роль в событиях военных лет играли участники карательных акций и сельские старосты, выполнявшие приказы германского командования и в то же время создававшие условия для жизни и работы своих односельчан. Различалась и деятельность членов национальных комитетов, сотрудников городских и районных управ, рядовых полицейских и крестьян, сдававших часть урожая оккупационным властям под угрозой расстрела. Все приведенные примеры можно отнести к проявлениям коллаборационизма, но значение, формы и мотивы сотрудничества в каждом случае значительно расходились.

Наиболее полно в современной историографии раскрыты вопросы военного и политического коллаборационизма как наиболее активных и лучше документированных форм сотрудничества советских граждан с противником. Особенно значительное внимание исследователи уделяли РОА и Власову, но всплеск интереса к его личности и деятельности не сопровождался новизной подходов в изучении. Авторы целого ряда работ пытались решить «проблему Власова» в рамках морально-этической дилеммы: кем следует считать генерала – предателем или героем? Большинство российских историков подчеркивают, что Власов не был идеяным борцом со Сталиным вплоть до самой своей сдачи в плен и перешел на сторону противника, спасая свою жизнь. Напротив, отдельные авторы считают РОА вслед за белым движением, несмотря на все их различия, составной частью «русского антисталинского движения» (К.М. Александров). Гораздо менее изучены невоенные формы сотрудничества, носившие самый массовый характер.

В последнее время в изучении проблемы коллаборационизма стала проявляться еще одна тенденция, которая может иметь опасные политические последствия. Часть авторов стремится доказать,

что коллаборационизм/предательство имел место только у представителей «других» этносоциальных общностей. Острота конфликтов в восприятии событий все более отдаляющегося от нас прошлого, выступающего в результате не консолидирующем, а разъединяющим фактором современного развития страны, позволяет говорить о своеобразных «войнах памяти», которые нередко сопровождаются и «войнами с памятниками». Если часть общественных организаций и движений видит своей задачей «увековечивание» памяти о коллаборационистах через установление им соответствующих памятников и памятных знаков, то другая часть общества активно стремится не допустить этого.

В целом, позитивное значение для изучения темы имеет отказ от одномерного «черно-белого» изображения оккупации, в результате чего она приобретает все более разносторонний и многоплановый характер. И на захваченной противником территории жизнь многих людей была наполнена не только ненавистью и страхом, но и решением повседневных, будничных забот, которым раньше не уделяли внимания историки. Дальнейшие перспективы в изучении данных вопросов связаны с расширением круга источников, причем не только за счет введения в научный оборот новых, однотипных документов. Необходимо привлечение других источников, которые ранее почти не использовались при изучении данной проблемы, например, фольклорных произведений и рассказов очевидцев данных событий, а также дальнейшее углубление их анализа, расширение самого круга рассматриваемых вопросов. При этом речь должна идти о качественном переосмыслении имеющегося в распоряжении исследователей материала.

Так, к настоящему времени в историографии достаточно подробно разработаны вопросы структуры оккупационной администрации. Однако сам механизм принятия решений и их реализации, вся совокупность сложных и нередко трагических взаимоотношений, складывавшихся между населением, оккупантами и партизанами, нуждаются в дальнейшем обсуждении. Дальнейшего переосмысливания требуют и социально-психологические аспекты оккупации. Размах жестокости и насилия на оккупированной территории, как правило, рассматривался лишь в качестве доказательства «человеконенавистнического характера оккупационного режима». Действительно, террор являлся главным средством реализации нацист-

ских планов тотального переустройства мира. Однако репрессии нередко противоречили конкретным задачам оккупантов, прежде всего экономического и пропагандистского характера. Постоянное зрелище систематических казней причиняло психологические травмы тысячам и миллионам мирных людей, особенно женщинам и детям. Посттравматический синдром должен был сказываться на протяжении многих последующих лет, влияя как на личную жизнь отдельных людей, так и на судьбу региона и страны целом.

По-прежнему мало изучены последствия оккупации. Еще в годы войны был выявлен и описан материальный ущерб, но вопросы о том, какой след оставила оккупация в жизни самих людей, практически не ставились в историографии. Между тем оккупация сыграла свою роль в формировании определенных стереотипов. Особую враждебность приобрел образ немца, на долгие годы оставшегося «врагом», «оккупантом», «захватчиком». Неслучайно, что и через многие десятилетия после войны часть жителей, бывших ее очевидцами и участниками, выступает против установления памятников на данной территории погибшим немецким солдатам. Не следует забывать и об определенной правовой дискриминации жителей оккупированных районов после их освобождения. В советских анкетах существовала специальная графа, требовавшая указать, находился ли человек на оккупированной территории или нет. В зависимости от этого обстоятельства могли решаться вопросы о трудоустройстве, поступлении в учебные заведения, выезде за границу и другие жизненные проблемы. Государство проявляло недоверие к своим собственным гражданам, на некоторое время «выпавшим» из-под контроля. Особенно сложно складывались судьбы бывших «восточных рабочих», поэтому многие из них были вынуждены скрывать факт своей работы в третьем рейхе даже от родных и близких. Сначала потому, что сами опасались преследований, потом – чтобы «не навредить» своим родственникам, детям.

Перспективным представляется выход исследований на макроисторический уровень, позволяющий рассмотреть события оккупации сквозь призму судеб отдельных личностей. Тем самым он позволяет понять, какую роль сыграла оккупация в судьбе конкретного человека, перенести центр внимания историков с вопросов государственного масштаба на проблемы жизни и мироощущения отдельного человека и общества в целом.

Решение этих, как и многих других вопросов связано не только с поиском новых источников, отражающих сферу эволюции индивидуального сознания человека, но и с обновлением исследовательской методологии. Определенные перспективы видятся в проведении исследований на стыке различных гуманитарных дисциплин. В частности, грубое поведение немецких солдат и офицеров на захваченной территории, как правило, объяснялось следствием воздействия нацистской идеологии и пропаганды, способствовавшей созданию представлений о жителях России как о людях низшей расы, «унтерменшах». Между тем, Ю.М. Лотман объяснил подобное поведение немецких солдат психологическим комплексом, который он назвал «комплексом оккупанта». Средний человек, обыватель, переживший много унижений и ставший неожиданно для себя господином на оккупированной территории, чтобы справиться со своим новым положением, решительно расставался с прежними культурными представлениями. Находясь на захваченной территории, оккупанты «освобождались» от своих культурных ценностей и стереотипов, а чужая культура оставалась для них недоступной. Именно это освобождение от культуры объясняет разницу в поведении немецких солдат дома и в оккупированных областях.

Оправданным выглядит перенос внимания современных исследователей с коллаборационистов как отдельных личностей на коллаборационизм как масштабное историческое явление. Современные российские историки охарактеризовали сущность коллаборационизма, пришли к более достоверным выводам о его масштабе, причинах, выделили различные формы и типы. В то же время на изучение коллаборационизма по-прежнему оказывает влияние политика и идеология. Особенно отчетливо политизация проблемы оказывается в тех регионах, где проживают народы, депортированные в годы войны по обвинению в «измене родине». Обращение к вопросу о сотрудничестве представителей данных национальностей с оккупантами нередко воспринимается достаточно болезненно, как продолжение «травли» того или иного народа, что в немалой степени осложняет изучение данного вопроса. Несмотря на существенный прогресс в разработке проблемы, в ней сохраняется немало своеобразных исследовательских «лакун», включая и общую численность лиц, в той или иной форме сотрудничавших или взаимодействовавших с оккупантами. Подсчитать, сколько людей на ок-

купированной территории выполняли поставки в войска вермахта или ремонтировали немецкую технику, не представляется возможным, как, впрочем, и определить точное число тех, кто саботировал политику оккупационных властей. С большим трудом поддаются обобщению и систематизации сведения о количестве и социальном составе старост, бургомистров и других лиц, работавших в местных органах управления на оккупированной территории.

Недостаточно раскрыты и вопросы взаимоотношений коллаборационистов с остальным советским населением, материалы опросов очевидцев немецкой оккупации свидетельствуют о том, что полного единодушия среди жителей в этом вопросе не было. Часть респондентов негативно относится к коллаборационистам – как к предателям и изменникам Родины, которым даже через десятки лет нет прощения. Более того, негативные эмоции по отношению к ним порой выступают резче и сильнее, чем к солдатам вермахта. Другие жители оккупированной территории придерживаются дифференцированного подхода, относясь к каждому конкретному старосте или полицейскому в зависимости от того, как они сами себя вели по отношению к населению. Еще одним малоизученным сюжетом остается последующая судьба коллаборационистов. Часть лиц, сотрудничавших с противником, сумела скрыться и избежать преследований, большинство было привлечено к уголовной ответственности в судебном порядке. Но и после понесенного наказания многие бывшие коллаборационисты сталкивались с негативным отношением окружающих и нередко скрывали эти факты своей биографии, меняя фамилии, имена, места жительства, что в немалой степени затрудняет анализ данного вопроса.

В. Селеменев

**Нацистская истребительная политика
в публикациях Национального архива
Республики Беларусь**

Национальный архив Республики Беларусь является главным в стране хранищем документов Великой Отечественной войны. Здесь сосредоточены фонды Белорусского штаба партизанского движения, подпольных партийных и комсомольских органов, антифашистских организаций, партизанских формирований. Значительный комплекс документов отложился в фонде ЦК КП(б)Б, который был организатором и руководителем всенародной борьбы белорусского народа против немецких оккупантов.

В НАРБ хранятся документы немецких и коллаборационистских организаций. В их числе фонды Генерального комиссариата Белоруссии, Борисовского, Барановичского и Минского окружных комиссариатов, Белорусской краевой обороны, Союза белорусской молодежи, Белорусской народной самопомощи.

В декабре 2001 г. Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь передал в НАРБ 2897 уголовных дел иностранных военнопленных, осужденных в послевоенный период за преступления, которые они совершили в годы Второй мировой войны и во время нахождения в советском плену. В них содержится информация по широкому аспекту проблем войны и по многим областям Советского Союза, а не только Беларуси. Дело в том, что военнопленных судили не по месту совершения преступлений, а в местах, где они находились в лагерях.

В советский период архив участвовал в подготовке только одного сборника документов, освещавшего проблемы Великой Отечественной войны. “Преступления немецко-фашистских оккупантов Белоруссии. 1941 – 1944 гг.”. Он был издан в 1963 г. В 1965 г. вышло его второе издание.

Во многом это объясняется тем, что большинство документов периода Великой Отечественной войны были практически закрыты для использования до начала 90-х годов. Передача партийных архивов в систему государственной архивной службы, рассекречивание документов (сегодня все документы военной поры рассекречены)

создали предпосылки для широкого вовлечения материалов Великой Отечественной войны в научный оборот. Этому же способствовала проведенная архивом работа по совершенствованию системы научно-справочного аппарата к данному комплексу документов. Были усовершенствованы описи БШПД, подпольных партийных и комсомольских органов, партизанских формирований.

В 1998 г. издан справочник “Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики”, в подготовке которого принимал участие и НАРБ. В 2001 г. сокращенная версия белорусского издания опубликована в Австрии на немецком языке. В 2003 г. доработанный вариант справочника выходит на двух языках – русском и немецком. Принятые меры облегчили доступ к фондам государственных архивов республики не только белорусских, но и иностранных пользователей.

С середины 90-х годов начинается активная публикация НАРБ документов по проблемам Второй мировой войны. Этому способствовало установление тесных связей с Белорусским республиканским фондом “Взаимопонимание и примирение”, ставшим основным заказчиком и спонсором документальных публикаций по данной теме.

Одним из первых крупных издательских проектов был цикл работ о белорусских оstarбайтерах. Он состоит из четырех книг документов и материалов и монографического исследования. В сборниках опубликованы документы из белорусских и зарубежных архивов об угоне населения Беларуси на принудительные работы и депортации его на Родину. Данной же теме посвящен сборник документов “Оstarбайтеры. Принудительный труд белорусского населения в Австрии”, подготовленный совместно с австрийским Институтом им. Л. Больцмана по исследованию последствий войны.

В годы второй мировой войны на оккупированной территории Беларуси фашисты создали широкую сеть лагерей, где содержались мирные граждане. В связи с проводившимися выплатами жертвам нацизма был подготовлен справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси в 1941 – 1944 гг. Первое издание вышло в 1996 г., второе в 1998 г. и третье, на русском и немецком в 2001 г.

Крупнейшим местом массового уничтожения людей в Беларуси является лагерь Тростенец. По количеству жертв он занимает четвертое место в Европе после таких печально известных нацистских

лагерей, как Освенцим, Майданек и Треблинка. В лагере погибло не менее 206 тысяч человек – советских военнопленных, евреев Беларуси и западноевропейских государств, подпольщиков, партизан и других противников режима. В 2003 г. архив издал сборник документов “Лагерь смерти Тростенец”, где рассказывается о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в окрестностях деревни Малый Тростенец Минского района.

Кровавый след оставил на белорусской земле вермахт. По его инициативе были организованы лагеря на переднем крае немецкой обороны в поселке Озаричи, куда согнали более 50,0 тысяч нетрудоспособных граждан Гомельской, Могилевской, Полесской областей Беларуси, а также Смоленской и Орловской областей России. Отгородившись от наступающей Красной Армии огромной живой массой людей, командование вермахта преследовало зловещую цель: заразить узников лагерей сыпным тифом и распространить эпидемию в передовых советских частях, и тем самым сорвать их наступление. Об этом преступлении нацистского режима рассказывает сборник документов “Озаричи – лагерь смерти”, изданный в 1997 г. В 1999 г. вышла новая публикация о лагере “Заложники вермахта” на русском и немецком языках. В том же году увидел свет сборник “Узники Озаричских лагерей вспоминают”.

Характерной особенностью нацистской оккупационной политики в Беларуси являлось уничтожение населенных пунктов вместе с их жителями. 433 белорусские деревни сожгли нацисты вместе с жителями, 186 из них не возродились после войны. Символами трагедии белорусского народа стала небольшая белорусская деревня Хатынь, где в 60-е годы сооружен мемориал, получивший мировую известность. Об уничтожении карателями этой деревни в марте 1943 г. и сооружении здесь мемориала рассказывает сборник документов “Хатынь. Трагедия и память” (2008). В книге впервые опубликованы документы из уголовных дел карателей, участвовавших в сожжении деревни, и хранящихся в Центральном архиве Комитета государственной безопасности РБ.

Теме изъятия у населения золотых, серебряных вещей и драгоценностей и вывозу их в Германию посвящен сборник документов “Нацистское золото из Беларуси” (1998 г.). Эта работа в 1998 г. в Вашингтоне на международной конференции по проблемам Холокоста была признана лучшей в мире по данной проблематике.

Много внимания уделяется теме Холокоста. Она нашла отражение в сборниках документов “Холокост в Беларуси. 1941 – 1944 гг.” (2002); “Выжить – подвиг. Воспоминания и документы о Минском гетто” (2008); “Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси. 1941 – 1944 гг.”.

Последняя работа вышла в ноябре 2009 г. В ней впервые публикуются документы из уголовных дел немецких военнопленных, осужденных в послевоенные годы за участие в ликвидации еврейского населения. В качестве приложения дается перечень 523 мест его уничтожения в республике, составленный сотрудниками Музея истории и культуры евреев Беларуси.

Сотрудничество с немецким объединением “Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора” положило начало разработке темы судеб советских и немецких военных в годы Второй мировой войны. В результате подготовлены два издания справочника “Лагеря советских военнопленных Беларуси. 1941 – 1944 гг.”. Первое вышло на русском языке в 2003 г., второе на русском и немецком – в 2004 г. В них даны систематизированные сведения о лагерях советских военнопленных, функционировавших на территории оккупированной Беларуси в 1941 – 1944 гг. Кроме того, в Беларуси были переизданы подготовленные Объединением “Саксонские мемориалы” книги памяти советских военнопленных, умерших в лагерях Хаммельбург и Цайтхайн.

Особый интерес представляет переиздание книги о лагере Цайтхайн. Если в немецком варианте книги дан список около 5,5 тысяч фамилий умерших советских военнопленных в этом лагере, то в белорусском их число составляет 14595 человек. Кроме того, совместно с Объединением подготовлен сборник “Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны”, основу которого составили выступления участников Международной научно-практической конференции, состоявшейся в НАРБ в декабре 2003 г.

С Институтом им. Л. Больцмана по изучению последствий войн осуществлен проект по изучению уголовных дел иностранных военнопленных, осужденных за военные преступления и преступления, совершенные в лагерях в послевоенные годы. В результате появился сборник статей “Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами. 1945 – 1950 гг.”.

Ряд интересных изданий о Великой Отечественной войне подготовлен НАРБ с российскими архивистами. Среди них сборники документов “Приказано приступить. Эвакуация заключенных из Беларуси” (2005), “Освобожденная Беларусь” в двух книгах (2004, 2005), “Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.)” (2006). В сборниках в центре внимания не военные события, а деятельность партийных организаций и советских органов власти республики, настроения мирного населения и красноармейцев, эвакуация на восток, восстановление народного хозяйства в условиях военного времени и первые послевоенные месяцы. Ответы на многие сложные проблемы начального этапа Великой Отечественной войны можно найти в сборнике документов “Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 гг.”, подготовленном совместно с Российским государственным военным архивом в 2001 г. Документы из белорусского и российского архивов освещают организационное строительство и мобилизационную готовность войск округа, ход оборонительного строительства, результаты инспекторских смотров и учений и др.

С Российским государственным архивом социально-политической истории опубликован справочник “Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного комитета обороны СССР”.

НАРБ принял участие в издании совместно с Фондом содействия актуальным историческим исследованиям “Историческая память” сборника документов “Уничтожить как можно больше...” Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии. 1942 – 1944 гг. (2009).

В публикациях архива нашла отражение тема партизанского движения и подполья в годы войны. Ей посвящены сборник документов и воспоминаний “Авиация – партизанам” (2008), книга “Встали мы плечом к плечу. Евреи в партизанском движении Белоруссии 1941 – 1944 гг.) (2008), документальное исследование В. Селеменева и В. Шимолина “Охота на палача” (2007).

В ряде изданий НАРБ исследуется тема увековечения памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. В 1995 г. вышла книга “Память. Минская область. Список погибших партизан, подпольщиков, связных и партизанских формирований и подпольных организаций, действовавших на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны”. По инициативе Управления

по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных сил Республики Беларусь в 2008 г. опубликован сборник документов “Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941 – 2008 гг.”. Эта тема отражена и в выше упомянутом сборнике “Хатынь. Трагедия и память”, где рассказывает о сооружении Хатынского мемориала.

Подводя итоги, можно сказать, что за прошедшие годы НАРБ введен в научный оборот значительный комплекс документов по истории Великой Отечественной войны. В ближайших планах архива подготовка сборников документов о партизанском движении на Гомельщине и Витебщине, о деятельности белорусов в советском тылу.

В. Хорьков

Нацистская война на уничтожение и советская дипломатия

Все дальше и дальше уходит от нас в прошлое Вторая мировая – самая разрушительная, самая кровопролитная война, которую пришлось пережить человечеству. Для народов Советского Союза она стала борьбой за право на жизнь, за право иметь собственную историю и культуру. И они победили, и освободили от фашизма весь мир. На Восточном – главном тогда – фронте решались судьбы всей Европы. Именно там были уничтожены 506 гитлеровских дивизий и около 100 дивизий сателлитов Германии. На полях сражений именно с Красной Армией Вермахт потерял 70% живой силы и 75% техники.

В последнее время, особенно в связи с 70-летием начала Второй мировой войны и в преддверии 65-летнего юбилея Победы над фашизмом, мы нередко становимся свидетелями попыток переписать историю Второй мировой войны, провести ревизию ее итогов. Минимизируется вклад советского народа в достижение нашей общей победы над блоком фашистских государств, заявляется о якобы равной ответственности Гитлера и Сталина за развязывание войны, раздаются голоса в пользу оправдания нацистов. При этом оскорбляется память павших в борьбе с фашизмом советских солдат.

Это опасный путь. Трагедии прошлого, неосознанные или неосмыслиенные, либо осмыслиенные лицемерно и поверхностно, становятся основой для историко-политических мифов, которые влияют на национальные менталитеты и деформируют их в угоду недобросовестным политикам, и в итоге – снова сталкивают между собой страны и народы.

Несомненно, что Европе по силам прийти к общей оценке нашего совместного военного прошлого. Вместе с тем, уже сегодня мы обязаны четко и однозначно заявить: любые попытки переписать историю под нужды сиюминутной политической конъюнктуры, героизировать нацистских пособников, поставить в один ряд жертв и палачей, освободителей и оккупантов аморальны и несовместимы с сознанием людей, считающих себя цивилизованными демократическими европейцами.

Что бы там ни говорили фальсификаторы, факт остается фактом: это фашистская Германия напала на Советский Союз, который вынужден был обороняться, а затем, с целью окончательного устранения угрозы, освобождать от фашизма европейские государства и добиваться окончательной победы над ним уже на немецкой земле. Причем, нападение на СССР нацисты готовили задолго до 22 июня 1941 года и даже до составления плана «Барбаросса». Подтверждение тому мы находим в записях выступлений и публикациях их главарей, в официальных документах «третьего рейха». В этих документах содержались прямые указания о направлении агрессии германского империализма на Восток в целях завоевания для немцев т.н. «жизненного пространства». В частности, еще в своей книге «Майн кампф» А.Гитлер писал: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь ... Россию».

На подлежащих захвату территориях в Восточной Европе нацисты планировали не только установление контроля, но и уничтожение значительного числа представителей местного населения. А.Гитлер ратовал за изведение ни много, ни мало – 20 млн. славян. «Это будет одна из основных задач германской политики, – говорил он – задач, рассчитанных на длительный срок: остановить всеми средствами плодовитость славян... В былые времена за победителем признавалось полное право истреблять целые племена и народы».

Эти слова не остались пустым звуком. Огромные цифры: свыше 27 млн. человек или 40% всех людских потерь во Второй мировой войне пришлось на Советский Союз. И подавляющая их часть – на гражданское население. Причем, убивали нацисты советских людей с особой жестокостью.

Этот жестокий истребительный характер войны против СССР, планомерность и преднамеренность уничтожения его населения, отмечали и наши западные союзники. Так, представитель обвинения от США на Нюрнбергском процессе Тэйлор признавал, что «зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями «третьего рейха» на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. ... Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представляющих собой последовательную логическую систему».

Чтобы осуществлять убийство сотен тысяч и даже миллионов людей сверх осуществляемого в ходе ведения обычных военных действий, а также физически уничтожать целые народы, в первую очередь славянские, в самой Германии и на захваченных ею землях нацисты создали гигантскую сеть концлагерей, оснащенных специальными средствами массового истребления людей. Причем в числе их узников было много детей, разделивших участь взрослых. В сотнях таких размещенных на оккупированных территориях СССР лагерей смерти, было убито около 11 млн. советских граждан, из которых 7 млн. человек были мирными жителями, а 4 млн. – военнопленными. Назову лишь некоторые из крупнейших концлагерей, расположенные в рассматриваемом нами регионе или около него: это Тростянецкий (около Минска) и Гомельский; Саласпилсский (около Риги) и Даугавпилский; лагерь Панеряй (около Вильнюса), нарвские концлагеря. Полагаю, что местные исследователи дополнят и расширят этот перечень.

Создание системы концлагерей в приговоре Нюрнбергского международного военного трибунала было осуждено как преступление против человечности.

Весомый вклад в то, чтобы такой трибунал состоялся, чтобы главные нацистские преступники были наказаны, внесла советская дипломатия. Разумеется, основные ее усилия с первых же дней войны были нацелены на создание и укрепление антигитлеровской коалиции, скорейшее открытие второго фронта в Европе, обеспечение бесперебойных поставок Советскому Союзу военной техники и продовольствия. За официальным фасадом международных встреч и контактов на высшем уровне, переписки руководителей союзных держав стояла напряженная профессиональная работа наших дипломатов. Вне поля их зрения не остались и вопросы истребления советских людей и необходимости признания международным сообществом обязательности возмездия за эти преступления.

Следует отметить, что не все страны антигитлеровской коалиции изначально одобряли надобность предания суду высших чинов германского рейха. Проблема наказания военных преступников, виновных в развязывании Второй мировой войны и убийстве миллионов мирных граждан оккупированных стран, с самого начала приобрела острый политический характер. Бесспорным оставался принципиальный вопрос: ужасающие преступления нацистов требовали наказания.

Глава дипломатического ведомства и зампред Совнаркома СССР В.М.Молотов уже в первый день Великой Отечественной войны в своем выступлении заявил о неизбежности справедливого возмездия. Во время войны советское государство самостоятельно, а также совместно с союзниками выступило с целым рядом заявлений, которые извещали мир о чудовищных преступлениях, совершенных нацистами на временно оккупированных территориях, и содержали предупреждение об ответственности за них. Советские дипломаты преодолели и существовавшую поначалу в западных столицах тенденцию к замалчиванию этих преступлений в СССР.

В результате успешных действий Красной Армии и усилий на дипломатическом фронте Советскому Союзу в конечном счете удалось прийти к победе в Великой Отечественной войне, отстоять свои внешнеполитические интересы и добиться справедливого послевоенного урегулирования. Благодаря стараниям, в том числе и советских дипломатов, состоялся знаменитый Нюрнбергский процесс.

Суд истории и Суд народов, приговор которого получил одобрение всего мирового сообщества, осудил авантюристскую, вероломную политику нацизма, связанные с агрессивные войны, всю его человеконенавистническую стратегию. На последовавших за ним, основанных на выработанных в Нюрнберге принципах, судебных процессах в Германии и других странах было осуждено в общей сложности порядка 70 тысяч нацистов и их пособников.

Здесь следует отметить, что историческая миссия Нюрнбергского трибунала заключалась в осуществлении правосудия в отношении главных инициаторов и виновников фашистских злодействий и ни в коей мере не являлась местью немецкому народу, который сам в известной мере оказался заложником политики Гитлера.

Казалось бы, незыблемость принятых в Нюрнберге решений очевидна и неоспорима. Однако в наши дни в мировом сообществе получают распространение суждения, имеющие целью фактически пересмотреть постановления Международного военного трибунала, извратить их суть, оправдать преступников. Поэтому важно и сегодня всемерно способствовать развитию идей и принципов Нюрнбергского процесса, поддержанию духа его справедливых решений и всячески препятствовать попыткам искажения и пересмотра итогов этого процесса, а также и Второй мировой войны в целом.

Т. Брютман

К вопросу о коллаборационизме в нацистской Европе в контексте «окончательного решения» еврейского вопроса

Было бы слишком смело претендовать на возможность описать в нескольких словах проблему коллаборационизма в нацистской Европе, в частности – в целях сравнения Восточной и Западной Европы. Размышлять над этим вопросом можно только после четкого определения рамок своего исследования. В данной статье будут изложены некоторые мысли относительно термина «коллаборационизм» в условиях «окончательного решения еврейского вопроса» – этого политического феномена, осуществляемого в масштабах европейского континента; феномена, который проводился на любой территории, попадавшей в зону интересов нацистов, создавая, тем самым, условия для проявления коллаборационизма.

Однако сначала необходимо сказать несколько слов об изученности этого вопроса в исследованиях западноевропейских историков. На самом деле, вопрос о самом термине «коллаборационизм», об его использовании и о реальности, стоящей за ним, вот уже многие десятилетия является предметом глубоких размышлений. Данное понятие включает в себя совокупность многочисленных моделей поведения во время войны: позицию правительства, политических партий и индивидов. Его также активно использовали для описания политической пристрастий, повседневных отношений между жителями оккупированных территорий и оккупантами, в частности, момент сближения одних и других.³² Таким образом, термин «коллаборационизм» употреблялся в разных направлениях, поэтому, безусловно, необходимо прежде всего вспомнить его происхождение.

Генезис термина

Термин «коллаборационизм» в смысле синонима сотрудничества с Третьим Рейхом и его жителями появился непосредственно во время войны, вместе с другими понятиями, призванными описать

³² Таких, как, например «горизонтальный» коллаборационизм – феномен сексуальных связей между немцами и местными обитателями.

ту реальность. К примеру, с весны 1940 г. британская пресса создает производный термин от имени норвежского главы государства Видкуна Квислинга, ставленника Третьего Рейха. Став в англо-саксонском языковом пространстве синонимом слова «предатель», термин «квислинг» получил с тех пор широкое распространение не только во время самого конфликта (употреблялся даже Уинстоном Черчиллем), но и в наши дни, вплоть до того, что он вошел в словари английского и стал эквивалентом определения «коллаборационист».

Но он не вытеснил предыдущего термина, остававшегося самим используемым, перешедшего во многие другие языки: мы можем увидеть его и в английском, и в русском, куда он попал через немецкий, датский или голландский. Происходя напрямую от французского, смысл термина ведет начало из двух речей маршала Петена, произнесенных в ключевой момент истории французского государства: во время его встречи с Адольфом Гитлером 24 октября 1940 г. в Монтуаре.

Обе речи сопровождали это событие: первая – приветственная, а вторая – следствие первой. И в обеих термин «коллаборационизм» используется с целью налаживания понимания с Третьим Рейхом, занимая центральное место. 11 октября 1940 г. Петен провозглашает во Франции новый режим:

«...воздадим честь настоящего национализма, того, который не концентрируется на себе самом, а переходит в состояния международного сотрудничества (коллаборационизма).

Франция готова стремиться к такому сотрудничеству (коллаборационизму) со своими соседями во всех сферах жизни. Также она знает, что, какова бы ни была политическая карта Европы и всего мира, вопрос франко-немецких взаимоотношений, так преступно пренебрегаемый в прошлом, продолжит обозначать свое будущее.

Несомненно, накануне своей победы над нашей армией Германия может выбирать между традиционным миром, основанным на подавлении, или же на новых отношениях, базирующихся на дружбе (коллаборационизме)».

30 октября Петен дает знать, что:

«Я добровольно согласился на предложение фюрера. На себе я не ощущал никакого «диктата», никакого давления. Коллаборационизм между нашими двумя странами был предусмотрен. И я принял этот принцип. В дальнейшем будут обсуждаться детали.

Я обращаюсь ко всем, кто ожидал от этого события блага. Франция, я хочу сказать, что благо в первую очередь находится в наших руках. Всем тем, кто в благородстве своем, старался уйти от этой мысли, я говорю, что первым долгом всех французов является доверие. Всем сомневающимся и всем воздерживающимся я напоминаю, что культивируемое чрезмерное упрямство – верный путь к тому, что прекрасное движение к сохранению достоинства и гордости может потерять свою силу.

Тот, кто взял в свои руки бразды управления судьбой Франции, должен создать наиболее благоприятную атмосферу, способствующую защите интересов страны. Только из соображений чести, с целью поддержать единство французской нации с десяти вековой традицией, в рамках активного содействия построению нового европейского порядка, который я вкладываю в смысл пути коллаборационизма. Поэтому в ближайшем будущем возможно будет облегчить бремя горестей нашей страны, улучшить судьбу наших пленных, уменьшить убытки, нанесенные оккупацией. Поэтому надо бы сгладить линию расхождения, мобилизовать силы администрации и снабжать наши земли продовольствием».

С тех пор термин приобретает двойной смысл. По словам Д. Джексон³³, слово «коллаборационизм» было продумано и использовано правительством Виши, чтобы описать свою официальную политику и ввести ее в свой словарь. И в то же время в устах противников режима Виши, оно приобретает негативный оттенок, употребляясь по отношению к предателям. В этом смысле термин используется весьма широко на протяжении войны и переходит в понятийный аппарат народов за пределами Франции, вплоть до того, что он органически сливается в своем значении с понятием предательства.

Определение коллаборационизма

Ввиду широкого использования термина «коллаборационизм» историки, по крайней мере французские, без конца стараются определить, усложнить и заострить его смысл. Историк Стенли Хоффман был первым в это области, посвятив именно этому в статью,

³³ Julian Jackson, « Living with the Enemy: Collaboration and Accommodation », *World War II in Asia and Europe: Remembrance and Reconciliation*, colloque international organisé à Shanghai par l'ENS Cachan, Oxford University, Deutsches Historisches Institut Paris et la Chinese Society of French Historical, 6-8 novembre 2008.

опубликованную в 1968 г.³⁴, в которой он обозначил три вида коллаборационизма:

- индивидуальное поведение в повседневной жизни людей, находящихся в контакте с оккупантами;
- коллаборационизм (синоним понятия радикального коллаборационизма, используемого до наших дней) как определение деятельности партий и групп, близких в идеологическом плане нацизму;
- коллаборационизм на государственном уровне, регулируемого соглашениями между Францией и Третьим Рейхом. Этот тип подразделяется на коллаборационизм «вынужденный», который соответствует строгому выполнению условий таких соглашений, и «добровольный», характеризующий позицию тех, кто делал больше, чем от него требовалось данными документами.

После этого часть историков открыла дискуссию по осмыслению способов употребления термина «коллаборационизм», стараясь обозначить различные его формы, изыскивая новые его определения, оторванные от смысловой нагрузки, которую несет это слово. Так Филипп Бурен ввел понятие «приспособление» (в зависимости от различных ситуаций, принудительное или с согласия, когда представляется случай или удобная политическая ситуация).³⁵ Оно позволяло более тонко описать некоторые менее ярко выраженные модели поведения.

В области истории экономики многие историки также пытались уловить разницу разных поведенческих типов. Роберт Франк, Роберт Менcherини и Жан-Мари Флонё, в свою очередь, предложили типологию «экономического коллаборационизма»: собственно коллаборационизм в экономике, коллаборационизм с целью получения выгоды или как способ выживания (чтобы обеспечить непрерывную работу предприятия).³⁶ Базируясь на принципах развития экономики и сближая их с точкой зрения Филиппа Бурена, Франсуа Марко ввел термин «принудительная адаптация»³⁷, которым обозначал тех, кто шел на компромисс с оккупантами.

³⁴ Stanley Hoffmann, «Collaborationism in France during World War II», *Journal of Modern History*, Vol. 40, № 3, septembre 1968, 375-395.

³⁵ Philippe Burrin, *La France à l'heure allemande, 1940-1944*, Paris, Ed. du Seuil, 1995.

³⁶ Jean-Marie Flonneau, Robert Frank et Robert Mencherini, «Conclusion», in Alain Beltran, Robert Frank et Henry Rousso (dir.), *La vie des entreprises sous l'occupation*, Belin, Paris, 1994, p. 371-395.

³⁷ François Marcot, «Qu'est-ce qu'un patron résistant?» in Olivier Dard, Jean-Claude Daumas et François Marcot, *L'Occupation, l'État français et les entreprises. Actes du colloque organisé par l'Université*

Относительно недавно английский историк Джюлиан Джексон продолжил размышлять на тему понятия «коллаборационизм». Опираясь на неясность термина и невозможность соотнести его с более четко определенной категорией, он призывает задаться вопросом о границах приемлемого поведения во время войны и о том, в какую сторону эволюционируют суждения о его границах.³⁸

Вклад каждой из этих точек зрения позволяет лучше понять и изучить поведение человека во время войны. Но, посмотрев на это со стороны немцев, коллаборационизм предстает во всех своих смыслах в качестве дополнительной или необходимой помощи в достижении их целей. Термин «коллаборационизм» предстает в виде полноправной категории, которую можно анализировать саму по себе. И одним из главных выразителей категории коллаборационизм и важности его в европейских масштабах является контекст «окончательного решения еврейского вопроса». Никакая другая политика нацистов, а также никакое другое событие, кроме самой войны, особенно, на Восточном фронте, не потребовало помощи со стороны коллаборационистов на протяжности всего континента. Никакой другой проект не потребовал такого участия не только со стороны правительств стран-союзников Рейха, но также со стороны коллаборационистских движений и партий, и даже, в более частном смысле, со стороны отдельных личностей.

«Окончательное решение еврейского вопроса» через призму коллаборационизма

С точки зрения нацистов, реализация «окончательного решения» в том виде, в каком она была задумана и спроектирована, требовала одновременно помощи со стороны коллаборационистов из большого количества стран, и особенно от правительств. Ведь уничтожение евреев предполагало не только убийство тех, кто находился непосредственно в руках немцев, но также и тех, кто жил на других территориях, на которых нацисты также предполагали их истребить. Протокол Ганзейской конференции определял как цель

de Franche-Comté, Laboratoire des sciences historiques et le Musée de la Résistance et de la déportation de Besançon, à Besançon, les 24, 25 et 26 mars 1999, Paris, Association pour le développement de l'histoire économique, ADHE, 2000, p. 277-292 (P. 277-280).

³⁸ Julian Jackson, *op. cit.*, voir également *La France sous l'Occupation, 1940-1944*, Paris, Flammarion, 2004.

не только подконтрольных Рейху евреев, но и, по возможности, евреев из разных стран:

- живущих на территориях, где проходили военные действия, как, например, СССР (значительная часть западных территорий которого были к тому времени оккупированы немецкими войсками) или Великобритания;
- жителей стран-союзников Рейха: свободная зона Франции, Словакия, Венгрия, Румыния или, допустим, Болгария;
- в конце концов, в планы входили абсолютно все евреи нейтральных государств, таких как Швеция, Турция или Португалия.

Из самой этой концепции следует необходимость содействия коллаборационистов, поскольку она не могла быть реализована без участия стран, находящихся под влиянием нацистов, куда убежали из Рейха многие евреи. Сам проект уничтожения еврейства был фашистским, но его применение на практике невозможно без пособников, чей энтузиазм создавал опору в каждой отдельной местности, в зависимости от роли, отводимой им немцами различными способами.³⁹ Помощники на местах внесли свой вклад в осуществление «окончательного решения еврейского вопроса», который часто не могли реализовать одни немцы, поскольку они или не обладали возможностями захватить на местах всех евреев, как это было, например, на севере Франции на оккупированных территориях, или просто не могли постоянно присутствовать где-то.

Как только было объявлено об «окончательном решении», Третий Рейх начал проводить серию переговоров с каждой страной, находящейся в зоне влияния нацистов, чтобы заручиться необходимым содействием. Эти переговоры открыли серию действий по выдаче сотен тысяч евреев на европейском континенте. Но помимо коллаборационизма, полученного по договоренности, для осуществления «окончательного решения» требовалось участие местной администрации, как это было в Нидерландах и Бельгии.

Эти два вида коллаборационизма были ключевыми. Однако на территориях, находящихся под непосредственно немецкой оккупацией существовал еще другой, не менее важный, вид. Это был коллаборационизм на советских землях. Даже когда проект по уничтожению евреев еще не распространился по всей Европе, помочь

³⁹ Raul Hilberg, *La destruction des Juifs d'Europe*, 2 vol., Paris, Fayard, 1988.

коллаборационистов сыграла ведущую роль в уничтожении евреев на территории СССР.

В странах Прибалтики летом 1941 г. националисты принялись за осуществление антисемитской политики, в частности операций по физическому уничтожению евреев. В лесу Панерай возле Вильнюса, в одном из основных мест уничтожения евреев в Литве, убийства производились литовскими добровольцами, которые стали главными виновниками около 100 тыс. литовских и польских евреев. Тот же случай был на Украине с деятельностью националистов. В Киеве в ходе массовых убийств в Бабьем Яру 29 и 30 сентября 1941 г. украинские националисты «помогают» немцам в процессе сбора евреев и формируют первый заградительный кордон вокруг места убийства. В своем желании получить власть они доказывают свою силу путем оказания содействия в осуществлении «окончательного решения», что полностью вписывается в логику коллаборационистов.

Один и тот же феномен можно наблюдать на тех территориях, чьи правительства приходят к прекращению их коллаборационистской политики в «еврейском вопросе». Так в Венгрии произошло с партией Скрещенных стрел, во Франции – с правительством Виши, энтузиазм которого в процессе организации депортаций евреев угасает, что наблюдается на позиции членов ультра коллаборационистских партий (Народная французская партия, Народная партия (RNP), Милиция и т.п.). Именно их активисты призываются к преследованиям евреев на юге страны, где полиция уже не участвовала в арестах. Конечно, не только эти люди вели «охоту» на евреев, но они ее поддерживали, как и коллаборационисты на Востоке (хотя и в меньших масштабах) и были повинны в сотнях смертей во Франции до тех пор, пока в 1944 г. военные действия не перешли на французские территории.

Эти коллаборационисты разделяли ту же идеологию, что и нацисты, имели то же видение мира (в котором евреи составляли главную проблему), действовали в тех же политических рамках. Их легко идентифицировать. Но остаются также отдельные индивиды, которые, руководствуясь идеологическим выбором, удобным случаем (за вознаграждение) или по любым другим причинам (страх перед оккупантами и т.п.) оказывают помощь в реализации «окончательного решения». Этот тип коллаборационизма, относящийся к индивидуальному поведению человека, можно было встретить на

всех территориях от Франции до СССР и от Норвегии до Греции. Везде действия отдельных людей помогали Рейху ловить сбежавших или прятавшихся евреев. И это не зависело от того, какой статус имело то или иное государство в нацистской Европе. Так, например, в Польше население повсеместно выдавало евреев из-за боязни по-головной облавы.⁴⁰ Все эти виды коллаборационизма сыграли свою роль в деле уничтожения евреев. Индивидуальные поступки дополняли программу правительства или местных властей, завершая их работу.

⁴⁰ Voir par exemple Jan Grabowski, "Je le connais, c'est un Juif!". *Varsovie 1939-1943, le chantage contre les Juifs*, Paris, Calmann-Lévy, 2008 ("Ja tego Žyda znam!": szantażowanie Żydów w Warszawie, 1939-1943, Warszawa, Wydawnictwo IFIS PAN, 2004).

М. Алексеева

Выявление жертв истребительной политики нацистов и их пособников в Южном Приильменье

Война, развязанная против СССР, не сводилась к противоборству армий и была войной на истребление народов, подлежали уничтожению славяне, евреи, цыгане и другие народы, что резко увеличивало число жертв.

Южное Приильменье – территория Новгородской области (до 5 июля 1944 года Ленинградской области) южнее озера Ильмень находилась в зоне боевых действий Северо-Западного фронта, под оккупацией с августа 1941 по февраль 1944 годов.

Военные действия на этой территории имели характер длительных позиционных боев вокруг Старой Руссы, Демянского котла и Холма. На оккупированной территории был установлен режим террора против гражданского населения, военнопленных, организациями которого были нацисты и их пособники.

В режиме террора, установленном на территории Южного Приильменья, были реализованы общие подходы политики гитлеровской Германии на оккупированных территориях СССР в условиях близости к театру военных действий, при наличии высокой концентрации военных сил и большого количества военнопленных Красной Армии.

О жертвах войны начали писать в военных периодических изданиях. Например, ежедневная газета Северо-Западного фронта «За Родину» регулярно рассказывала о преступлениях гитлеровцев на оккупированных территориях, публикуя статьи о сожжении деревень, расстрелах мирных жителей, рассказы «о страданиях советских детей под пятой фашистских злодеев», об истреблении русской интеллигенции, о фашистском плене и др.

«Назначив д. Дубовицы (Северо-Западный фронт) к сожжению, немецкий комендант объявил всем жителям, что лица, которые останутся в деревне после восьми часов, будут расстреляны и что все жители должны идти на запад, беспрекословно подчиняясь любым требованиям немецких солдат, которые будут их сопровождать.

14 крестьян этой деревни, отказавшихся покинуть родные места, в том числе 7 женщин, были расстреляны оккупантами»⁴¹.

Каждая из таких статей заканчивалась призывами мстить и истреблять врага без пощады, например: «Пусть своей кровью заплатят немцы за тяжкие муки наших детей!; «Отомстите за мое горе!»; Боец! Не забудь, не прости! Такое – не может забыться! За русскую девушку мсти кровавым немецким убийцам!»⁴².

Военная газета, решая задачи укрепления боевого духа армии, в номере от 23 июня 1942 года подвела политические и военные итоги года отечественной войны и назвала цифры людских потерь убитыми, ранеными и пленными за год войны в сравнении: Германия – около 10 млн. чел, СССР – 4,5 млн. чел⁴³. Являясь одним из средств пропаганды, газета «За Родину» далеко не всегда может являться достоверным источником о жертвах нацисткой истребительной политики.

Политическое управление Северо-Западного фронта регулярно выпускало бюллетени о зверствах в Демянском, Лычковском и Статорусском районах Ленинградской области.

После освобождения территории Южного Приильменья факты злодеяний были зафиксированы в актах территориальными органами Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

Согласно документам, в Старой Руссе в 1944 году в такую комиссию вошли: секретарь городского комитета ВКП (б) Я.Е. Ицкевич, председатель Исполкома Горсовета В.Н. Пучков, начальник эвакопункта Н. И. Кулешова, начальник НКГБ Л. А. Становов, начальник НКВД капитан К.М. Савин. В расследовании злодеяний принимала участие специальная судебно-медицинская экспертная комиссия, которая осматривала места массового уничтожения людей. Результатом работы комиссии стали 27 актов злодеяний, «чинимых немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и военнопленными в городе Старая Русса Новгородской области».

⁴¹ За Родину. 1942. 2 ноября.

⁴² За Родину. 1942. 8 сентября, 3 сентября.

⁴³ За Родину. 1942. 23 июня.

Количество названных имен жертв и их общее число, установленное актами не совпадает. Например, список граждан города Старая Русса, угнанных в немецкое рабство, включает 98 порядковых номеров с указанием в примечании количества членов семей, а общее количество угнанных зафиксировано – 10.720 чел., список мирных жителей, повешенных и расстрелянных, умерших от истязаний, составленный по свидетельским показаниям, включает 35 фамилий, их общее количество по актам – 3750⁴⁴.

Факты злодеяний устанавливались на основе заявлений граждан, опроса потерпевших, судебно-медицинской экспертизы, осмотра мест совершения преступлений.

На территории города было выявлено несколько мест уничтожения мирного населения и военнопленных:

- территория городских огородов по ул. Бетховена;
- здание бывшего тюремного замка XIX века по ул. Возрождения;
- здание бензохранилища льнозавода по ул. Возрождения;
- территория бывших аракчеевских казарм, Спасо-Преображенского монастыря по ул. Володарского;
- виселицы по ул. Володарского;
- район Городка, конец ул. Красных командиров;
- район 104 –й базы (сенобаза) по дороге Старая Русса – Шимск;
- территория на протяжении 18 км от города Старая Русса до деревни Великое Село.

Материалы комиссии содержат неточные указания мест уничтожения населения, например, район Городка, конец ул. Красных командиров. Нет ни протоколов эксгумации, ни свидетельских показаний о точном месте уничтожения гражданского населения и военнопленных.

Процедура эксгумации не предусматривала точного подсчета количества жертв. Оно определялось приблизительно, путем расчета площади захоронения. Площадь всех могил на ул. Бетховена составляла 1060 кв. метров, плотность заложенных в могилах трупов позволяла считать, что в них находилось 1500-2000 чел, извлечено же было 34 трупа: из них 24 мужских трупа, 7 женских трупов и 3 трупа подростков.

⁴⁴ Использованы материалы актов комиссии по расследованию злодеяний, хранящиеся в музее Северо-Западного фронта г. Старая Русса Новгородской области.

В актах упоминаются места содержания военнопленных в Старой Руссе: бывшие аракчеевские казармы, район Городка, конец ул. Красных командиров, район 104 –й базы (сенобаза) по дороге Старая Русса – Шимск. Общая численность военнопленных установлена приблизительно.

В актах учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками Старорусскому району, названо 16 лагерей для военнопленных и гражданского населения, приблизительная общая численность уничтоженных в них – 2425 человек.

Эти источники позволяют назвать категории жертв истребительной политики, способы и средства уничтожения гражданского населения и военнопленных, обозначить число жертв в период оккупации.

Важным источником, позволяющим выявить количество и категории жертв, являются материалы управления НКГБ СССР по Ленинградской области о немецких разрушениях и зверствах, деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Новгородской области, подвергшихся оккупации⁴⁵.

По данным этого источника до оккупации в Старорусском районе насчитывалось 127.000 жителей, в том числе в городе Старая Русса – 50.000 жителей. После изгнания оккупантов в районе было учтено 8.000 жителей. Из имевшихся до войны 396 деревень немцы уничтожили полностью 306⁴⁶. Город Старая Русса был превращен в груду развалин⁴⁷. Эти документы несут в себе элемент критики, характеризуя данные о количестве жертв как неточные или неполные.

«В Старой Руссе по неполным данным повешено 32 человека. С первых же дней установлено зверское отношение к еврейскому населению. Был случай, когда собрали все еврейское население и публично расстреляли 25 человек разного возраста. Позднее было расстреляно все еврейское население в один день. Из 15.000 жителей, оказавшихся в оккупированном городе, осталось всего 30 человек. Остальные истреблены, погибли от голода, сосланы в концентрационные лагеря или отправлены на каторжные работы в Германию»⁴⁸.

⁴⁵ АУФСБНО. Ф. 7. Д. 33.

⁴⁶ Там же. Л. 53.

⁴⁷ Там же. Л. 54.

⁴⁸ Там же. Л. 57.

Одной из задач Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР было выявление лиц, совершивших эти злодеяния.

Список немецко-фашистских оккупантов и их сообщников, совершивших злодеяния, грабежи и разрушения на временно оккупированной территории СССР, составленный старорусской городской комиссией, содержит 15 имен. В списке общими фразами дана характеристика преступлений и роль каждого из участников, но никак не отражены меры по поиску лиц, совершивших злодеяния, нет конкретных доказательств их вины.

Материалы актов были положены в основу многочисленных публикаций советского периода, как правило, приуроченных ко дню освобождения городов и годовщинам празднования Великой Победы⁴⁹.

В 90-х годах XX века по этим документам были представлены жертвы нацистской политики в Книгах памяти⁵⁰.

Военные страницы истории города Старая Русса и Старорусского района изложены в работах советского историка И.Н. Вязинина⁵¹.

С 90-х годов XX века и по настоящее время изучением нацистского оккупационного режима и коллаборационизма, в том числе и на территории Южного Приильменья, активно занимается Б. Н. Ковалев, исследуя различные формы сотрудничества граждан СССР с захватчиками.⁵².

Розыском и следствием по делам карателей, полицейских и других пособников оккупантов, совершивших преступления на терри-

⁴⁹ Вязинин Н. Полной мерой. // Новгородская правда. 1965. 24 февр.; Некрасов Т. Дело №359 (Полавская земля). //Старорусская правда. 1968. 7 сентября; Продолжение. 10 сентября; Некрасов Т. Лицо фашизма. // Старорусская правда. 1968. 3 августа; Некрасов Т. Заговор обреченных. // Старорусская правда. 1968. 6 декабря; Некрасов Т. В гитлеровской неволе. // Старорусская правда. 1968. 31 декабря; Павлов А. Люди, помните. // Старорусская правда. 1975. 5 марта; Лебедев С. Этих дней не смолкнет слава. // Старорусская правда. 1981. 29 сент. и др.

⁵⁰ Книга памяти. Новгород, 1995.

⁵¹ Вязинин И.Н. Старая Русса в истории России. Кириллица, 1994; Огненными вёрстами старорусских фронтовиков. Сборник воспоминаний ветеранов г. Старая Русса и Старорусского района о Великой Отечественной войне. /автор И. Н. Вязинин, сост. Л. А. Григорьев, Е. И. Вязинина, П. И. Цымбал и др., редактор С. Ф. Витушкин/ Старая Русса, 2001.

⁵² Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941-1944 гг.) -Великий Новгород, 2001; Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- Великий Новгород, 2009 и др.

тории Южного Приильменья, занималось управление НКГБ-КГБ СССР по Новгородской области. Документы Центрального и областного архива ФСБ России были опубликованы М.Н. Петровым в сборнике «Тайная война на новгородской земле».⁵³.

Исторические документы позволяют говорить о преднамеренном истреблении тысяч военнопленных и мирных жителей, их гибели в условиях оккупационного режима от инфекционных болезней, голода, отсутствия медицинской помощи, принудительных работ, фактах Холокоста и геноцида.

В конце 80-х годов XX века в Южном Приильменье началась активная работа поисковых отрядов, основной целью деятельности которых является поиск, эксгумация и торжественное захоронение воинов РККА, погибших в годы Великой Отечественной войны. Также в ходе этой деятельности они обнаруживают останки военнопленных, истребленных в пересыльно-сортировочных лагерях.

В районе деревни Муравьево Старорусского района (в годы войны 104-й базы (сенобазы)) поисковиками были эксгумированы останки 309 военнопленных. В протоколах эксгумации отмечены характерные особенности: беспорядочное, хаотичное положение останков, повреждения черепов, переломы костей, конечности связанны веревкой. Удалось обнаружить 4 солдатских медальона, два из которых были прочитаны полностью. Таким образом, удалось установить имена военнопленных, а именно: Денисова Степана Ивановича, 1907 года рождения, уроженца Молотовской области (ныне Пермский край), Кузнецова Ивана Егоровича, 1917 года рождения, уроженца Калининской области (ныне Тверской)⁵⁴.

В настоящее время поисковая работа стала одной из форм выявления жертв войны на истребление.

Следует отметить, что в советской исторической науке проблеме выявления жертв оккупационного режима не уделялось достаточного внимания, истребительный характер политики нацистов на оккупированных территориях СССР не вызывал никаких сомнений и дискуссий. В настоящее время ситуация изменилась в связи с распространением неонацизма в мире, фактами оправдания деятельности нацистов в странах Прибалтики и Украине.

⁵³ Петров М.Н. Тайная война на новгородской земле. – Великий Новгород, 2005. С.352-393.

⁵⁴ Протокол эксгумации №1 от. 25.04 -05.05.2008; Протокол эксгумации №2 от 05.10. 2007.

Характер военных действий, политики нацистов на оккупированной территории Южного Приильменья позволяет в полной мере раскрыть истребительный характер, закончившейся почти 65 лет назад войны.

В. Богов**Концлагерь Саласпилс: неудобная правда**

При том, что трагедия лагеря Саласпилс очевидна любому здравомыслящему человеку, во многом его история создания, существования и ухода в небытие все еще и по прошествии более полувека остается неизученной и вызывает в обществе острые дискуссии по любому вопросу, связанным с ним. Причиной такого информационного вакуума стало отсутствие документальных подтверждений преступлений гитлеровцев и их местных пособников, которые при наступлении частей Красной армии сожгли лагерь вместе с его архивом. Недостаток информации дает предпосылки недобросовестным людям использовать собственные домыслы в угоду своим сиюминутным интересам. Впрочем, и не только со злым умыслом называются ошибочные цифры и положения: за столь долгое время после исчезновения лагеря возникло множество мифов, легенд, преувеличений и просто догадок. До сих пор остается невыясненным общее количество человек, прошедших через это страшное место заключения. Вызывает споры в обществе число погибших в лагере детей и взрослых, оспариваются нечеловеческие условия содержания, делаются попытки выдать это место не как место издевательств над человеческой личностью, а место, где немецкие оккупационные власти «воспитывали и исправляли трудом» нерадивое население. Однако самое отвратительное, что эта поистине трагичная страница в истории Латвии стала еще и предметом политических разборок. Зачастую поводом к таким разногласиям в обществе служит желание одной из сторон диспута открыть «самую правдивую правду», чтобы затем обвинить или, наоборот, оправдать предмет спора.

Еще одна проблема в теме Саласпилса кроется в отсутствии каких бы то ни было полноценных исторических исследований. Все опубликованные на сегодняшний день носят узкоаспектуальный характер, не раскрывая фундаментальных проблем. До сегодняшнего дня на русском языке не было издано ни одного исследования лагеря в Саласпилсе. Практически все, что используется сегодня в русскоязычной среде при описании лагеря, это лишь данные Чрезвычайной комиссии. Однако эти данные в силу своих «особенностей» принуждают историков использовать их с осторожностью.

Подсчет жертв велся по установленным стандартизованным техническим нормативам и свидетельским показаниям. При определении количества захороненных жертв в одной могиле, согласно методике подсчета, использовалось среднее допущение 7 человек на 1 кубический метр⁵⁵. Относительно данных свидетельских показаний составлялись учетно-сводные таблицы приводимых свидетелями цифр, после чего так же выводилось среднее число. Насколько были точны полученные таким образом цифры, говорить сложно. Однако и говорить о том, что эти цифры «коммунистическая пропаганда» или ложь, совершенно неправомерно. Это те самые цифры, которые удалось восстановить по горячим следам нацистских преступников при весьма стесненных условиях и ограниченных средствах. Используя данные Чрезвычайной комиссии сегодня, необходимо учитывать те условия, в которых они были получены. Зачастую эти данные являются до сих пор единственным источником. Например, до настоящего момента не было проведено ни одного количественного исследования жертв среди советских военнопленных на территории Латвии в шталахах и олагах (лагеря для пленных офицеров). Кроме того, нередко ошибки и неточности допускались при переписывании документов. Естественно, за 65 лет историческое сообщество открыло новые документы, факты, свидетельства, и данные Чрезвычайной комиссии сегодня могут служить неким «эталоном» для сравнения, опровержения или доказательства истинности того или иного утверждения.

Описание лагеря

С приходом национал-социалистов к власти в Германии в 1933 году на территории Рейха начинается активное преследование неугодных и противников правящей власти. Уже в том же 1933 году для политических заключенных были построены три главных концлагеря Германии, действовавших вплоть до конца войны: Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен. И если первоначальной идеологической установкой этих лагерей была изоляция противников национал-социализма, то после начала Второй мировой войны эти три лагеря

⁵⁵ LVVA, P-132, ap.30., l.31., lp. 6. (LVVA – Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs (Латвийский государственный исторический архив). Обозначения: ap. – apraksts (опись), l. – lieta (дело), lp. – lapa (лист)..

превращаются в настоящие фабрики смерти, где уничтожаются заключенные из разных европейских государств. Первыми узниками в них оказались коммунисты и евреи. Однако очень скоро узниками лагерей становятся социал-демократы, католики, протестанты и многие другие. С началом войны сеть концлагерей стремительно расширилась. Появились полностью оборудованные лагеря смерти, где ликвидация узников шла непрерывным и ускоренным темпом, повсеместно осуществлялся приказ об «умерщвлении работой». Лагеря стали одним из важнейших средств осуществления планов нацистов по строительству «нового мирового порядка».

Лагеря нацистской Германии военного периода можно разделить на две большие общие категории. Первая – так называемые «трудовые лагеря» (Arbeits-Erziehungslager (AEL)), главной целью которых было производство необходимых для экономики Германии работ и продукции. Через эти лагеря прошли миллионы людей, многие из которых погибли от ужасных условий содержания и тяжелого физического труда. Вместе с тем, «трудовые лагеря» не имели целью массовое уничтожение людей. Эта задача осуществлялась в заведениях второго типа – «лагерях смерти» (Vernichtungslager). Всего же, как показывают данные исследователей, нацистские лагеря можно разделить на 17 типологически схожих мест заключений⁵⁶.

С захватом гитлеровцами территории Латвии в июле 1941 года здесь начинает вводиться репрессивная система, активно действующая на занятых Германией территориях Европы. Уже в середине августа 1941 года начата организация гетто в Риге, в ноябре начинается строительство крупнейшего лагеря в Прибалтике для политзаключенных в Саласпилсе. Появляются трудовые лагеря, концентрационные, лагеря военнопленных, в крупных городах гетто для евреев. Все это действовало до осени 1944 года, после чего часть из них ликвидировалась, а часть вывозилась на запад. Что касается узников лагеря в Саласпилсе, то летом 1944 года при вступлении советских войск на территорию Латвии их вывезли в разные лагеря Рейха: в Штуттгоф, Нейенгам, Бухенвальд и другие. Для многих узников Саласпилса их мучения и лагерные скитания закончились лишь в апреле 1945 года, когда нацистская Германия практически была разбита Красной армией и западной антититлеровской коалицией.

⁵⁶ См. подробнее: Schwarz G. Die nationalsozialistischen Lager. – Frankfurt am Main, 1996, S. 84, 85.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на одну важную деталь. Зачастую, когда заходит речь о лагере в Саласпилсе, происходит путаница. Путают, чаще всего по незнанию, два совершенно разных лагеря: лагерь для так называемых политзаключенных (AEL Salaspils) и лагерь для советских военнопленных (Stammlager-350 Salaspils). Во время немецкой оккупации в Риге была развернута довольно обширная сеть отделений лагеря для военнопленных под названием Шталаг-350⁵⁷, и одно из таких отделений лагеря Шталаг-350 находилось в Саласпилсе, буквально в двух километрах от лагеря для политических заключенных.

Постройка лагеря для политзаключенных началась в ноябре 1941 года и длилась до осени 1942 года. На строительстве лагеря были заняты советские военнопленные и иностранные евреи, привезенные из Чехословакии, Австрии и Германии⁵⁸. Руководил постройкой лагеря латышский инженер Магнус Качеровский. Окончательно ликвидировали немцы лагерь в начале октября 1944 года при наступлении советских войск на рижском направлении.

Подчинялся лагерь начальнику полиции безопасности Латвииoberштурмбанфюреру Рудольфу Ланге. Первым комендантом лагеря был Рихард Никель, позже (в январе 1943 г.) его сменил Курт Краузе. Охранял лагерь латышский отряд СД старшего лейтенанта Конрада Калейса⁵⁹. Калейс был командиром подразделения внешней охраны в лагере Саласпилс и его рабочем отделении Сауриеши⁶⁰.

Период существования лагеря можно условно разделить на три периода. Первый период, когда в лагере содержались еврейские заключенные, в это время лагерь действительно можно считать «лагерем смерти», по причине того, что нацисты, согласно своей расовой теории, целенаправленно уничтожали евреев. Второй период, когда в лагерь начали доставлять латвийских узников, можно уверенно обозначить статус лагеря как «исправительно-трудовой», поскольку туда доставляли местное население, уклонявшееся от принудительных работ, политических заключенных (сочувствующие советской власти, бывшие советские активисты и пр.), а также дезертиров из немецкой армии (латвийского легиона СС). Целенаправленной

⁵⁷ См. подробнее: Vestermanis M. Tā rīkojās vērmahts. –Riga: Liesma 1973, lpp. 116-146.

⁵⁸ В Саласпилсском лагере смерти. –Рига: Латвийское государственное издательство, 1964, С. 20.

⁵⁹ История Латвии: XX век. –Рига: Jumava, 2005, с. 265.

⁶⁰ Дело Конрада Калейса. <http://www.souz.co.il/israel/read.html?id=565>

установки на уничтожение местного населения у немецких оккупационных властей не было. В качестве наиболее частого наказания для уклонистов применялось заключение в лагерь от 6 недель до 3 месяцев, однако уличенных в сотрудничестве с советской властью наказывали большими сроками до 1,5 и 2 лет. И наконец, третий период, когда в лагерь в качестве заключенных стали доставлять мирное население западных областей России и Белоруссии в целях противодействию партизанской деятельности (например, операция «Зимнее волшебство» в феврале 1943 года), в этот период статус лагеря можно обозначить как «концентрационный лагерь», откуда работоспособное население после т.н. «концентрации» доставляли дальше на запад, где их распределяли на разные работы.

Разные категории заключенных соответственно имели разные причины для заключения в лагерь. В своем большинстве еврейские заключенные доставлялись в лагерь насильно из европейских стран: Германии, Австрии, Чехословакии. Латвийских евреев там практически не было, поскольку к моменту организации лагеря местные карательные и полицейские отряды успели уничтожить почти все еврейское население Латвии. Но подобная жестокая практика борьбы с неугодными режиму применялась и к латышам. Заключенных из числа местного населения Латвии также расстреливали за пропажи, сажали в тюрьмы и лагеря. Лагерь в Саласпилсе в мае 1942 года стал неким подобием огромной тюрьмы, куда перемещали заключенных из разных региональных латвийских тюрем. В основном это были уклоняющиеся от трудовой мобилизации латвийские граждане и бывшие советские активисты (милиционеры, партийные работники, руководители советских предприятий и др.). Сразу после ареста подозреваемого помещали в одну из тюрем, в Риге это были Центральная и Срочная тюрьмы, последняя была предназначена для женщин. После проведения дознания следовал приговор, где в качестве одной из мер наказания присуждалось заключение в лагерь Саласпилс. Заключенный мог сократить свой срок, если он добровольно давал согласие на сотрудничество с администрацией лагеря, т.е. доносить о нарушителях лагерного распорядка. Для этого заключенному необходимо было написать заявление на имя коменданта лагеря, где он выражал свое желание сотрудничества.

За нарушение в лагере считалось: пение запрещенных песен, встречи и обсуждение политического положения, спекуляции

одеждой и едой и пр. Обычное наказание за подобные «проповинности»: определенное количество ударов палкой или плетью, тяжелые работы в лагере, либо от 5 до 14 дней карцера, также в качестве наказания в лагере использовалась отправка заключенных на определенный срок в Центральную или Срочную тюрьмы. Мера наказания проповинившемуся объявлялась в присутствии всего барака, также говорили, кто донес. Вместе с тем, наказанные в лагере заключенные должны были носить определенный знак. Заключенных разбивали на определенные группы «А», «В», «С». Например, группа «С» означала «штрафники». Эта группа на груди должна была носить белый знак. Все эти люди использовались на самых тяжелых работах не менее 14 часов в сутки. Кроме того, они получали уменьшенную норму скучного пайка⁶¹. За побег из лагеря обычно следовало наказание через повешение.

Третья категория заключенных в лагере – мирное население из западных областей России, Белоруссии и Латгалии. В основном это были жители деревень и сел, которых насильно угоняли в целях борьбы с партизанами. Большую часть этих заключенных составляли женщины с детьми и старики. Поначалу, весной 1943 года, этих заключенных всех вместе без всякого разделения помещали в бараки лагеря Саласпилс, позднее у женщин стали отбирать детей, чтобы те не мешали им работать. С ноября 1943 года в лагере выделили несколько бараков специально для детей в возрасте до 14 лет. После этого женщин угоняли дальше на запад в рабочие лагеря. Оставшиеся дети частично распределялись по детским домам, частично продавались в качестве подсобных рабочих (стоимость одного ребенка варьировалась от 9 до 15 рейхсмарок в месяц), часть детей была взята на воспитание местными жителями⁶².

Заключенные лагеря использовались на разных работах. Основными рабочими отделениями лагеря за его пределами были: каменоломни в Сауриеше, каменоломни Бема, саласпилсское торфяное болото, цементная фабрика Броцены, саласпилсская лесопилка, аэродром Спилве, Мазьюмправское гетто⁶³. Кроме этого заклю-

⁶¹ LVVA, P-132, ap.30., l.38., lp.3.

⁶² LVVA, P-132, ap.30., l.27., lp.33.

⁶³ Strods H. Salaspils koncentrācijas nometne (1941. gada oktobris – 1944. gada septembris) // Komunistu un nacistu jūgā. –Rīga: Latvijas 50 gadu okupācijas muzeja fonds, 2001. g., lp. 114. (Далее в тексте – SKN).

ченных использовали на разных работах в лагере: на постройке новых бараков и строений, возделывание огородов на территории лагеря, женщины использовались в качестве прачек, которые стирали белье немецких солдат, присланное с фронта. При лагере были также столярная, механическая и пошивочная мастерские. В пошивочной мастерской из одежды расстрелянных узников гетто и иностранных евреев шили новую одежду⁶⁴ и отправляли ее на рижский рынок или в Германию. Рабочий день в лагере длился в среднем от 10 до 14 часов.

Устройство лагеря

Достаточно часто в документах и разных публикациях приводят весьма противоречивые факты вместимости бараков лагеря. Один свидетель утверждает, что барак вмещал 100 человек, другой, что в бараке число людей доходило до 700 и даже 900 человек. Одно из растиражированных впоследствии описаний барака взято из архивной справки ЧРК по делу №6 о немецко-фашистских злодеяниях по истреблению мирных граждан в Саласпилсском концлагере: «На территории лагеря самими заключенными были выстроены бараки разного размера. В этих бараках содержались заключенные. В каждом таком бараке содержалось от 350 до 900 человек, при норме 100-150 человек. ... Внутри бараков не было ничего, кроме четырех-пяти ярусных нар, на них можно было только лежать. Заключенных в лагере было так много, что не все могли поместиться»⁶⁵. Как можно видеть, данные о вместимости барака довольно противоречивы. Такое расхождение вносит в общество еще большую сумятицу и непонимание, когда идет обсуждение количества узников в лагере.

Согласно проделанным расчетам по измерению бараков на территории мемориала в Саласпилсе (на земле отчетливо видны контуры одного барака и двух мастерских, бани, дезинфекционного барака), ширина барака составляла около 12 метров, длина – около 25 метров. Общая площадь барака таким образом насчитывала примерно 300 кв.метров.

⁶⁴ LVVA, P-132, ap.30., l.38., lp.14.

⁶⁵ LVVA, P-132, ap.30., l.38., lp.1.

По данным из воспоминаний заключенных (В.Риекстиньш, А.Непартс), в лагере Саласпилс было 24 жилых барака. Однако, по проведенным исследованиям архивных материалов (фотографии, воспоминания бывших узников, архивный план лагеря Чрезвычайной комиссии) в лагере находился 21 жилой барак. Кроме этих бараков, из нежилых строений были: комендатура, барак для охраны, барак старшины лагеря, лесопилка, две мастерские (механическая и столярная), кухня, вещевой склад, карцер, баня, дезинфекционная. Всего строений на территории лагеря насчитывалось около 50.

Интерьер жилого барака для узников был неказист: продольные ряды нар в несколько ярусов и две печки с разных концов барака. Согласно воспоминаниям заключенных, в бараке также были небольшие помещения: налево от входа находилась маленькая комната с двумя нарами и небольшим столом, где проживал старшина барака, в свою очередь, направо от входа была уборная, которой можно было пользоваться исключительно в случае карантина, когда барак запирался и никого оттуда не выпускали⁶⁶. Нары в бараке были расположены следующим образом: возле стен нары состояли из четырех ярусов, посередине барака из пяти ярусов.

Одна секция нар по ширине таким образом насчитывала 4+5+5+4, т.е. 18 нар. Подобное расположение нар в бараке подтверждают и бывшие узники⁶⁷. В длину таких секций было от 19 в средней части до 22 вдоль стены, таким образом, в одном бараке могло разместиться 322 человека, при условии, что 1 человек занимает одно место шириной в 1 м, при длине 2 м, однако во многих свидетельствах узников говорится, что зачастую на одной наре приходилось ютиться вдвоем и даже втроем.

Отсюда следует, что при общем числе 322 узника в одном бараке в 21 жилом бараке могло находиться до 6762 человек. Если принять верным озвученное выше свидетельство, что барак был рассчитан в среднем на 100-150 узников⁶⁸, то, по нашим расчетам, выходит, что они стояли полупустые. Отсюда же следует, что утверждение о размещении в бараке от 500 до 800 человек⁶⁹, в какой-то степени

⁶⁶ Neparts A. Pret svešām varām. // «Latvijas Vēstnesis», №279/280, 31.augusts, 1999.g.

⁶⁷ Из личной беседы автора с бывшим узником лагеря Эдмундом Пельником (1935 г.р.) в октябре 2009 г.

⁶⁸ По воспоминаниям В.Риекстиньша, SKN, lpp. 131.

⁶⁹ SKN, lpp. 111., 131., LVVA, P-132, ap.30., l.38., lp.1.

справедливо, это принципиально осуществимо за счет уменьшения места на одного человека на одной наре до 0,5 метра, что увеличивает число «жилых» мест в бараке в два раза, т.е. до 644 человек. Если взять максимальные цифры (21 жилой барак и 644 человека в одном бараке), то выходит, что в лагере одновременно могло находиться 13524 человека. Но, обращаю внимание, это лишь технические расчеты и не отображают действительности, поскольку документального подтверждения данному факту пока не найдено. Однако при этом наши технические расчеты подтверждают, что лагерь был способен одновременно вместить до 10000 и даже до 15000 человек. По данным группы исследователей статуса лагеря в Саласпилсе, первоначальная вместимость лагеря планировалась из расчета содержания там 25000 узников, но впоследствии (в январе 1942 г.), когда уже шло строительство лагеря, от этой идеи немецкое руководство отказалось⁷⁰.

Наличие в лагере не менее 21 жилого барака в 1944 году указывает на возможность одновременного содержания в лагере большого количества людей – от 8000 до 15000 человек. Столь большая вместимость лагеря подтверждается и документально. В отчете начальника СД Латвии Рудольфа Ланге за декабрь 1941 года в Берлин (в РСХА) он пишет, что лагерь в апреле 1942 года будет способен принять 15000 узников из гетто. Предполагалось, что евреев туда переместят летом 1942 года⁷¹.

Если обратиться к разным цифрам погибших в Саласпилсе, то существующую официально принятую цифру погибших в Саласпилсе в количестве 100000 человек⁷² достаточно обоснованно можно классифицировать как предположение, поскольку это число выведено из собранных следственной Комиссией показаний свидетелей и технических расчетов кубатуры массовых захоронений. И то, и другое не способно назвать точной цифры.

⁷⁰ Kangeris K., Neiburgs U., Viķsne R. Salaspils nometne nacionālsociālistiskās Vācijas administrācijas plānos un soda nometņu tipoloģijā (1941–1942). // Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 21. sējums. –Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007.g., lpp. 221.

⁷¹ Scheffler W., Schule D. Book of Remembrance. The German, Austrian and Czechoslovakian Jews deported to the Baltic States. Vol.1. –München: K.G.Saur, 2003, p.56.

⁷² Точнее 101100 человек, куда включены погибшие советские военнопленные (47400). В лагере для мирных граждан, по подсчетам комиссии, погибло 53700 человек. LVVA, Р-132, арт.30, л.26., лп. 199.

По подсчетам историков и рассказам свидетелей, число депортированных из Европы евреев в Латвию в период 1941-1944 гг. значительно варьируется и ни один исследователь не берется утверждать об окончательной цифре. Большинство из депортированных были уничтожены немцами и их пособниками. Какая-то их часть попала в концлагерь Саласпилс. Более или менее достоверно можно сказать, что в начале строительства лагеря в Саласпилсе в ноябре-декабре 1941 – январе 1942 года там содержалось около 1100 человек. Назвать общее число содержавшихся там евреев за период ноябрь 1941 – январь 1943 года (в январе 1943 года из лагеря все евреи были вывезены в гетто, за исключением двух еврейских врачей⁷³) пока затруднительно. Современные исследователи называют цифры от 5 до 10 тыс. человек.

По общему количеству из числа латвийских заключенных в Саласпилсе точных цифр нигде не приводится. В одной из архивных справок Чрезвычайной комиссии говорится, что в Саласпилсском лагере содержалось до 7000 человек политзаключенных Риги и уездов Латвии⁷⁴. Профессор Г.Стродс, в свою очередь, утверждает, что всего латвийских заключенных через этот лагерь «прошло около 12000 человек»⁷⁵, его выводы основаны на предположениях А.Непартса, который пишет в своих воспоминаниях 1999 года, что через концлагерь Саласпилс прошло около 12000 заключенных, не считая евреев и эвакуированных из России⁷⁶. Подводя итог данному периоду, можно сказать, что количество латвийских граждан, прошедших через лагерь в Саласпилсе, насчитывает примерно от 7 до 12 тысяч человек.

Что касается жителей запада России и белорусов, то с сожалением надо признать, что исследований по мирным гражданам, насильно эвакуированных из областей СССР и Белоруссии в Саласпилс, как таковых мне не встречалось. Во всей общедоступной литературе на тему содержания мирных граждан в лагере Саласпилс приводятся лишь данные Чрезвычайной комиссии, где говорится о 53000 погибших и ужасных условиях содержания, однако числа прошедших

⁷³ Ezergailis A. Holokaust vācu okupētajā Latvijā 1941-1944. –Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1999, lpp.420.

⁷⁴ LVVA, P-132, ap.30., l.26., lp.196.

⁷⁵ SKN, lpp. 124.

⁷⁶ Neparts A. Pret svešām varām. // «Latvijas Vēstnesis», №302/303, 15.septembris, 1999.g.

через этот лагерь мирных граждан нигде не называется. Впрочем, данные Комиссии на этот счет тоже весьма и весьма немногословны. В архивной справке Чрезвычайной комиссии упоминается, что в Саласпилсский лагерь пригонялось мирное население оккупированных областей Советского Союза: Ленинградской, Калининской (Тверской) областей, а также Белоруссии. При этом количество заключенных насчитывало более 20000, в том числе более 6000 детей⁷⁷. Другой документ следственной Комиссии утверждает, что за годы немецкой оккупации через концлагерь Саласпилс в общей сложности (за все три периода лагеря) прошло более 70000 человек⁷⁸. Как видим, данные комиссии значительно разнятся.

Таким образом, назвав сегодня новые данные по общему количеству жертв, мы лишь включаемся в череду исторических предложений. Будем надеяться, что в конечном итоге эта череда предложений все же приблизится к более или менее точным цифрам по содержавшимся и погибшим узникам в Саласпилсе. Самое главное при этом – среди цифр нельзя терять самую их суть: ведь за каждой такой безликой цифрой, скрыты трагические судьбы многих людей, которые даже в самых жутчайших условиях содержания на холода, в голоде, при зверском обращении, под страхом ежеминутной смерти надеялись на жизнь и старались сохранить в себе хоть каплю человечности и доброты.

⁷⁷ LVVA, P-132, ap.30., l.26., lp.196.

⁷⁸ LVVA, P-132, ap.30., l.35., lp.47.

Б. Ковалев

Творческий коллаборационизм и Холокост

Уничтожение еврейского населения на оккупированной территории нашей страны было бы невозможно без активного или пассивного содействия со стороны местных жителей.

Антисемитская пропаганда, по замыслу нацистов, должна было воздействовать на различные категории населения: горожан и селян, малообразованных и получивших определенное образование, националистов и интернационалистов. Она велась везде: на рабочем месте и в школе, на сельском сходе, на концерте и в кино.

В некоторых случаях эта пропаганда не являлась прямолинейной. Образ врага-еврея очерчивался пунктирно, но узнаваемо. Таким образом, представителей местного населения как бы самостоятельно подводили к соответствующим выводам.

В пропагандистских акциях принимали участие подразделения службы безопасности, разные прогерманские общества, русские коллаборационисты. Представители российской творческой интеллигенции, вставшие на путь сотрудничества с гитлеровцами, рассматривались последними как хорошие знатоки советских реалий.

Уже весной-летом 1941 года нацистская военная машина стала активно перестраиваться для войны против СССР. Немецкие пропагандисты в своей работе пользовались большой свободой и могли оперативно реагировать на любые действия противника. Согласно инструкции Геббельса от 5 июня 1941 года, пропаганда на Россию должна была заключаться в следующем: «...никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великоруссски армию); против Сталина и его еврейских приспешников...»⁷⁹.

Хотя нацистская пропаганда на оккупированной территории нашей страны носила тотальный характер, она вынуждена была приспособляться к реальным условиям. Большие усилия прилагались нацистами для улучшения качества своей пропаганды. С этой целью они обязывали группы прессы в городах регулярно составлять обзоры газет, распространяющихся на оккупированной террито-

⁷⁹ Ржевская, Е. М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 13.

рии, указывая на их сильные и слабые стороны. Особое внимание уделялось критическим высказываниям читателей на публикации в периодической печати. Предпринимались меры по расширению корреспондентской сети, улучшению доставки газет в населенные пункты.

Значительное место в идеологической и психологической обработке населения захваченных районов оккупационные власти отводили визуальной пропаганде: кино, организации различных пропагандистских выставок, распространению плакатов. Перечень плакатов дает представление об их содержании.

На оккупированной территории СССР нацистами распространялась печатная продукция, отпечатанная как в Германии, Прибалтике, так и в местных типографиях.

Наиболее крупными русскоязычными газетами для населения оккупированных территорий России были «Правда» (Рига), «Северное слово» (Ревель), «За Родину» (Псков). В центральной России широко распространялась смоленская газета «Новый путь» и орловская «Речь», имевшая наибольший тираж.

Антисемитские сюжеты присутствовали во всех разновидностях газетного жанра: в аналитических статьях, исторических очерках, фельетонах, воспоминаниях, стихах и карикатурах. Евреи обвинялись во всех возможных бедах и преступлениях.

Нацистские пропагандистские службы активно начали комплектовать библиотеки новыми книгами. Абсолютное большинство новых поступлений составляла антисоветская, антисемитская и пронацистская литература, в частности: журналы: «Новый путь», «Современная Германия», «Новая жизнь», «Бич», «Жидомор». Газеты: «Речь», «Колокол», «Школьник» и брошиюры: «Что будет после», «Дело № 18», «Как сталинская шайка угнетала народ», «Евреи и большевизм», «За что мы ненавидим евреев», «Евреи и большевики» и др.

В Смоленске с 1942 г. выходила «маленькая политическая библиотека». Она была адресована, в первую очередь, русским пропагандистам. Одним из первых выпуском стала книга В.Лужского «Еврейский вопрос». В ней рассматривались следующие проблемы: «Чем вызывается антисемитизм», «История еврейского вопроса», «Эманципация евреев и ее последствия», «Сионисты и ассимиляторы», «Марксизм и еврейство», «Достоевский, как идеолог антисеми-

тизма», «Евреи и большевизм», «Евреи в Советском Союзе», «Большевизм и война дорога к всемирной власти евреев»⁸⁰.

Особое внимание уделялось распространению брошюры «Протоколы сионских мудрецов». Она печаталась в Германии специально для населения оккупированных районов Советского Союза⁸¹. «Протоколы» предварялись цитатами из Адольфа Гитлера, а так же антисемитскими высказываниями Вольтера, Гете, Гюго, Наполеона I и Достоевского. Далее шел рассказ о «великом русском ученом Сергеев Николаеве Нилусе» и о том, что «С приходом к власти большевиков обладание протоколами каралось высшей мерой наказания – смертной казнью. И было за что, ибо «Протоколы сионских мудрецов» самый страшный обличительный акт против иудаизма и его порождения большевизма»⁸².

Из номера в номер в газетах публиковались новые тексты к популярным советским песням. В них «три танкиста – три весёлых друга», убив еврея-комиссара, помогали немцам добивать подлинных врагов своей Родины – коммунистов-грабителей. Песня «Широка страна моя родная» в новой интерпретации включала следующий антисемитский пассаж: «От законов сталинских чуть дышим, От засилья мерзкого жидов»⁸³.

Некоторые тексты пропагандистских листовок стилизовались под простонародную речь. Среди населения широко распространяли как такие листовки, так и номера дновской и псковской газет «За Родину» с выступлениями «русского крестьянина» и «Деда Берендея», «Домны Евстигнеевны». В них, во всех бедах русского народа, обвинялись евреи.

Регулярно публиковались под видом народного творчества антисемитские анекдоты. Под видом стихов Лазаря Кагановича публиковались следующие строки: «Ты грузин, а я еврей, Но друзья мы оба; Оба русских дураков Доведем до гроба».

В большинстве российских проблем обвинялись евреи. Главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан пошел еще дальше. В своей брошюре «Евреи и большевики», которая была выпущена ко дню

⁸⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Ф. 69, Оп. 1, Д. 1180, Л. 1 -16.

⁸¹ В самом конце брошюры следующая пометка: «В 54 / Protokolle der Weisen von Zion (russ.)».

⁸² РГАСПИ Ф. 69, Оп. 1, Д. 1180, Л. 21.

⁸³ Ковалев, Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. М., 2004. С. 340.

рождения Адольфа Гитлера 20 апреля 1942 г. в Орле, он утверждал, что «так называемое ГПУ–НКВД на самом деле является марионеткой в руках мировой закулисы – еврейского заговора, цель которого – порабощение народов Европы»⁸⁴.

Немецко-фашистская печатная пропаганда в качестве примера абсолютного зла рассматривала верхушку большевистской партии, евреев и сотрудников органов государственной безопасности. Все они, как утверждали немцы, патологически ненавидят русский народ и являются абсолютно чужеродной силой для России. На протяжении всей войны нацисты критиковали союз СССР с Великобританией и США. Одним из утверждений гитлеровской пропаганды было то, что эта война для русского народа является войной за чужие интересы.

В конце 1942 г. в городах и крупных деревнях стали открываться газетно-журнальные киоски, в которых ежедневно продавались газеты, журналы, брошюры, а также художественная литература. Антисемитская пропаганда занимала в этих изданиях особое место. Одна из распространяемых ими брошюр называлась «Евреи над Россией». В коллаборационистских изданиях имелась рубрика «письма из советского тыла». В ней говорилось о том, что евреи окопались далеко за линией фронта и воевать не собираются, так как за их интересы воюют русские.

У многих людей, оказавшихся на оккупированных немцами территориях, родственники и знакомые служили в Красной Армии. Им необходимо было внушить мысль, что красноармейцы продолжают вооруженную борьбу с вермахтом только потому, что они оболваниены советской пропагандой, и за каждым их шагом и словом следят сотни и тысячи доносчиков. Что касается штатных сотрудников НКВД, то их задача «не только руководить сворой доносчиков, но и следить за следящими, доносить на доносчиков, предавать предателей». На вершине же этой лестницы, согласно немецкой пропаганде, стояли «жирные и звероподобные майоры и капитаны госбезопасности иудейского происхождения»⁸⁵.

Немецко-фашистская печатная пропаганда в качестве примера абсолютного зла рассматривала верхушку большевистской партии,

⁸⁴ Там же, С. 288.

⁸⁵ Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 5.. Л. 7.

евреев и сотрудников органов государственной безопасности. Все они, как утверждали немцы, патологически ненавидят русский народ и являются абсолютно чужеродной силой для России.

Одной из причин, породившей дефицит ряда товаров, корреспонденты профашистских изданий называли убыточную для СССР торговлю со странами антигитлеровской коалиции. Все факты якобы имевшей место антинациональной политики объяснялись тем, что «вот уже 23 года интернациональная банда преступников, имеющая себя III Интернационалом, при посредстве жидов-капиталистов эксплуатирует русский народ»⁸⁶.

Население целенаправленно подводили к мысли о том, что коммунистическое руководство является наднациональным и надгосударственным образованием, для которого его личные интересы и интересы его капиталистических союзников неизмеримо важней нужд и проблем русского народа.

Очень часто пропаганда христианских идей в газетах вплотную смыкалась с пропагандой антисемитизма. В Орле наиболее активно этим занимался главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан. В своем выступлении перед учителями города в июне 1942 года он, подробно анализируя и пропагандируя «Протоколы Сионских мудрецов», заявил: «Евреи стремятся всячески дискредитировать христианскую религию, церковь, духовенство, ослабить его влияние на народ, до последней степени истребив само понятие о Боге. В “Протоколах” говорится, что крушение христианской религии – вопрос времени. Атеизм, как об этом сказано в “Протоколах”, для иудаизма неопасен. Он является порождением евреев. Захватив власть во всём мире, иудаизм, говорится в “Протоколах”, не допустит никакой другой религии, кроме иудейской»⁸⁷.

Активно способствуя развитию коллаборационистской печати на занятых вермахтом территориях, нацисты настоятельно рекомендовали, чтобы каждая газета или журнал имели религиозную рубрику. В частности, в смоленской газете «Новый путь» ее вел протоиерей М. Шиловский. Накануне уничтожения нацистами и их пособниками Смоленского гетто, одного из самых крупных на территории России, он опубликовал материал «Непримиримые враги

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Речь. (Орел) 1942. 10 июня.

христианства»: «...Христос был распят теми, кого хотел спасти. В безумном гневе евреи кричали: «Распни, распни Его».

Он распят! Кем? – жидами. Они сами произнесли приговор, тяготевший над ними ранее, который логически вытекал из всей их истории. «Кровь Его на нас и на детях наших!» Если нам скажут о мнимом нарушении заповеди Христовой: «Любите врагов ваших», мы ответим: «Это не враги наши, это непримиримые враги Христовой веры, а таким врагом является сатана. Любить его – значит отречься от Бога. Как с дьяволом, так и с этими сатанистами нужна борьба...

Всю свою злобу они показали нам, жителям многострадальной Руси. Царство их – царство смерти. Сколько крови ими пролито. Верный сын церкви, император-христианин, с наследником и с семьёй злодейски умерщвлены жидами Янкелями Свердловым и Юрзовским и Исааком Голощёкиным...

Небывалые в истории злодейства проводились жидами. Недавно перед всем миром раскрылось новое злодеяние – массовое убийство в Катынском лесу. А сколько истинно русских людей полегло от кровавой руки еврейства? Близится час последнего ответа. Нет и не может быть примирения с ними. Смерть еврейства – смерть сатанистов»⁸⁸.

Радиоузы и радиосети действовали во многих городах и населённых пунктах России. Так, во Пскове фашистам через месяц после взятия города удалось восстановить радиоузел и городскую трансляционную сеть, выведенную из строя при отступлении Красной Армии.

Крупный радиоузел был оборудован зимой 1941–1942 годов в Смоленске. Кроме рупоров, в общественных местах коллаборационистской администрации удалось организовать в городе 845 радиоточек. Их могли одновременно слушать несколько тысяч человек.

В радиовыступлениях систематически велась антисемитская пропаганда: зачитывались отрывки из «Протоколов сионских мудрецов», приводились многочисленные примеры «засилья евреев в СССР», обосновывалась необходимость уничтожения евреев, как нации-паразита. Иногда на мелодии советских песен исполнялись произведения профашистского и антисемитского содержания.

⁸⁸ Новый путь (Смоленск). 1943. 5 июня.

В значительном количестве плакатов и карикатур, которые распространялись на оккупированной территории СССР, и изображали какого-либо отрицательного персонажа, присутствовали антисемитские сюжеты.

Они могли быть вульгарно прямолинейными, как, например, в иллюстрированной листовке 1941 года «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!», так и достаточно завуалированными: придание семитских черт «лесным бандитам» в антипартизанских плакатах 1942-43 гг.

Антисемитские плакаты и карикатуры можно разделить на несколько групп. Каждая из них иллюстрировала то или иное утверждение нацистской пропаганды.

- Евреи захватили власть в СССР: плакат «Звезды советского небосклона» (все руководящие посты захватили евреи), карикатура «Жидовский маскарад» (за маской Сталина на самом деле прячется еврей).

- Все проблемы русского народа (коллективизация, репрессии, закрытие церквей и прочее) являются результатом еврейской политики: плакат «Винница» (евреи-чекисты палачи невинных людей); плакат «колхозники несут гроб с надписью «колхоз» на еврейское кладбище», карикатура «Краткий курс истории русской елки» (русские дети только тогда могут радостно отдыхать, когда немецкий солдат прогоняет еврея),

- Евреи виновники этой войны, она им выгодна: Плакат «Под жидовским знаменем», карикатура «Парад советских орденоносцев» (Одноногий инвалид со славянскими чертами лица тащит колесницу в которой стоит еврей с орденом «Победа»).

- Евреи – ненавистники Германии и всего цивилизованного мира: карикатура «Комментарии излишни» (приклад с надписью «немецкая сводка», бьет еврея по голове),

- Сталин и его союзники – марионетки в руках мирового еврейства: карикатура «К роспуску Коминтерна» (подпись под ней: «Один жид другому: «Обдевывать свои гешефты мы сможем и на другом месте»); карикатура «В руках режиссера» (русские и англичане марионетки в руках американского президента, однако сам Рузвельт – марионетка в руках евреев); карикатура «Семейный портрет демократических союзников» (Сталин, Черчилль и Рузвельт стоят на коленях перед дьяволом. Последний, попирая их ногами сидит в кресле с шестиконечной звездой).

В Смоленске в феврале 1942 г. городская управа объявила конкурс по сбору устного народного творчества: анекдотов, частушек, песен. Его актуальность объяснялась тем, что «народный юмор, острые русского народа, направленные против еврейского произвола, против руководителей большевиков, широко распространены в массах».

В этом конкурсе приняло участие 42 человека, в основном сотрудники коллаборационистской администрации. Они подали 250 материалов, которые были «удостоены» различных денежных премий от немецкого военного коменданта. Вручая деньги, последний заявил: «Народный юмор – крепкое оружие против евреев и большевиков»⁸⁹.

Из театральных жанров оккупанты и их пособники наибольшее предпочтение отдавали драме и комедии. Во многих театральных постановках присутствовали антисемитские сюжеты. В пьесах «Волк» и «Голубое небо» все самое плохое, что было в СССР связывалось с евреями. В «Злободневных куплетах Ваньки Жукова» звучало: «Абрамчикам пришел капут. Абрамчики в Сибирь бегут... Ели, березы, сосны, осины Еврейскую ждут на себе образину. ... Землю крестьянам Гитлер отдал Злится на это жидовский кагал»⁹⁰.

В постановках русской классики рекомендовалось отрицательным персонажам придавать еврейские черты. В рассказах о жизни и творчестве русских писателей XIX – XX обязательно отмечалось, что все они были антисемитами. В репертуаре для детей дошкольного и младшего школьного возраста появились такие произведения, как «Толстый жиденок» (злой еврейский мальчишка обижает русских детей, немецкий солдат наказывает наглеца). По мнению нацистских пропагандистов, антисемитские сюжеты должны были присутствовать на всех этапах воспитания ребенка.

Министерство пропаганды III Рейха и его руководство с особым пытетом относились к кинематографу как к новой и весьма действенной форме активной пропаганды. При открытии кинотеатров в крупных городах на оккупированной территории СССР активно эксплуатировался антисемитизм. В Орле М. Октан заявил на этом мероприятии: «Киноискусство для нас является одним из

⁸⁹ Новый путь (Смоленск). 1942. 3 марта.

⁹⁰ Речь. (Орел) 1942. 6 апреля.

самых важных культурных средств нашей борьбы с большевиками и их еврейскими покровителями»⁹¹.

Особое место в кинопрокате занимали антисемитские фильмы. Дублированные версии кинокартин «Вечный жид» («Der Eweige Jude») и «Еврей Зюсс» («Jud Zuss») показывались в кинотеатрах на протяжении нескольких месяцев. На страницах газет «Речь» и «Новый путь» помещались хвалебные рецензии. Отделы просвещения настоятельно рекомендовали всем учащимся просмотреть эти фильмы и написать по этому поводу сочинение.

«Вечный жид» подавался зрителям как документальный фильм о роли евреев в мировой истории. Евреи изображались в нем как паразиты, существа, похожие на крыс, неопрятные, грязные, помешавшиеся на деньгах; лица, которым чужды все высшие духовные ценности; сорвиголовы мира. Сцены ритуальных убийств животных в кошерном стиле усиливали до гротеска впечатление от садизма еврейской «религии». В фильме не звучали прямые призывы к уничтожению евреев, но его смысл был достаточно ясен: единственный путь к спасению мира лежит через ликвидацию евреев.

«Еврей Зюсс» (на оккупированной территории России он шел под названием «Жид Зюсс») являлся одним из самых дорогих по затратам на его производство фильмом III Рейха. Но он полностью оправдал надежды гитлеровцев в вопросе насаждения среди населения антисемитских настроений. Как писала выходившая в оккупированном Смоленске газета «Новый путь»: «После просмотра этой картины люди выходят из зрительного зала с сжатыми кулаками – и справедливо, ибо фильм вскрывает гнусные душонки иудеев и честно, без назойливого акцентирования на отрицательных моментах обобщает в лице звероподобного Зюсса все жидовское племя со всеми его характерными качествами: хитростью, честолюбием, любовью к деньгам, кровожадностью, трусостью и продажностью». Информация, полученная в этом псевдоисторическом фильме, инсталлировалась на современный Советский Союз: «Посмотрев фильм, каждый вспоминает ловкчество жидов, бывших господами положения в России»⁹².

⁹¹ Речь. (Орел) 1942. 12 июля.

⁹² Там же.

Осуществление политики массового геноцида еврейского населения на оккупированной территории было бы невозможно без пособничества гитлеровцам некоторой части местного населения. Под влиянием нацистской пропаганды, желая выслужиться перед новыми хозяевами, бездумно и осмысленно выполняя приказы нацистов, коллаборационисты принимали активное участие в уничтожении еврейского населения.

Д. Олехнович

Они враги!: компаративный анализ антисемитской и антирусской пропаганды в периодической печати Латвии в годы нацистской оккупации⁹³

Комплексное изучение второй мировой войны не возможно без изучения пропагандистских компаний. В историческом дискурсе данному вопросу уделяется значительное внимание, однако большая часть исследований посвящена институциональному компоненту пропагандистских структур нацистской Германии, СССР и др. стран, механизмам и каналам распространения. При этом, зачастую, лакунарным остается вопрос о содержательной стороне текстов, а влиянию их на модели поведения объекта пропаганды. В советской историографии данные вопросы или же полностью замалчивались или же им отводилось лишь незначительное место, тем более, что касалось вопроса нацистской пропаганды на оккупированной территории Прибалтики. Исключением может служить лишь некоторые исследования⁹⁴, которые были предназначены для латышской диаспоры на Западе и фактически небыли доступны для специалистов в ЛССР.

Процессы демократизации и ревизия марксистских установок в историографии вызвали неподдельный интерес в обществе Латвии (да и не только) к событиям периода нацистской оккупации. Снижение уровня общественной цензуры стало вызовом для пересмотра историками существующих концепций и ревизии ранее написанных трудов. Однако, ... *тот, кто занимается политическими или общественными науками, не может быть вне существующей идеологии или доминирующей системы ценностей*⁹⁵. Современная латвийская историография, несмотря на значительный интерес к вопросам истории середины XX века и периода Второй мировой

⁹³ Автор статьи выражает благодарность Mg.hist.Каспарсу Зеллису за помощь в проведении исследования.

⁹⁴ Petersons V. Kas ir Daugavas vanagi. Riga, 1962; Silabriedis J., Arklans B. „Politiskie bēgļi” bez maskas. Rīga, 1963 и т.д.

⁹⁵ Goodwin B. Using Political Ideas. Chichester, 1992. p.8. [Здесь и далее перевод мой – Д.О.].

войны в частности, вопросам пропаганды в 90-ых годах прошлого века также не уделяет значительного внимания. Только в последнее десятилетие исследование мотивации *коллаборация – сопротивление* в целом, и влиянию пропаганды на массовое сознание жителей оккупированных территорий привлекло внимание ученых. Наибольший интерес проявляется к вопросам антисемитской пропаганды⁹⁶, однако, к другим нарративным составляющим нацистской пропаганды (антирусская, антицыганская, антипольская, антибелорусская и т.д.) интерес исследователей до настоящего времени был проявлен только фрагментарно.

В политической пропаганде на оккупированных территориях применялись уже ранее апробированные в Третьем рейхе методы, подвергнутые коррекции сообразно местным условиям. В полном соответствии с установками *искусства военного времени*⁹⁷ пропагандисты стремились взять под контроль не только политическую, но и частную жизнь индивида, в соответствии с провозглашенным приоритетом нации над личностью. Война было представлена как эсхатологическая борьба сил добра и зла и в этой борьбе каждому была отведена своя роль: немецкий солдат с оружием в руках борется за Новую Европу, а население оккупированных территорий, за исключением *евреев, plutokratov и коммунистов*, всеми силами ему в этом помогает. В целом, задачей пропаганды было не только показать превосходство и истинность социально-политических теорий идеологов национал-социализма, но и убедить в этом местное население.

С первых дней нацистского *нового порядка* в Латвии для оккупационных властей стратегически важным было воспользоваться отрицательным отношением большей части населения Латвии⁹⁸ к советской власти⁹⁹, обусловленным не только репрессиями в отно-

⁹⁶ В данном случае стоит особо отметить монографию Лео Дрибинса – *Dribins L. Antisemītisms un tā izprausījums Latvijā : vēstures atskats*. Rīga, 2002, – в которой большая часть работы посвящена периоду Второй мировой войны, а также исследования А.Странги, К.Зеллписа, У.Нейбургса, К.Кангериса, Д.Олехновича и др.

⁹⁷ Benjamin W. *Gesammelte Schriften*. Frankfurt am Main. Bd.III. S. 482–495.; Цит. по: Longerich P. *Nationalsozialistische Propaganda. Deutschland 1933–1945* // *Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft*. 1993. Band 314. S. 296.

⁹⁸ Dūra D., Gundare I. *Okupācijas vara un Latvijas cilvēks: izmaiņas sabiedrības psiholoģiskajā noskaņojumā (1940–1941)* // *Okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1959.gadā*. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2002.gada pētījumi. Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 10.sēj. Rīga, 2004. 129–130.lpp

⁹⁹ Примером тому может служить обилие статей, в которых выражалась благодарность оккупа-

шении всех слоев населения, но и общим снижением уровня жизни и ухудшением социально-экономической ситуации, а также несогласием между декларируемыми советскими пропагандистами принципами и моделями их реализации, апогеем чему послужили репрессии 13–14 июня 1941 года. Использование нацистскими пропагандистами антисоветских настроений способствовало созданию благоприятного для оккупантов внутриполитического климата, уменьшало протестные настроения и сопротивление в тылу немецкой армии. Это и стало одной из основных задач для периодических изданий, являвшихся одним из наиболее влиятельных источников информации.

В настоящем исследовании, автор основное внимание уделяет исследованию нацистской пропаганды в периодической печати, оккупированной Латвии. В издаваемой на латышском языке периодике особое место занимала газета "Tēvija" („Отчизна“), которая стала символом новой власти и на протяжении всего периода оккупации выполняла функции центрального печатного органа¹⁰⁰. Она выходила на латышском языке и имела самую большую читательскую аудиторию.

Первый номер газеты "Tēvija" вышел в свет 1 июля 1941 года – в день, когда передовые части вермахта вошли в Ригу. Ставшей не-гласным официозом оккупационных властей, газете удалось сохранить данный статус практически до окончания войны – последний номер газеты вышел 29 апреля 1945 года. В начале газета выходила в Риге, а с 17 октября 1944 в связи отступлением немецких оккупационных войск, продолжала выходить в Лиепае. При этом ее название изменилось на "Tēvija un Kurzemes Vārds"¹⁰¹. Периодичность издания – 6 раз в неделю с единственным перерывом с 11 по 16 октября 1944 года, когда редакция была эвакуирована в Лиепаю. Всего вышло в свет 1168 номеров газеты.

Формально издателем газеты являлся Эрнестс Крейшманис [E.Kreišmanis]¹⁰², хотя фактически "Tēvija" находилась в ведении от-

ционным войскам за освобождение от советской оккупации.

¹⁰⁰ Официальным печатным органом на латышском языке было издание "Rīkojumu Vēstnesis" [„Вестник распоряжений“].

¹⁰¹ "Отчизна и Курземское слово". Под этим названием газета выходила до 29 октября 1944 года, впоследствии изданию было возвращено прежнее название – "Tēvija".

¹⁰² Э. Крейшманис (1890–1965), полковник-лейтенант Латвийской армии, в начале июля 1941 года руководитель центра Латвийской Организации

дела пропаганды рейхскомиссариата Остланд¹⁰³. "Tēvija" являлась единственным периодическим изданием в генеральном округе Латвии, материалы которого в течение всего периода оккупации цензуровались до их опубликования¹⁰⁴. Цензором газеты являлся бывший редактор "Rigasche Rundschau" Эрнест Эдуард фон Мензенкампф¹⁰⁵, вернувшийся в Латвию летом 1941 года в звании зондерфюрера пропагандистской роты [Propagandastaffel]. Помимо непосредственного осуществления цензуры, Отдел пропаганды регулярно разрабатывал и рассыпал инструкции [Anweisungen] и наставления [Vertrauliche Presseinformation] по использованию терминологии, тематике материалов, а также предоставлял материалы для перепечатки¹⁰⁶. Следовательно, именно данный печатный орган можно считать рупором оккупационного режима на латышском языке, а множество контролирующих органов полностью исключало возможность появления случайных, противоречивых или неугодных режиму материалов.

Первым редактором "Tēvija" стал Артурс Кродерс¹⁰⁷, известный своей антинемецкой риторикой в период Первой республики, поэтому уже 25 июля 1941 года его сменил Андрейс Рудзис¹⁰⁸, про-

¹⁰³ Отметим, что до 1 декабря 1941 года данный печатный орган цензурировался руководителем группы пропагандистов в Риге зондерфюрером Густавом Дресслером [Dressler]. Данная группа работала в подчинении отдела [в некоторых источниках – сектора] пропаганды Балтии и Белоруссии [в оригинале – Baltrūčnīja] вермахта. Г. Дресслер впоследствии стал руководителем отдела пропаганды. Отдел пропаганды, в свою очередь, находился в подчинении Отдела прессы и образования министерства восточных оккупированных территорий [Abteilung Presse und Aufklärung im Reichministerium für besetzten Ostgebiete].

¹⁰⁴ Отметим, что некоторые провинциальные издания, например, "Kurzemes Vārds", на начальном этапе оккупации и в 1944–1945 годах, при приближении линии фронта, также подвергались цензуре до выхода в свет. В остальных случаях издание региональных печатных органов контролировалось местными цензорами и окружными комиссарами, а цензура материалов проводилась после их опубликования. Параллельно надзором за периодической печатью занимались цензоры вермахта и службы безопасности [Sicherheitspolizei und SD].

¹⁰⁵ Э.Э. фон Мензенкампф [Menszenkampff] (1895–1945), редактор крупнейшей немецкоязычной газеты Первой республики "Rigasche Rundschau" с 1933 года по 1939 год.

¹⁰⁶ Latvijas Valsts vēstures arhīvs [Государственный исторический архив Латвии; далее – LVVA], P-74 f. (Laikraksta "Tēvija" redakcija), 1.apr., 2., 3., 4 l. (Rīgas ģenerālkomisāra konfidenciālie norādījumi presei informāciju lietās) [Конфиденциальные указания прессе генерального комиссара Рига по подаче информации]

¹⁰⁷ Артурс Кродерс [Arturs Kroders] (1892 – 1973); публицист, редактор газет "Tēvijas Sargs" ["Зашитник Отечества"] (1919–1920; 1934–1937) и "Pirmdiene" ["Понедельник"] (1925–1927; 1930), соредактор журнала "Vārds" ["Слово"] (1937–1939), обоснованно считается одним из идеологов режима К. Улманиса. С 1944 года проживал в Швеции.

¹⁰⁸ Андрейс Рудзис [Andrejs Rūdzis] (1905–1984); капитан Латвийской армии, редактор газет "Latvijas Kāreivja" ["Солдат Латвии"] (1940) и "Sarkanā Kāreivja" ["Красный солдат"] (август – октябрь 1940 года). После войны проживал в США.

работавший до 23 сентября 1941 года. Следующим редактором на протяжении более трех лет был Паулс Ковалевскис¹⁰⁹. С 26 ноября 1944 года и до 29 апреля 1945 года редактором газеты был Янис Витолс¹¹⁰.

Объем источника не был постоянным; в начале издания – 4 полосы, впоследствии объем увеличился до 6 полос, при этом номера, выходившие в субботние дни, были более обширными. В исключительных случаях объем издания достигал 16 полос. С второй половины 1944 года, за редким исключением, количество полос уменьшалось до 2. Одновременно снизилось качество печати, незадолго до этого бывшее образцовым. В начале издания цена газеты составляла 15 копеек, после денежной реформы – 8 рейхспфеннигов, а с осени 1944 года – 10 рейхспфеннигов. Стоимость месячной подписки составляла 1,85 рейхсмарки, что было сравнительно небольшой суммой¹¹¹.

Как уже отмечалось, "Tēvija" была самым массовым изданием на латышском языке – ее тираж достигал 280000 экземпляров. Даже у последних номеров газеты тираж был значительным и составлял 25000 экземпляров¹¹². Несмотря на то, что в конце 1941 года на территории Латвии издавалось более 30 официальных периодических изданий на латышском языке¹¹³, которые являлись серьезными конкурентами для "Tēvija", и несмотря на трудности в доставке газеты к читателям¹¹⁴, жители различных районов Латвии проявляли интерес именно к этой газете.

¹⁰⁹ Паулс Ковалевскис [Pauls Kovaljevskis] (1912-1979), псевдоним Pāvils Klāns, писатель и журналист. С 1944 года в Германии и Дании.

¹¹⁰ Янис Витолс [Jānis Vītols] (1911-1990), редактор официоза "Rīkojumu Vēstnesis" (1942-1944), член издательского совета "Tēvija".

¹¹¹ Минимальная оплата труда составляла 60 рейхсмарок в месяц, а почасовая оплата рабочего, в зависимости от квалификации, составляла от 27 до 50 рейхспфеннигов в час. Стоимость подписки газеты на месяц была практически эквивалентна стоимости 1 кг. масла. Более подробно, см.: Tēvija. 1941. 15.sept. Стоимость же других изданий была соизмеримой с ценой "Tēvija".

¹¹² Fligere Ē., sast. Latviešu periodika: 1940-1945. Riga, 1995. 126.lpp..

¹¹³ Там же, 145 – 147.lpp.

¹¹⁴ Так, например, жители Тукумса, находящегося сравнительно недалеко от Риги, получали номер только на следующий день после его выхода, что волновало редактора местного издания "Tukuma Ziņas" [Новости Тукума"], так как туда одновременно доставлялся бюллетень "Deutsche Nachrichtenbüro", информации из которого перепечатывалась в "Tukuma Ziņas" и уже была опубликована в "Tēvija". См.: LVVA, P-73, f. (Laikraksta "Tukuma Ziņas" redakcija), 1.apr., 1.l. (Sarakste ar ziņu biroju "Ostland" par informācijas piegādi) [Переписка с информационным бюро "Ostland" о доставке информации].

Определяющим фактором в нацистской пропаганде стало создание образа врага, как динамического символа враждебных государству сил и именно евреи заняли центральное места врага в конструируемом нацистами мифе, и по меткому замечанию Л.Дрибина, нацистская пропаганда являлась *истерией антисемитизма*¹¹⁵.

План “Barbarossa”, осуществление которого расценивалось как вышая миссия нацизма, преследовал своей целью *освобождение мира от еврейства и его порождения – большевизма*¹¹⁶. Жидобольшевик изображался как антипод пропагандируемых нацистами “ценностей европейской культуры” и всего того, за что боролся национал-социализм. Расистская антисемитская доктрина нацистов носила универсальный характер, охватывая все сферы жизни человека, отвечая на все вопросы и разъясняя каждую проблему, локальную или универсальную. Создаваемые и культивируемые лейтмотивы антисемитской пропаганды можно условно разделить на три группы:

- июнь – декабрь 1941 года – создание пропагандистских структур и определение порядка их функционирования; целью антисемитской пропаганды является дискредитация еврейского населения оккупированной Латвии;
- 1942 год – культивирование антисемитской картины мира и ее укрепление в массовом сознании, с целью дискредитации СССР, США и Великобритании;
- начало 1943 года – до конца нацистской оккупации – антисемитизм как мобилизующий население фактор для борьбы с частями Красной Армии в рядах латышского легиона СС, а также заполнение пространства печатных изданий ввиду отсутствия позитивной информации с полей сражений.

Конечно, данная периодизация является дискутируемой¹¹⁷, однако она в целом отражает модели функционирования пропагандистской модели¹¹⁸.

¹¹⁵ Dribins L. Antisemitiskas ideologijas histerija vacu nacistu okupetaja Latvija 1941.–1942. g. // Holokausta izpētes problemas Latvija. Riga, 2001. 125. lpp.

¹¹⁶ Jacobsen H.A. Krieg in Weltanschaunung und Praxis des Nationalsozialismus (1919–1945). Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1986. S.430.

¹¹⁷ Например, Л.Дрибис выделяет два периода: июль – декабрь 1941 года и 1942 до конца войны. См.: Dribins L. Antisemītisms un tā izpausmes Latvijā... 114.lpp., однако, думается, что требуется более тщательные количественные лингво-статистические исследования для доказательства выбивнутых гипотез

¹¹⁸ См.например: Olehnovičs D., Zellis K. Laikraksta „Tēvija” karikatūras kā nacistiskās okupācijas režīma propagandas līdzeklis (1941 – 1945) // Latvijas Vēsture. Jaunie un Jaunākie laiki. 2005. 1 (57). 47.–66.lpp.

На начальном этапе оккупации главной целью пропагандистов было – связать деятельность репрессивных органов Советского Союза и национализацию и т. д., с евреями, возложив тем самым всю полноту ответственности за преступления сталинского режима на них. Думается, вряд ли правомерно утверждать, что целью массированной антисемитской пропаганды было только привлечение как можно большего количества представителей нееврейского населения к соучастию в Холокосте или к непротивлению ему. Массированный поток антисемитских публикаций имел целью заставить население Латвии понять, что необходимо найти свое место в ...этой великой освободительной борьбе человечества против нечеловеческого жидо-большевистского ига, ибо судьба народа зависит только от его решимости¹¹⁹.

Израильский исследователь Дов Левин справедливо отмечает, что невозможно понять Холокост и события 1941 года без информации о том, что случилось на западных советских территориях в 1939 – 1940 году¹²⁰. Вышедшая из подполья в июне 1940 года коммунистическая печать стала рупором введенного *нового порядка*. Декларирование правительством ЛССР единых прав для представителей всех национальностей, проживавших на территории Латвии¹²¹, и принятие решений по национальной политике, зачастую подлежащих неоднозначной трактовке¹²², явилось способом формального вовлечения в активную политическую жизнь представителей национальных меньшинств. Построение новой социально-политической системы в массовом сознании интерпретировалось порой следующим образом: ...меньшинства – русские и евреи – сейчас радуются, что пришла их пора властствовать над латышами ...¹²³. Это вызывало негодование и страх у латышей: ...многие служащие латышской национальности боятся, что с победой Трудового Блока их начнут увольнять и садить на их места русских, евреев и коммунистов...¹²⁴. Возможность огра-

¹¹⁹ Brocis Augsts. Būsim gatavi. Nacionālā Zemgale. 1941.19.jūl.

¹²⁰ Gordons F. Latvieši un židi: Spīles starp Vāciju un Krieviju. Stokholma-Riga-Toronto, 2001. 58.lpp.

¹²¹ ... упразднить все ограничения для нелатышей. Разрешить всем использовать национальные языки ... оправлять религиозные культуры.... Ciņa. 1940. 22.jūn)

¹²² Например, о запрете использования в латышском языке этонима žids. Для части населения Латвии, этоним žids не несет негативной коннотации, тогда как ebrejs воспринимается как русофобия. LPSR AP Prezidija ziņotājs. 1940. 2.dec.

¹²³ Латгальская Правда. 1940. 10 июля.

¹²⁴ Там же.

ничений в правах, вызванных в результате утраты собственной государственности, вызвало среди латышей рост ксенофобских, и в первую очередь, антисемитских и антирусских настроений: ... *старший сержант Лепер 6 июля ... ударив кулаком по столу, крикнул: "Я бы вам, жидам¹²⁵, русским и коммунистам глотку перерезал бы, или застрелил из пулемета", сержант Ределис ... избил двух санитаров военного госпиталя – евреев ... командир артиллеристского полка капитан Кугениекс... обвинил евреев в произошедшей демократизации ... Затем он велел всем евреям встать и обозвал в присутствии всей батареи свиньями, прибавив, что они сами себе яму роют. Кроме того, нападал на русских, поляков и „продавшихся” латышей, т.е. коммунистов ... Ансе по приходу Красной Армии хвалился, что, мол, еще покажут этим красным чертям, а для жидовок, лезущих на советские танки пули уже припасены. Увидев, что солдаты готовят ящик, заявил, что это будет гроб для коммунистов и жидов (подчеркнуто мной – Д.О.)...¹²⁶*. Затем, что именно в военной и студенческой среде антисемитские настроения были наиболее сильны и до 1940 года¹²⁷. Зерна ненависти пали на благодатную почву, ибо антисемитским воззрениям были подвержены представители всех этнических групп, и пропагандисты умело использовали это.

Важно, что в пропагандистском дискурсе о советских репрессиях всегда отмечалась национальная принадлежность персонажей материалов в модели – палачи = евреи, жертвы = латыши. Отмету, что уже на начальном этапе оккупации И.Сталин зачастую был представлен как еврей или как прислужник евреев¹²⁸. При этом, культивирование мифа о “еврействе” И.Сталина сохранилось до последних дней войны.

30 ноября и 12 декабря 1941 года стали поворотными пунктами в истории еврейской общины Латвии; в местечке Румбула, недалеко от Риги, прошли две акции по уничтожению еврейского населения,

¹²⁵ Язык источника сохранен – Д.О.

¹²⁶ Латгальская Правда. 1940. 23 июля.

¹²⁷ См.например: Странга А. Расистский антисемитизм в Латвии: „Перконкрустс” и другие (1932 – 1933). Евреи в меняющемся мире. Рига, 2005. С.316.

¹²⁸ См. например: Oļehnovičs D., Zellis K. Laikraksta „Tēvija” karikatūras... 47.–66.lpp.; Олехнович Д. “Сталин – еврей”: антисемитские карикатуры в газете “Двинский Вестник” // Евреи в меняющемся мире. Материалы 4-ой международной конференции. Рига, 2002. С.212 – 217; Oļehnovičs D. “Karikatūra kā kara ierocijs”: dažas tendences nacionālsociālistiskajā propagandā. // Starptautiskās konferences “Latvija nacistiskās Vācijas okupācijas varā 1941 – 1945” materiāli. Rīga, 2004. 30.–40.lpp.

в результате которых было убито около 24000 человек¹²⁹. Это в некоторой степени уменьшило степень антисемитской пропаганды, так как евреи на территории Латвии были либо уничтожены, либо (незначительная часть) изолированы от нееврейского населения. Формальным окончанием первого периода можно также рассматривать и публикацию печально известной фальсификации „Baigais gads”¹³⁰, которое готовилось в течении нескольких месяцев и все материалы были ранее опубликованы в газете „Tēvija” и других периодических изданиях.

Антисемитская пропаганда, тем не менее, продолжала проводиться – при том, что наибольшее внимание теперь стало уделяться внешнеполитическим событиям, ибо необходимо было сформировать у потенциальной аудитории представление о том, что только стремление жидизма к мировому господству объединяет Великобританию, США и СССР, так как в вышеозначенных государствах у власти находятся евреи, и отличий между жидом-комиссаром и жидом-плутократом нет, ибо у них одна цель – мировое господство¹³¹.

Заключительный период войны охарактеризовался изменениями в антисемитской риторике пропагандистов. Несмотря на то, что количество антисемитских материалов снижается, нарратив пропаганды включает в себя особенности вышеперечисленных периодов, а необходимость мобилизации местного населения для участия в боевых действиях проходит не только использовании пропагандистского клише *жид-большевик*, но и при усилении антиамериканской и антианглийской риторики. Частично это объясняется тем, что в массовом сознании значительной части населения оккупированной Латвии, США и Великобритания представлялись традиционными союзниками и на них в значительной степени возлагались надежды на послевоенное устройство мира¹³². В данном случае показательной является статья “Эта война”¹³³, где война определялась

¹²⁹ Ezergailis A. Holokausts vācu okupētājā Latvijā. Rīga.1999. 298.lpp.

¹³⁰ Лат. - “Страшный год”. См.: Baigais gads. Rīga, 1942. К сожалению, приходится констатировать, что данное издание два раза переиздавалась (репринт) после 1991 года и в настоящее время находится с свободном доступе также и в Интернете: www.home.parks.lv/leonards/BaigaisGads.

¹³¹ Bauers J. Augstākā kīla. // Daugavas Vēstnesis. 1941. 21.okt.

¹³² Подробнее: Swain G. The Origins of the Myth of British Intervention in Latvia in Summer 1945 // Proceedings of the 17th International Scientific Readings of the Faculty of Humanities. History XI. Daugavpils, 2009. 222-227 Pp.

¹³³ Tēvija. 1944. 22.jūn.

как ...нападение т.к. демократии на идеалы истины национал социализма... с целью доминирования еврейского капитала янки над миром...[при этом] жиды большевики ковали свои коварные планы порабощения мира используя нацистские лозунги Финкельшнейна-Молотова¹³⁴. При этом повторялся уже не единожды озвученная идея, о превентивном нападении на Советский Союз, ради спасения порабощенных народов.

Все же с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что лейтмотивом пропаганды все же являлась именно мобилизация населения на борьбу с наступающими частями Красной Армии, продвижение которой становилось все более стремительным¹³⁵.

Не менее важным аспектом в пропаганде конечного периода войны остается необходимость заполнения печатного пространства. Несмотря на объективные факторы, вызванные условиями военного времени (нехватка бумаги, типографских материалов, площадей и т.д.), важной целью пропагандистов являлось создании обстановки не допускающей массового психоза и паники, до того момента, пока это не станет необходимым. В периодических изданиях уже с середины 1944 года все больше начинают доминировать литературные и просветительные страницы. Однако, думается, что целью публикации данных материалов являлась не только заполнение полос изданий, но и необходимость закрепления декларируемой нацистами картины мира. Тексты, публикуемые в периодике, привлекали внимание аудитории к источнику, а серии публикаций романов и повестей основывались на *эффекте незаконченного действия* (или "эффекте Зейгарник")¹³⁶, заставляли читателя вновь и вновь обращаться к изданию. Это значительно облегчало пропагандистам формирование новой картины мира, истоки которой кроются в нацистском мифе, который во многом базировался на антисемитских идеологемах.

Вопросы антирусской пропаганды в периодической печати Латвии до настоящего времени становились лишь фрагментарным в комплексе исследований. При этом, недостаточно изученным остается вопрос о месте русского населения оккупированной Латвии

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же: 1944. 25.dec. Название – “Непрошенный гость”; легенда – “Известный дрессировщик медведей и обезьян, снова прошенный гость в Латвии”

¹³⁶ <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1164>

в пропагандистских текстах. Подход нацистских пропагандистов не был линейным и определялся событиями на фронтах. Несмотря на откровенно декларируемую нацистами расовую теорию, где славянам, и русским в особенности, отводилось место на низших ступенях иерархии, необходимо отметить об эластичности данного подхода в пропаганде и подчинение его ситуации, как в тылу, так и на фронте. Исследуя источник можно выделить несколько этапов:

- начальный период оккупации – лето 1941 года – февраль 1942 года, русское население Латвии отождествлялось с носителями большевизма;
- февраль 1942 – 1944 года, игнорирование русского фактора (за некоторым исключением);
- заключительный этап войны – пропагандистские призывы к мобилизации на борьбу с Красной Армией.

В основе нацистской политики лежал принцип *divida et impera*, и на начальном этапе оккупации в пропаганде актуализировались тексты, направленные на латышскую аудиторию, и функционировали периодические издания только на латышском языке, хотя попытки издания газет на русском предпринимались еще летом 1941 года. Так 27 августа 1941 года в Риге, вышел первый (и последний?) номер газеты “Родина”¹³⁷ редактором которого являлся В.Клопотовский (Лери)¹³⁸.

За весь период издания источника в 1941 году (всего 155 номеров), слово *русский* встречается всего в нескольких случаях в негативной коннотации. Например, описание ситуации в Латвийском территориальном корпусе Красной Армии в 1941 году, отмечается, что ...*все руководящие посты заняли евреи и русские... и только после этого к ним в подчинение попадали призывники из покоренных народов...*¹³⁹. В данном случае, именно тон статьи, а не изложенные в ней факты свидетельствуют о проявлениях русофобии, так как, действительно, большинство служащих в 24-м территориальном стрелковом корпусе Красной Армии, преобразованном из армии Независимой Латвии, составляли именно русские¹⁴⁰. Именно на дан-

¹³⁷ К сожалению, на данном этапе исследования автор не располагает полной информацией о данном источнике.

¹³⁸ Клопотовский (Лери) Владимир Владимирович (1883-1944), в 1941-1943 редактор газет “Правда”, “За Родину”, “Русский вестник”, “Слово”, издававшихся в Риге для населения оккупированных Германией советских территорий.

¹³⁹ *Tēvija*. 1941. 11.jūl.

¹⁴⁰ Савченко В. Латышские формирования советской армии на фронтах Великой Отечественной

ном этапе в источнике последовательно Красная Армия называется как „Русская армия”, и данный эпитет интерполируется на солдат. Думается, это пропагандисты скорее эксплуатировали именно концепт превосходства над русскими, свидетельством чему являются также и многочисленные фотографии военнопленных Красной Армии, имеющиеся в источнике¹⁴¹:

Подтверждением ранее высказанному тезису может служить серия статей, рассказывающих о событиях в Советском Союзе, публикуемых уже с первых номеров источника¹⁴², однако, в целом, отношение издателей газеты “Tēvija” к русскому населению Латвии в частности и СССР вообще, было негативным. Заметим также и то, что в регионах Латвии, где был значительный вес русского населения (преимущественно – Восточная Латвия), все официальные распоряжения печатались на трех языках – немецком, латышском и русским¹⁴³.

Ситуация изменилась только в конце 1941 – начале 1942 года. 12 февраля 1942 года появляется конфиденциальное распоряжение Отдела пропаганды генералкомиссара Риги в отношении прессы, в котором указывается, что: ... [Использование] Слова "Советская Россия", "советские русские" или "Россия" и "русские", является ошибочным. Во всех случаях необходимо говорить о "Советском Союзе" или о "большевиках" ...¹⁴⁴. Данное распоряжение ни в коей мере не объясняется особой теплотой оккупационного режима к русскому населению Латвии, а необходимостью борьбы с партизанами и военнопленными бежавшими из лагерей. Детерминирующим фактором, наряду с битвой за Москву, послужили события 18 декабря 1941 года, когда латышскими полицейскими, в деревне Аудрини (Резекненский уезд), населенной преимущественно староверами были обнаружены вооруженные красноармейцы, бежавшие из Резекненского лагеря для военнопленных (Шталаг-347). Мотивирующим фактором поддержки местным населением красноармейцев была не идеология, а желание помочь своим, тем более что, среди бег-

войны. Рига, 1975. С.37 – 42.

¹⁴¹ Tēvija. 1941. 11.jūl. Название изображения – “Они хотели шагать на Берлин... Типы из “непобедимой” русской армии перед заключением в лагерь для военнопленных”.

¹⁴² Например: Kā Stālins iznicināja krievu zemniekus [Как Сталин уничтожил русских крестьян] // Tēvija. 1941. 9.jūl.

¹⁴³ Например: Daugavpils Latviešu avīze. 1941. 7.aug.

¹⁴⁴ См. LVVA, P-74.f., 1apr.,2.l, 1.jūl.

лецов был сын жительницы Аудрини. В результате – 2 января 1942 года деревня была сожжена, а 170 ее жителей 4 января – расстреляны. Понятно, что данное событие не могло вызвать широкий общественный резонанс, однако, пропагандистская тактика изменилась. Уже в 1942 году в источнике мы не находим ни одной русофобской статьи, да и информации о русских фактически нет. Исключение составляют несколько антисемитских карикатур, отображающих русских как жертв большевизма и еврейства:

Кардинальных изменений в отношении пропагандистов к русским не произошло и с входом частей Красной Армии на территорию Латвии. Несмотря на то, что на бытовом уровне имелась дистанцированность (и враждебность) между этническими группами, но антируссских (впрочем, как и русофильских) материалов не было, хотя, при описании преступлений, якобы совершенных бойцами Красной Армии на территории Латвии, указывалась национальность жертвы – латыш.

Представленные результаты не являются окончательными и не могут в полной степени ответить на вопросы, поднимаемые в современной историографии. Для манипуляции сознания потенциальной аудитории, пропагандисты использовали широкий набор стереотипов и эфимизмов. Наряду с заимствованными или же распространяемыми централизованно сюжетами, издатели газеты соревновались в прокламации антисемитских инсинуаций, доводя комплекс ирреальных и преступных представлений, до полного абсурда. Антисемитизм являлся квинтэссенцией нацистской идеологии, четко проводящий грань *МЫ – ОНИ*, исходя из чего, антисемитская пропаганда заполняла лакуны идеологического базиса Третьего Рейха, создавая картину мира, в которой еврейское население безапелляционно являлось врагом. С другой стороны, пропаганда русофобии объективно была не выгодна, хотя и имела благодатную аудиторию, но реальность военных действий заставила приглушить рупор русофобской пропаганды, направив вектор ненависти на большевизм, при этом русским, по задумке издателей “*Tēvija*”, отводилась скорее роль жертвы большевизма, спасти которых должен также и латышский солдат, сражающийся на Восточном фронте вместе с немецким солдатом за идеалы *Новой Европы*. Однако стоит также предостеречь, что попытки упрощения и вульгаризации представлений о национал-социалистической пропаганде в историографии, на наш

взгляд, не являются обоснованными. Периодическая печать, выходившая на оккупированных Третьим Рейхом территориях является собой парадокс многообразия в однообразии, когда для достижения определенной цели мобилизовался весь спектр ресурсов, используя которые, создавался и культивировался образ врага, в которое евреи и русские занимали знаковое, хотя и разное место.

Е. Гребень

Русская национальная идея как элемент режима террора коллаборационных властей

Территория Беларуси в период нацистской оккупации входила в состав нескольких территориально-административных единиц, крупнейшими из которых являлись тыловая зона группы армий «Центр» и генеральный округ Беларусь. Данное обстоятельство обусловило определенные различия в формах и методах осуществления нацистами оккупационного режима, в частности, в содержании пропаганды, проводимой оккупационными властями и местной вспомогательной администрацией. Если на территории Генерального округа Беларусь гражданские органы власти лояльно относились к начавшейся уже в 1941 г. белоруссизации (генеральные комиссары В. Кубе и К. Готтберг делали ставку на белорусский национализм), то военные власти тыловой зоны группы армий «Центр» к подобной идее относились абсолютно индифферентно.

Восточные районы БССР подверглись мощной русификации еще в 1930-е гг., и на этих территориях наблюдался острый дефицит национально сознательных кадров. Военная администрация, в отличие от гражданской в ГОБ, не желала вникать в специфику региона, рассматривая все оккупированные районы СССР как «русские», что проявилось уже с первых дней оккупации. Например, в отличие от Генерального округа Беларусь, делопроизводство в восточных районах Беларуси велось местной вспомогательной администрацией исключительно по-русски (за редким исключением); на русском языке издавались периодические издания. Например, первые номера газеты «Витебские ведомости» вышли по-белорусски, но уже осенью 1941 г. газета стала издаваться на русском языке, по-русски выходили и наиболее массовые издания восточнобелорусских городов газеты «Новый путь» (одноименные газеты издавались в Витебске, Орше, Могилеве, Бобруйске, Борисове), распространялся одноименный журнал. Белорусскоязычные издания, (например, Юнацкі покліч, орган Союза белорусской молодежи Витебщины; «Беларускае слова»), в силу своего малого тиража не могли оказывать влияние на население региона. Небольшие белорусские культурно-просветительские организации (например, «Белорусский дом») также

не имели возможности оказать влияние на умы и настроения местных жителей.

В издаваемых командованием тыловой зоны распоряжениях, регулирующих жизнь населения Восточной Беларуси, всегда использовались термины «русские жители», «русские территории». В брошюре «Значение 1943 сельскохозяйственного года для русского сельского хозяйства», изданной германским главным земельным управлением, делался экскурс в историю аграрных отношений, сравнивалась дореволюционная Россия и СССР, в котором, якобы, произошла деградация крестьянства, и при вступлении немцев «Святая Русь была мертва».¹⁴⁵

Подобную картину можно увидеть и в местных периодических изданиях. Например, в статье «Русские девушки» могилевской газеты «Новый путь» описывается быт «русских девушек» из деревень Чаусского района.¹⁴⁶ В русском антибольшевистском листке «Руль» в статье «Русские в Германии» приводятся письма жительниц Минской области, Бобруйска.¹⁴⁷

Необходимо отметить, что, термин «русский», «русские» использовался не всегда последовательно. Например, в Бобруйской газете «Новый путь» в статье «3600 км. по Германии» также использован термин русские рабочие, но при этом среди них выделялись белорусы, украинцы и русские.¹⁴⁸

Можно предположить, что военное руководство оккупированных территорий СССР не вполне ясно представляло себе специфику оккупированных регионов, по традиции отождествляя все славянские территории СССР с Россией. Как русские часто воспринимались все красноармейцы, отправка на Восточный фронт среди германских солдат воспринималась как отправка Россию и т.д. Подобное отношение можно объяснить отсутствием у командования тыловой зоной четкой информации об оккупированном регионе. В то же время, на территории Беларуси велась целенаправленная агитационно-пропагандистская кампания, имевшая целью насадить здесь идеи великодержавного шовинизма. Трансляторами таких идей стали силовые структуры, воевавшие на стороне Гитлеровской Германии.

¹⁴⁵ Государственный архив Минской области. Ф.1039. Оп.1. Д.108. Л. 18-18 об.

¹⁴⁶ Новый путь (Могилев), 8.07.1943.

¹⁴⁷ Русские в Германии // Руль, 10.02.1944.

¹⁴⁸ М. Бобров. 3600 км. по Германии // Новый путь (Бобруйск), 3.04.1943.

Территория Беларуси стала полем деятельности ряда русских пронацистских вооруженных формирований. Здесь в разное время дислоцировались части Русской освободительной армии Власова, Русской народной армии (создана в 1942 г. в п. Осинторф Оршанского района) и Русская освободительная народная армия Каминского.¹⁴⁹ Последняя вела идеологическую работу исключительно интенсивно.

В августе 1943 г. под натиском Красной Армии РОНА вместе с немцами покинула место дислокации и была переведена в Лепельский район. Было опубликовано обращение к населению Лепельского, Ушачского, Сенненского, Чашникского и Бешенковичского районов. До местного населения доводился приказ немецкого главнокомандования о дислоцировании в Лепельском округе подразделения РОА. В тексте документа формирование было названо не корректно, речь шла о размещении здесь РОНА Каминского. Местные жители призывались добровольно вступать в ряды РОНА с целью борьбы за строительство новой России.¹⁵⁰ На Лепельщине Б. Каминский поставил под свой контроль местную администрацию (стал обер-бургомистром Лепельского округа), РОНА именовалась лепельским гарнизоном.¹⁵¹ Издавались газета «Голос народа», орган НСТПР в Лепельском округе и окружного управления и печатный орган бригады газета «Боевой путь».

Идеологи РОНА пытались реализовать на территории Беларуси идеологические постулаты царской России, вела активную пропаганду в русле великодержавного шовинизма. В отличие от индифферентного отношения германской военной администрации к белорусскому национальному движению, белорусской нации, идеологи РОНА, как и царская администрация, отрицали существование белорусов, пытались привить белорусам мысль, что они являются неотъемлемой частью русского народа, жителями России.

В манифесте НСТПР отмечалось, что цель партии и РОНА — свержение коммунистического режима в России, создание российского суверенного государства, где господствует трудовая и частная

¹⁴⁹ Белорусские остатки. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. Кн. 2 (1943–1944) / Сост. Г.Д. Кнатко, В.И. Адамушко и др. Минск: НАРБ, 1997. С. 396–397

¹⁵⁰ Государственный архив Витебской области. Ф.2088. Оп.2. Д.8. Л. 7.

¹⁵¹ Голос народа (Лепель), 1.11.1943.

инициатива.¹⁵² НСТПР можно рассматривать как русский аналог НСДАП. К 1944 г. декларировалось наличие 36 организаций партии в разных регионах.¹⁵³

12 сентября 1943 г. в зале Лепельского театра состоялось собрание молодежи, организованное пропагандистами РОНА. Выступали офицеры РОНА и гражданские пропагандисты. Тематика докладов-разъяснение сути «русского освободительного движения», призыв к местным жителям вступать в РОНА. Один из выступающих отметил: «Цель нашей жизни на обломках большевизма создать Великую новую Россию».¹⁵⁴

Активно действовал при РОНА Союз русской молодежи. 15 января 1944 г. в газете «Голос народа» была опубликована статья «Молодежь на великом переломе», в которой отмечалось: «...сейчас, когда «Китайская стена», созданная большевиками, рухнула, и мы получили возможность ознакомиться с другими учениями (Национал-трудовой Солидаризм), способными воссоздать наше величие и на основе этого поставить на мировые вершины нашу Родину, когда у нас есть возможность сплотиться вокруг Национал-социалистической Трудовой партии России и Союза российской молодежи, мы должны сделать это».¹⁵⁵ В том же номере раскрывались цели и задачи СРМ: 1) воспитание у молодого поколения россиян чувства любви к родине, к своему народу; 2) всемерная помощь и активное участие в борьбе за свержение большевизма и установление нового строя в России; 3) разоблачение учения Маркса как вредного и антинародного, выгодного только еврейству, не имеющему родины; 4) привитие любви ко всякому труду, направленному на благо государства и нации, помня, что труд—источник собственности, трудовая собственность—залог свободы; 5) воспитание высоких моральных и нравственных качеств, честности и солидарности.¹⁵⁶

Итог деятельности пропагандистов РОНА можно рассматривать как нулевой. Русские шовинистические идеи не нашли отклика среди белорусов Лепельщины, что выразилось в уклонении местных

¹⁵² Государственный архив Витебской области. Ф.2290. Оп.1. Д.95. Л. 81.

¹⁵³ Голос народа (Лепель), 15.01.1944.

¹⁵⁴ На собрании молодежи // Новый путь (Лепель). 16.09.1943.

¹⁵⁵ Партийная жизнь // Голос народа (Лепель), 15.01.1944.

¹⁵⁶ Там же.

жителей от мобилизации в РОНА, восприятии ее как вооруженного формирования, сражающегося на стороне врага.

Попыткой повлиять на молодое поколение стало создание на территории Беларуси коллaborационной организации Союз русской молодежи. Относительно времени и места создания этой организации нет ясности. Белорусский исследователь А.А. Коваленя относит создание СРМ к весне 1944 г. Торжественное мероприятие по случаю создания СРМ прошло 7.05.1944 г. в Борисове. Коваленя рассматривает создание СРМ в контексте политики немецкой военной администрации на территории Беларуси, связывает деятельность организации с молодежью, сходившей в состав РОА, среди которой Союз и должен был вести агитационную работу.¹⁵⁷ В то же время, мы уже отмечали существование организации с подобным названием при РОНА Каминского как минимум, с января 1944 г. Возможно, частная инициатива командования РОНА была взята на вооружение командованием тыловой зоны и санкционирована на всей территории Беларуси, подконтрольной военной администрации. Интересно, что на съезде в Борисове присутствовали представители Союза белорусской молодежи (создан 22.06.1943 г.), что было явно вынужденным шагом с их стороны, поскольку представители белорусской коллаборации выступали против создания СРМ.

Русская идея присутствовала в каждой акции СРМ. Например, в Борисове членами организации было посажено около 400 елей, сирени и акаций, разбита дорожка в форме георгиевского креста, о чем было отмечено в газете «Новый путь».¹⁵⁸ В статье «В Союзе Российской молодежи» отмечалось, что «в основе учебно-воспитательной работы организации лежит стремление подготовить молодежь к великому служению делу освобождения родины и построению новой, национальной России». На концерте СРМ в помещении борисовского театра руководитель Суворовской группы СРМ отметил, что, несмотря на советскую власть, «молодежь сохранила русскую душу».¹⁵⁹ В статье «За Россию», посвященной празднованию в честь месячного юбилея создания СРМ, рассказывалось о вручение «рус-

¹⁵⁷ Коваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Мінск: БДПУ, 1999. С. 172 – 173.

¹⁵⁸ Новый путь (Борисов), 3.06.1944.

¹⁵⁹ Там же.

ских значков» представителям белорусской молодежи, молодежь позиционировалась как «хозяева земли русской», использовались возгласы «За Россию».¹⁶⁰

К 1944 г. кое-где русская риторика вытеснила белорусскую в тех сферах, в которых последняя бытowała с самого начала оккупации. Например, в статье «Растет народная самопомощь» о Холопеничском комитете организации народной самопомощи слово «белорусская» даже не упоминалось, хотя изначально организация «Белорусская народная самопомощь» занималась не только гуманитарной деятельностью, но и вела активную работу по возрождению национального самосознания белорусов.¹⁶¹

В статье «Письмо Жени Т.», написанной от имени могилевчанки, отправленной на работу в Германию, говорилось: «Мне теперь Россия кажется какой-то жалкой, ничтожной, грязной, нищенской. Бедные солдаты, которые находятся в России!.. Здесь деревни куда лучше, чем у нас такие города, как Орша, Могилев и т.д.». Безымянный автор статьи отождествляет с Россией и саму жительницу Беларуси, и населенные пункты Могилев и Орша.¹⁶² Статья о деятельности СРМ Борисова озаглавлена «За Россию».¹⁶³

Еще одним коллаборационным формированием, пропагандировавшим на территории Беларуси русские шовинистические идеи, стал Союз борьбы против большевизма (руководитель М. Октан), созданный весной 1944 г. в Бобруйском округе.¹⁶⁴ Ячейки СРМ могли входить в СБПБ в полном составе, туда же включались и сотрудники полиции. Реакция же белорусских коллаборационистов на создание этой организации была также негативной по причине использования СБПБ русской символики (черно-оранжевый шлаг с георгиевским крестом) и русского языка. Ячейки организации были созданы на ряде предприятий и в полиции в Бобруйске, Осиповичах, Пуховичах. Задачей Союза провозглашалось «борьба против всех проявлений иудо-большевизма».¹⁶⁵ Вступление в Союз продолжалось вплоть до освобождения Беларуси.¹⁶⁶

¹⁶⁰ А. Иванов. За Россию // Новый путь (Борисов), 24.06.1944.

¹⁶¹ Новый путь (Борисов), 7.06.1944.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же, 24.06.1944.

¹⁶⁴ Каваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. С. 173 – 178.

¹⁶⁵ Там же. С. 174.

¹⁶⁶ Государственный архив Минской области. Ф.1613. Оп.1. Д. 1. Л. 459.

Русская национальная идея активно пропагандировалась среди сотрудников ряда подразделений Службы порядка (ОД) тыловой зоны группы армий «Центр». Здесь распространялось обращение к русским людям генерала Власова (председателя Русского комитета).¹⁶⁷ Обращение русского комитета было включено в план работы пропагандистов ОД Борисовского района на январь 1944 г.¹⁶⁸ Полицейским объяснялись цели и задачи этой организации. Русский комитет ставил перед собой задачи свержение советской власти, строительство «Новой России» на принципах ликвидации колхозов, частной собственности на землю, обеспечении социальной справедливости, прав и свобод граждан. «Свято веря, что на основе этих принципов может и должно быть построено счастливое будущее Русского народа, Русский (комитет-Е.Г.) призывает всех русских, находящихся в освобожденных областях... объединяться для борьбы за родину, против ее злейшего врага—большевизма!»¹⁶⁹

Пропагандисты СП Орши разработали план пропагандистской на сентябрь 1943 г., одна из тем выступлений звучала как «Русское освободительное движение». Источниками для доклада послужили программа Русского комитета и открытое письмо генерала Власова.¹⁷⁰ Судя по всему, данная тема использовалась пропагандистами по всей тыловой зоне группы армий «Центр». Например, та же тема была запланирована пропагандистами Борисовского района на февраль 1944 г.¹⁷¹ В обращении к бойцам ОД пропагандиста Бобруйского округа содержались призывы: «Пусть вашими лозунгами будут: «Бей жидов, спасай Россию», «Да здравствует Новая свободная Россия, стоящая в семье народов Новой Европы, руководимых Адольфом Гитлером».¹⁷²

Однако и здесь русская национальная идея проводилась не последовательно, перемещаясь с идеологическими постулатами белорусской национальной идеи. В докладе для членов Службы порядка Борисовского района Сталин иронически именуется «самодержец всей Руси», который нес бедствия «родной Белоруссии». Социалистические идеи рассматриваются как «выдумка жида Мардохая-Мар-

¹⁶⁷ Там же. Ф.635. Оп.1. Д.46. Л. 10.

¹⁶⁸ Там же. Л. 1.

¹⁶⁹ Там же. Л. 9-9об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 3.

¹⁷¹ Там же. Л. 14.

¹⁷² Государственный архив Могилевской области. Ф.840. Оп.3. Д.1. Л. 68.

кса», которые реализовывались его московскими преемниками на спинах несчастных народов СССР. Пропагандировалась идея, что под руководством Германии все европейские народы, в т.ч. и СССР, могут бороться за свое будущее, отдельно выделены Беларусь и Украина как самостоятельные территории. До сведения бойцов ОД до водилось, что для заботы о населении Беларуси создана Белорусская народная самопомощь, полицейские призывались к защите родной Беларуси.¹⁷³.

Русская национальная идея оказалась достаточно устойчива. Несмотря на два десятилетия господства новой советской идеологии, она возродилась среди российских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Русские коллаборационные организации при невмешательстве или прямой поддержке нацистов попытались тиражировать русскую национальную идею среди жителей оккупированной Беларуси. Электоральной базой для распространения данной идеологии стали солдаты и полицейские в составе русских пронацистских вооруженных формирований. Гражданское население Беларуси отнеслось к подобным идеям индифферентно в силу неприятия их сути, а также по причине того, что их ретранслятором выступали структуры, сотрудничающие с оккупантами.

Идеологическая обработка сотрудников полиции была исключительно важна для немецких и коллаборационных властей. Учитывая, что большая часть бойцов ОД являлась местными жителями (как правило, белорусами), содержание пропагандистских материалов имело принципиальное значение. Рост русской национальной риторики наблюдался в 1934–1944 гг., что было связано с дислокацией на территории группы армий «Центр» ряда вооруженных формирований из числа этнических русских РОНА, РОА, переброшенные сюда с территории России подразделения полиции). Русские идеологи-коллаборационисты безуспешно попытались реализовать свои националистические идеи среди населения Беларуси. Риторика агитационно-пропагандистских материалов напоминала идеологические постулаты времен царской России.

Немецкие военные власти поощряли создание русских национальных организаций, используя принцип «разделяй и властвуй». На территории генерального округа Беларусь под властью немецкой

¹⁷³ Государственный архив Минской области. Ф.635. Оп.1. Д.46. Л. 4 – 5.

гражданской администрации распространения русской национальной идеи получило распространения, здесь немцы делали ставку на белорусский национализм.

И. Герасимова

Евреи в партизанском движении на оккупированных территориях СССР

В последние годы наблюдается возросший интерес исследователей к изучению партизанского движения в 1941 – 1944 гг. На первый взгляд кажется странным, что история партизанского движения, одна из немногих тем, которая была детально исследована ещё в 60-80-х годах прошлого века, снова вызывает интерес ученых. Особенно, это касается Беларуси, «республики – партизанки», как её называли, где был опубликован массив исследований, статей, воспоминаний, многотомных сборников документов о партизанской борьбе белорусского народа в годы войны. Однако сегодня, когда в странах бывшего СССР, идет процесс пересмотра истории войны на основании использования прежде недоступных и закрытых архивных документов и материалов, меняется социально-общественное отношение к необходимости отражения исторической правды, стремление ученых к изучению партизанского движения с позиций нового методологического подхода, закономерен. Также объяснимо внимание исследователей к разработке появившихся новых тем, как например, евреи в партизанском движении на оккупированных территориях бывшего СССР.

Десятилетиями замалчивалось участие евреев в подпольной и партизанской борьбе в Беларуси в годы войны. Это способствовало созданию в общественном сознании наших сограждан ошибочного представления о том, что евреи не сопротивлялись и не участвовали в борьбе против оккупантов, в то время, как фашисты totally уничтожали еврейский народ. После войны, вплоть до начала 90-х годов, за редким исключением, почти не публиковались воспоминания партизан – евреев, т.к. правду публиковать было невозможно, а то, что было написано, несло на себе печать идеологических и политических тенденций того времени. Поэтому многие важные факты авторы воспоминаний или просто замалчивали, или интерпретировали в соответствии с партийными указаниями. В качестве примера можно привести мнение Анны Красноперко, бывшей узницы гетто и партизанки, автора одной из первых книг о Минском гетто «Пісьмы маей памяці», вышедшей в 1985 г. в Минске. В начале

90-х журналист М.Книжник писал о беседе с ней: «.Анна Давыдова рассказала, как много страшного было потом после побега из гетто. Как их отталкивали партизаны. «*Мне евреи не нужны*», – говорил им командир одного отряда. Другой побоялся утечки информации и послал человека их расстрелять. Я спросил:

- Почему Вы об этом не напишите?

- Ну, что Вы! Разве об этом можно писать? – искренне удивилась она».¹⁷⁴

В последующие годы, когда появилась возможность писать о Холокосте и не только об уничтожении евреев, но и о сопротивлении их фашизму, тогда стали выходить книги с воспоминаниями евреев – партизан и статьи отдельных исследователей об участии евреев в партизанском движении. Эта тема нашла отражение в работах исследователей А. Лейзерова, Э. Иоффе, Е. Розенблата, И. Еленской, И. Герасимовой, В. Селеменева (Беларусь), М. Альтшулера и Л. Смиловицкого (Израиль), Д. Мельцера (США) и других. С каждым годом появляются новые исследования, раскрывающие тему участия евреев в партизанском движении различных регионов бывшего СССР, взаимоотношениям их с партизанами других национальностей, отношению руководства партизанского движения к евреям – партизанам, проблеме антисемитизма в партизанских отрядах и бригадах и т.д. и т.п.

Темы эти в научном изучении не просты, т.к. не выявлена ещё в достаточном объеме источниковедческая база для исследований, участники и свидетели тех событий, которые могли бы помочь ученым в понимании некоторых важных вопросов, уже отсутствуют. Кроме того, как оказалось, отдельные вопросы общей истории партизанского движения также требуют пересмотра – все это и вызывает необходимость поиска исследователями других подходов, выработки особой методики исследования, соответствующей специфике темы. В этой связи представляется важным выяснение некоторых основных положений, имеющих принципиальное значение для изучения темы участия евреев в партизанском движении. Эти вопросы будут рассмотрены на примере исследования положения евреев-партизан в партизанском движении Беларусь в годы войны.

Некоторые особенности использования источниковедческой базы

¹⁷⁴ Книжник М. Из записных книжек // Знамя. 1993. № 9. С 204

Изучение истории участия евреев – партизан в партизанской борьбе основывается, как и любое историческое исследование на документах. Однако при подборе документов для исследования интересующей нас темы, необходимо учитывать несколько важных момента. Имеющиеся в распоряжении исследователя документы и материалы (как правило, их немного), необходимо в первую очередь классифицировать на:

а) источники общего характера, дающие представление об истории создания и деятельности партизанских соединений (бригады, отряда), командного и национального состава. Об этом дают информацию документы штабов партизанского движения, бригад и отрядов, воспоминания командиров данного соединения, партизан – неевреев, статистические материалы и т.п.

б) материалы, рассказывающие о евреях в этом партизанском отряде или бригаде. Как правило, таких материалов в документах, например, Белорусского штаба партизанского движения немного, но они есть. Это различные донесения, заявления, докладные евреев – партизан, находящиеся в архивах, воспоминания евреев – партизан, членов их семей, опубликованные уже после войны.

Часто в документах невозможно найти никаких упоминаний о том, были ли вообще в бригаде или отряде евреи. Так, например, в основном справочном издании, с которым исследователи работают и сегодня – «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад, (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе)», вышедшем в Минске в 1983г., при указании процентной численности партизан различных национальностей евреев не вспоминают. Есть белорусы, русские, украинцы, а евреи, вероятно, подразумевались под указанным в справочнике определением «другие». В этой связи некоторые данные, помещенные в книге, выглядят, по меньшей мере, странно. Например, в бригаде «За Советскую Белоруссию» Баановичской области из 962 партизан числилось, по данным Справочника: белорусов- 495, русских – 237, украинцев- 30 и других национальностей- 200 человек.¹⁷⁵ 30 украинцев посчитали нужным отметить, а 127 евреев, во-

¹⁷⁵ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад, (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе). Минск, 1983. С. 40.

евавших в этой бригаде, из которых 30 человек погибли, оказались «зашифрованными». Таких примеров в этой книге множество. Если раньше изучению вопроса количества евреев-партизан Беларуси мешала идеология государственного антисемитизма, то сегодня это, в основном, вопросы источниковедческого характера, и в данном случае, как ни странно покажется на первый взгляд, проблема заключается не в отсутствии документальной базы, а наоборот – в изобилии документов по статистике.

Основой любой исследовательской работы, связанной с изучением статистического материала о партизанах, являются именные списки. Они были составлены в Беларуси в основном в 1944 г., после соединения партизан с частями Красной Армии, и насчитывают сотни тысяч фамилий.

В Национальном архиве Республики Беларусь имеются достаточно полные такие списки на 281007 партизан, уточненные БШПД в 1946 г., с указанием национального и социального положения партизан. Исследователю, решившему заняться этой проблемой, в первую очередь необходимо найти в архиве именные списки партизан конкретного партизанского соединения и выбрать оттуда имена евреев – партизан. Следует понимать, что не все евреи при вступлении в партизанский отряд, указывали свою настоящую национальность. Находясь на оккупированной территории, где фашисты открыто призывали местное население уничтожать евреев, если была возможность – не очень похож на еврея, хорошо говорил на русском или белорусском языке, этим многие пользовались и называли другие фамилию и национальность. Что касается командного состава бригад и отрядов, то если среди них были евреи, то вышестоящее руководство требовало им изменить фамилии и имена на русские, чтобы немцы и окружающее население не знали, что в руководстве партизанских формирований есть евреи.

Важным источником являются воспоминания евреев – партизан. Используя их, необходимо учитывать не только в какие годы написаны эти воспоминания, но и в какой стране и даже, на каком языке. Например, воспоминания, опубликованные за рубежом до 90-х годов прошлого века на языках идиш, иврите или английском зачастую носят антисоветский характер. А немногочисленные воспоминания евреев – партизан, опубликованные в СССР в середине 40-х и, даже в конце 80-х начале 90-х, как правило, умалчивают о

проявлениях антисемитизма в партизанских отрядах. Лишь написанные уже в XXI веке воспоминания евреев – партизан правдивы и показывают истинные условия и ситуации, в которых находились евреи в партизанских отрядах.

Важным моментом для любого исторического исследования является стремление ученого не только верно, на основании источников, выстроить фактологическую цепь событий, но также понять и объяснить те или иные действия и причины поступков людей, действовавших в рассматриваемых условиях. Для понимания различных ситуаций, связанных с поведением евреев в годы войны на оккупированных территориях, важным является знание исследователем истории, традиций, образа жизни этого народа не только в годы войны, но и задолго до неё. Именно особенностями поведения и поступков, сложившихся за долгие годы жизни в диаспоре, в окружении других народов, можно объяснить те или иные действия евреев в годы войны, и также евреев – партизан. Только в этом случае можно понять причину того или иного решения, принимаемого евреями, находящимися на оккупированной территории, на первый взгляд, совершенно не логичных. Как, например, узников гетто, не стремившихся уйти в лес к партизанам. Так казалось и тогда многим белорусам, кто предупреждал евреев о готовящихся акциях уничтожения и говорил, что им необходимо срочно уйти в лес и спастись. Так рассуждают многие и сегодня, кто не очень хорошо знает традиции этого народа и не представляет ситуации, в которой оказались евреи на оккупированной фашистами территории.

С первых дней существования гетто, молодые узники старались различными способами достать оружие, искали связь с партизанами, стремясь уйти в лес. Но, как правило, возникало сложнейшее препятствие – противостояние членов юденрата (еврейский совет), родителей, других, более старших по возрасту, узников. Особенно это касалось наличия оружия в гетто и подготовки побега. Для многих из стариков сама идея использования оружия, даже при спасении, казалась невозможной, т.к. у евреев, живущих долгие века в диаспоре, отсутствовала традиция вооруженного противостояния властям. Тезис: «ты будешь жить при помощи меча» был для еврея, живущего по традиционным законам, неприемлем. Многовековый опыт жизни среди других народов и властей, относящихся к евреям в лучшем случае безразлично, а

в основном враждебно, выработал у них принцип подчинения властям, часто лишь внешнего выражения, но ни в коем случае использования непозволительной открытой борьбы. Ведь главное для лидеров еврейской общины во все времена было сохранение народа для возвращения его в Святую землю. Необходимо также учитывать, что к моменту начала войны, старшее поколение белорусских евреев были ещё религиозны, несмотря на действия советских властей по уничтожению религии. К тому же, более старшие по возрасту, они понимали, что слишком неравны силы, и не приветствовали стремления молодежи к вооруженной борьбе.

Противники побега мотивировали свою точку зрения не только карающими мерами властей, но и невозможностью спасения в лесу тех евреев, кто не сможет воевать с оружием в руках: стариков, женщин и детей. Было ясно, что их не возьмут в партизанские отряды, они будут там мешать. Не будут спасать их и местные крестьяне. Во многих случаях именно от них исходила реальная опасность, что пойманный еврей будет сдан полиции или жандармерии за материальное вознаграждение. Таким образом, возникал вопрос: как узники смогут выжить в лесу? И это даже в случае удачного осуществления побега. Кроме того, было понятно, что все узники убежать не смогут, и тогда оставшихся, немцы сразу же уничтожат.

Аргументы молодежи, доказывающих, что все в гетто рано или поздно будут уничтожены и следует бежать всем, т.к. в лесу хотя бы часть людей останется в живых, не находили поддержки у членов юденрата и более старших по возрасту узников. Многие из них считали, что именно существование подполья, сбор и хранение оружия в гетто, подготовка к уходу в партизаны делают жизнь в гетто ещё опаснее и приближают акции уничтожения. Объясняя выбор между смертью в гетто и жизнью в лесу, они говорили «Лучше смерть вместе в гетто, чем неизвестная жизнь в лесах».

Приказ о коллективной ответственности за малейшие проступки членов семьи или отдельных людей, введенный фашистами на оккупированной территории, приводил к тому, что за бегство одного или нескольких человек расстреливали несколько десятков узников. Подпольщики должны были решать вопросы, связанные с побегом в лес с членами своей семьи, с представителями юденрата, на которых немецкими властями была возложена ответственность за все происходящее в гетто.

Семья всегда являлась основой существования еврейского народа, а в страшные дни семейные узы становились ещё крепче. И в этих условиях часто возникали невыносимо тяжелые ситуации. Бывало, что родители просили детей бежать из гетто ради их спасения, оставаясь сами в заложниках. И перед молодыми людьми вставала трагическая дилемма: с одной стороны – проявив личное мужество, использовать возможность спасения для борьбы с врагом и выживания; с другой – оставив в гетто пожилых родителей или малолетних детей с женой, обречь их на уничтожение. Во многих подобных случаях принималось решение: «Без них- не уйду».

Известно много случаев, когда молодые узники вырывались в лес, но затем возвращались, не желая становиться причиной гибели своих родных или других узников. Те из них, которые все же осуществляли побег в партизаны, были в страшном отчаянии, когда их семьи погибали в гетто, и до конца своих дней они считали себя виновными в гибели близких.

Некоторые евреи – партизаны находили в себе мужество и вновь, несмотря на смертельную опасность, возвращались в гетто, чтобы вывести своих родных в лес. Именно это являлось зачастую мерилом мужества у евреев – партизан. Необходимо отметить, что не всегда даже вывод в лес спасал родителей или жену и детей партизана от гибели. В партизанский отряд не брали таких людей. Иногда удавалось создать семейный лагерь, который располагался недалеко от партизанского отряда и евреи- партизаны старались охранять такой лагерь. Но когда начинались облавы на партизан и необходимо было очень быстро уйти в глухой лес или болота, члены семейного лагеря не успевали убежать и погибали. Такой груз ответственности за судьбы родных, не всегда выдерживали евреи – партизаны. Именно поэтому они часто обвиняли руководство партизан за нежелание спасти их родных. Об этом и сегодня вспоминают бывшие партизаны.

Отличие ситуации евреев – партизан от партизан других национальностей

Путь евреев в партизаны

Прежде чем сделать выбор стать партизаном или нет, люди других национальностей, могли рассматривать другой выход для себя – коллаборационизм, соглашательство, подчинение, переезд в другую

деревню, город и пр. Другими словами, они имели выбор. У евреев не было возможности изменить свое положение в соответствие с нацистской идеологией. «Окончательное решение...» – это единственное положение, определенное нацистами для евреев на оккупированных территориях. И если, для других народов целью вооруженного сопротивления было изгнание оккупантов с родной земли, то целью еврейского вооруженного сопротивления (небольших вооруженных групп, отрядов) было только уничтожение фашистов и месть за погибших близких и родных, желания героически сражаться, чтобы «восстановить честь еврейского народа». Кроме того, необходимо понимать, что нахождение в партизанах с оружием в руках – было единственным местом спасения евреев от неминуемой гибели. Поэтому вооруженное еврейское сопротивление, хотя внешне и похоже было на все остальные формы вооруженного сопротивления, находилось фактически в другой плоскости и положение еврея – партизана отличалось от положения партизана любой другой национальности.

Евреи, чудом убежавшие из гетто и бродившие по лесам, у партизан вызывали подозрения в шпионаже. Вот как об этом вспоминает бывшая узница минского гетто, которой удалось в 1943 г. попасть в партизаны: «...Навстречу выезжает телега с вооруженными людьми. Меня останавливают, но глядят подозрительно, явно не доверяют мне. Следует сказать, что фашисты последнее время распространяли слухи о том, что евреи, убегавшие из гетто, направлялись гестапо в партизанские отряды с целью шпионажа и как ни дико и неправдоподобно, этим слухам кое-кто поверил. Была пущена версия гестаповцами, конечно, что ими специально из евреев создана школа шпионов. Умысел их был более чем очевиден; чтобы тех, кто избежал своей гибели в гетто, уничтожало местное население. Действительно, были случаи, когда несколько человек расстреляли в связи с подозрениями в шпионаже». ¹⁷⁶

Руководство Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, беспокоясь о защите партизанских формирований от проникновения в их ряды диверсантов и провокаторов, засылаемых оккупантами, видели в бродивших по лесам беглецах из гетто, потенциальных шпионов. Это подтверждалось донесениями спец-

¹⁷⁶ Выжить – подвиг. Воспоминания и документы о Минском гетто. Минск, 2008. С. 65.

групп, работающих в немецком тылу. Они докладывали о наличии в некоторых городах, как например, в Минске, Борисове и Бобруйске, еврейское население которых до войны составляло около 50%, специальных диверсионных школ подготовки шпионов для засылки их в партизанские отряды. За подписью П.А. Жуковича, руководителя Борисовского межрайпартцентра, впоследствии члена Витебского подпольного обкома КП(б)Б, под грифом «Совершенно секретно» было разослано распоряжение командирам и комиссарам партизанских отрядов « для неуклонного исполнения»: « *По имеющимся данным гестапо из Минска выпущено большое количество евреев и евреек с целью засылки в отряды для отравления командного состава. У последних в рукавах одежды, волосах головы, обнаружены сильно действующие вещества, агенты также отравляют колодцы.. Поступивших тщательно проверяйте, а также проверьте имеющихся у вас и работающих в пищевом блоке.*¹⁷⁷

Естественно, что такое предупреждение для руководителей партизанских отрядов являлось причиной отказа для принятия евреев в ряды партизан. Евреи внушали партизанам недоверие уже тем, что остались в живых и непонятно каким образом спаслись из гетто.

Бывали случаи, когда подпольные организации гетто, добывали оружие и договаривались с партизанами о приеме их в партизаны. Так, например, в Слониме в июне 1942 г. около 200 узников совершили побег и были приняты в партизанский отряд под руководством Павла Пронягина. Там была организована еврейская рота № 51. В сентябре того же года из гетто Мира убежали около 100 человек. Подпольщики гетто Барановичей, Куренца и других городов и мстечек вывели в лес сотни приговоренных к смерти. В Новогрудке узники из гетто, где содержались специалисты, в течение нескольких месяцев прокопали тоннель длиной 170 м и около 260 человек смогли совершить побег.

Подпольная организация Минского гетто, с помощью городских подпольщиков, организовала выход в партизанские отряды большого количества узников, из числа которых впоследствии было создано несколько партизанских отрядов и бригад: им. Кутузова и им. Пархоменко, 25 лет БССР и им. Чкалова, им. Чапаева, Калинина и других. Некоторым удавалось бежать семьями. Бывали редкие слу-

¹⁷⁷ НАРБ. Ф. 1405. Оп.1. Д. 958. Л. 87.

чаи, когда партизаны нападали на вражеские гарнизоны и освобождали узников из гетто, как например, в Новом Свержене или Косово. Однако, убежав из гетто ценой неимоверных усилий, и попав в лес, евреи понимали, что это ещё не гарантия их полного спасения – стать бойцом партизанского отряда им было очень непросто.

Таким образом, путей, которые могли привести евреев в партизанские отряды, было немного и идти по ним приходилось с огромным риском для жизни. Это было бегство из гетто или концлагеря, при котором следовало проявить мужество и храбрость, во многих случаях без чьей-либо помощи.

Евреи в партизанах. Еврейские семейные партизанские отряды.

Насаждаемый фашистами антисемитизм влиял на руководство многих партизанских отрядов, не желавших принимать в свои ряды евреев. Но были среди них и такие, кто старался помочь евреям спастись из гетто и всячески поддерживали их в стремлении бороться с фашистами. В отличие от тех партизанских командиров, которые считали, что евреи идут в партизаны только для того, чтобы спасти свою жизнь, а не для борьбы, и являются для партизан только балластом, некоторые командиры помогали организовать отряды из спасшихся узников гетто и евреев-военнопленных.

Так, ещё весной 1942 г. Филипп Филиппович Капуста, ставший впоследствии командиром партизанского соединения, помог создать отряд под руководством Льва Гильчика. Этот отряд полностью состоял из евреев.

Легендарный партизанский командир, Герой Советского Союза Кирилл Прокопович Орловский впоследствии писал: «Я организовал отряд исключительно из евреев, бежавших от расстрела. Окружавшие нас партизанские отряды отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. Бывшие мелкие торговцы, ремесленники и др. за 2,5 месяца провели 15 боевых операций, желая мстить немецким извергам за пролитую кровь, убивали гитлеровцев, взрывали мосты, поезда».¹⁷⁸

Таких командиров, к сожалению, было немного и еврею, убежавшему из гетто и встретившему партизан, как правило, отказывали в

¹⁷⁸ Цит. по: Зубарев Л. Белорусские евреи. Минск, 2004. С. 69.

приеме в партизаны, даже если он был молод и силен. Ему требовалось найти оружие и доказать, что он может воевать. Таких евреев бродило по лесам немало. И если в отряд евреев не принимали, то они соединялись в группы, среди которых были люди разного возраста, семейные и одиночки, объединенные общей судьбой. Они начинали жить общим семейным лагерем, существовавшим благодаря способности его членов жить в лесу. Основными проблемами, с которыми евреи при этом сталкивались, было: обеспечение безопасности, добывание пищи и тяжелые физические условия.

Некоторые партизанские командиры понимали положение, в котором оказались убежавшие из гетто и разрешали им располагаться недалеко от своих отрядов. Партизанские формирования, при которых существовали такие лагеря, брали на себя ответственность за безопасность евреев и помогали им продовольствием. Например, в бригаде «Народные мстители» Геннадий Иванович Сафонов, помощник командира одного из отрядов, организовал в лесу кожевенный завод и привлек к работе около 200 евреев из расположенных рядом семейных лагерей. Очевидцы рассказывают, что Сафонов создал этот завод в первую очередь для того, чтобы спасти евреев, предоставив им возможность находиться при крупном партизанском соединении.

Постепенно молодежь семейных лагерей стала вооружаться и создавать боевые группы. Таким образом в партизанском движении Беларуси возникло уникальное явление- еврейские семейные партизанские отряды. Наиболее известными из них являлись отряд им. Калинина Барановичской области под руководством братьев Бельских. В составе этого отряда на момент соединения с частями Красной Армии в июле 1944 г. насчитывалось 1233 человека, в том числе 296 вооруженных. В партизанском отряде № 106 под руководством Семена Зорина находились в основном узники Минского гетто. В его составе было 596 человек, 141 из которых входил в боевую группу. «Хозяйственные» группы еврейских семейных отрядов, состоящие из портных, сапожников, пекарей, медиков, часовщиков, ремонтников и других специалистов стали базой, обслуживающей многие партизанские отряды. Женщины, старики, дети- каждый из них старался внести свой вклад в Победу.

Евреи, попавшие в лес весной и летом 1942 г. организовывали и еврейские партизанские отряды, в составе которых сражались боев-

способные бойцы. Один из первых таких отрядов под руководством Бориса Гиндина, состоял, в основном, из евреев, бежавших из плена или попавших в окружение.

В 1943 г. еврейские партизанские отряды были расформированы и партизаны распределены по разным бригадам. Вновь прибывших в лес евреев-партизан направляли в отряд Зорина или Бельского. Одной из причин принятия руководством штаба партизанского движения такого решения стала борьба с антисемитизмом. Они считали, что если количество евреев в отряде будет невелико то, рассредоточившись среди партизан других национальностей, они не будут так заметны, и отношение к евреям изменится в лучшую сторону. В действительности, во многих отрядах ситуация стала ещё сложнее, т.к. немногим находившимся здесь евреям стало труднее давать достойный отпор антисемитски настроенным партизанам. Рассматривая положение евреев в партизанских отрядах, необходимо подчеркнуть отличие его от положения других партизан, неевреев. Специфичность проявляется, в первую очередь, в моральном состоянии еврейских партизан. Память о страшном уничтожении соплеменников, свидетелями которого они были сами и чудом сумели избежать его, о погибшей семье, о близких и друзьях никогда не покидала их. Жажда мести и одиночество- этим они жили. Кроме того, партизанам- евреям приходилось постоянно доказывать окружающим свое мужество и умение воевать, преодолевая недоверие к ним, как к воинам.

Проявления антисемитизма в общих партизанских отрядах были постоянными. Известны не единичные случаи убийств евреев-партизан непосредственно в отрядах. Лучшим подтверждением этому послужит фрагмент из докладной группы евреев-партизан об антисемитизме в одной из бригад.

«В штабе бригады им. Чапаева существует невыносимо тяжёлая атмосфера антисемитизма, которая за последнее время сильно обострилась. По отношению к евреям ведутся брезгливо насмешливые разговоры, утирается еврейский выговор, коверкаются имена, в оскорбительном смысле употребляется слово «жид» и всё это принимает массовый характер, так как командование бригады не только не пресекает этого, но даже одобряет.

Укажем несколько наиболее характерных фактов. Адъютант комиссара бригады Шилов постоянно заявляет, что все евреи трусы,

предатели, пришли в партизаны только из-за спасения своей жизни, «что если бы вас не преследовали немцы, вы все были бы шпионами и провокаторами», что евреи в беде бросают товарищей и что им вообще ни в чём нельзя доверять, как нации в целом.... Тот же Шиплов, без всякой причины подошёл к 10 летнему Игорю Садовскому и заявил ему: « Ты жидюга и жидовская морда».

Адъютант начальника штаба Бурлаков заявляет, что евреи всегда должны помнить том, как их угнетали немцы и в связи с этим должны знать, как вести себя в партизанах, т.е. помнить, что они неравноправны, стоят ниже других наций и на всём, что бы о них не говорили должны молчать и сгибать голову.

Эти разговоры и рассуждения свойственны, за редким исключением, почти всем адъютантам, а так же партизанам штаба бригады.

Если адъютант комбрига Яковлев не принимает участия в этих разговорах, то ему заявляют, что « он продался евреям».¹⁷⁹

Однако, несмотря на все ужасы гетто, гибель родных и близких, евреи- партизаны достойно сражались в рядах народных мстителей, о чем свидетельствуют документы. Известно, что многие из них были награждены высокими правительственные наградами.

Таким образом, очевидно, что при изучении вопросов, имеющих отношение к участию евреев в партизанском движении на оккупированных территориях бывшего СССР, необходимо учитывать ряд специфических особенностей, характерных именно для этой группы партизан.

¹⁷⁹ НАРБ. Ф.1329. Оп.1. Д. 109. Л. 226 – 226об.

Л. Терушкин

Энциклопедия Холокоста на территории СССР. Итоги и анализ изучения темы на постсоветском пространстве

Изучение истории Холокоста – одно из приоритетных направлений современной историографии. За рубежом и на постсоветском пространстве изданы сотни монографий и сборников документов. Детально описан процесс планирования и реализации плана «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Особое место уделено деятельности лагерей смерти на территории Польши. Значительный комплекс литературы посвящён теме Сопротивления евреев. В последние годы интенсивно разрабатываются вопросы, находящиеся на стыке истории, психологии, этики и социологии: мотивы и последствия действий палачей, наблюдателей, спасателей евреев. Все больший интерес проявляется к теме ответственности общества, церкви, правительства, оказавшихся равнодушными, не оказавших помощи жертвам. Сравнительно новым, но уже заметным явлением стала т.н. ревизионистская литература, отрицающая Холокост или оспаривающая его масштабы.

В "доперестроечный" период западные историки ограничивали свои исследования Европой за исключением оккупированных территорий бывшего СССР по известным причинам. Но за последние 15 лет в мире нет ни одной специальной работы зарубежных историков, которые бы освещали Холокост именно на территории России в ее современных границах. В зарубежной историографии Холокост на территории СССР, а тем более России еще во многом "неизвестная Катастрофа" и освещен весьма поверхностно, фрагментарно. Это можно повторить и в отношении нацистского оккупационного режима в целом.

Итоги осмысления темы Холокоста и его уроков подведены в нескольких энциклопедиях. В 1990 израильский Институт памяти жертв Холокоста и героев Сопротивления «Яд Вашем» издал 4-томную историю Холокоста, переведённую на многие языки мира. В ней преобладали тематические статьи; ход Холокоста отражён на примере наиболее крупных гетто и лагерей смерти в Европе. В 2000

г. « Яд Вашем» подготовил на английском языке однотомную энциклопедию Холокоста под редакцией Роберта Розетта и Шмуэля Спектора, в которой также преобладали тематические статьи. В 2003 г. этот Институт издал 3-томную «Энциклопедию Холокоста и еврейских общин», в которой помещены статьи о наиболее крупных населенных пунктах на территории СССР в границах на 22 июня 1941. Однако информация в них была представлена весьма фрагментарно и не учитывала исследования, появившиеся на постсоветском пространстве на основе вновь открытых архивных источников. Среди энциклопедической литературы надо отметить «Энциклопедию Холокоста», подготовленную ведущими учёными мира под редакцией Уолтера Лакера и изданную в США. Перевод и издание на русском языке этой Энциклопедии издательством РОССПЭН в 2005г. стало важным событием для российских исследователей Второй мировой войны и Холокоста. Между тем, как справедливо отмечалось в предисловии, история Холокоста на территории СССР, а тем более России не получила в ней должного отражения.

Этот пробел и призвано закрыть настоящее издание, подготовка которого началась в 2004 г. Это стало возможным благодаря интенсивному росту исследований и документальных публикаций о Холокосте на территории СССР в границах на 22 июня 1941 г. Изданы обобщающие исследования И.А.Альтмана (Россия) – «Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941-1945». (М., 2002) и Ицхака Арада (Израиль) – «Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945)». (М.; Днепропетровск, 2007). Серию монографий о деятельности айнзатцгрупп и Холокосте в отдельных регионах СССР опубликовали в 2000-2005 гг. немецкие историки Дитер Поль, Кристиан Герлах, Андрей Ангрик, Кристофф

Дитцманн, а также Шмуэль Спектор (Израиль). Раду Ионид (США) и Жан Анчель (Израиль) издали книги о румынском оккупационном режиме на территории СССР. Монографии о Холокосте и нацистском оккупационном режиме появились и в постсоветских государствах: Белоруссии, Латвии, Украине, Литве, Молдавии. О Холокосте в отдельных регионах бывшего СССР написаны книги (по Крыму -Михаила Тяглого; Западной

Украине – Якова Хонигсмана). Защищены кандидатские диссертации: по истории Холокоста в Украине (Анатолий Подольский), Западной Белоруссии (Евгений Розенблат), Буковине (Олег Суров-

цев), Винницкой области (Фаина Винокурова), на Северном Кавказе (Елена Войтенко).

Нацистский оккупационный режим на территории СССР привёл к физическому уничтожению около 7 млн. мирных советских граждан разных национальностей. До сих пор многие аспекты этой трагедии изучены фрагментарно, Холокост — один из них. Число жертв, которое установлено документально, около 3 миллионов человек — это ведь почти половина всех жертв Холокоста в годы Второй мировой войны. Это только советские граждане.

Проблематика исследования была определена первым президентом Научно-просветительного центра «Холокост» российским историком и философом М. Я. Гефтером как единство: «уничтожение - сопротивление - спасение».

Фундаментальный анализ всех этапов Холокоста на оккупированной советской территории; анализ форм сопротивления узников гетто и реакции общества на политику «окончательного решения» могли быть предприняты только коллективно ввиду огромного количества опубликованных работ и архивных документов по теме.

С созданием НПЦ "Холокост" и аналогичных центров и музеев в странах СНГ и Балтии сегодня стал возможен новый подход к исследованиям – комплексный, коллективный.

Результатом многолетних трудов стала подготовка настоящего энциклопедического издания по проблеме, которая ещё недостаточно разработана в отечественной и зарубежной историографии. Впервые фронтально изучены периодическая печать (1933-45) и архивные комплексы по теме (более 70 центральных и местных, государственных и ведомственных архивов и музеев в России, постсоветских государствах, в Израиле, Германии, Польше, США, Франции), а также отечественная и зарубежная историография. Были привлечены новые архивные документы (бывшие архивы НКВД и КГБ, Центральный архив Министерства обороны РФ, местные архивы, личные коллекции). Многие цифры и факты впервые вводятся в научный оборот. Итоги исследования позволили существенно уточнить и дополнить историографию о нацистском оккупационном режиме и его жертвах на советской территории. Проведен анализ историографии и источников и подготовлены статьи о всех (за исключением населённых пунктов Белостокской обл., переданных Польше в 1944) населённых пунктах на оккупированной территории СССР в границах на 22 июня 1941г.

Установлено, что особое место в нацистской политике тотально-го истребления отводилось евреям СССР. На территории России в её современных границах число уничтоженных евреев было больше, чем во Франции, Нидерландах, Греции и большинстве других европейских стран (за исключением Польши, Венгрии и ряда республик бывшего СССР).

Только в Северо-Западных районах РСФСР (Ленинградская, Новгородская, Псковская области и г. Псков) количество погибших евреев по различным оценкам составило 16-17000. Среди них были и местные жители и беженцы из республик Прибалтики и депортированные из Европы евреи. Во многих населенных пунктах евреи составляли подавляющее большинство среди жертв периода оккупации.

Новейшие данные о потерях еврейского населения на оккупированной территории СССР представлены как результат использования современных статистических методов. Полученные результаты в целом совпадают с результатами анализа исторической документации (как советской, так и немецкой), что ещё раз доказывает несомнительность утверждений отрицателей Холокоста.

Впервые комплексно отражены вопросы преследования, идентификации, ограбления, использования на тяжёлых физических работах евреев, их повседневная жизнь в гетто; история Сопротивления и спасения; участие Венгрии и Финляндии в Холокoste на оккупированной территории СССР. В состав Энциклопедии включены новаторские статьи по основным вопросам изучения и преподавания истории Холокоста, об источниках и историографии темы; блок статей по еврейскому Сопротивлению и участию евреев в войне; проблемам антисемитизма, нацистской пропаганды и колаборационизма на оккупированной советской территории, реакции общества и власти на Холокост. Наша книга очень подробно, помимо темы Холокоста, говорит о еврейском сопротивлении и на территории Советского Союза и за его пределами — о том, как евреи участвовали в борьбе с нацизмом. Существенный вклад в понимание особенностей Холокоста на территории СССР вносит блок статей, посвящённых территориям, оказавшимся под контролем румынских оккупантов (Молдавия, Буковина, Транснистрия).

Значительный интерес представляют статьи об отражении темы Холокоста в фотографиях, советском и постсоветском художественном и документальном кино, литературе, музыке, театре, филателии.

Установлено, что даже в период тотального замалчивания темы Холокоста к ней нередко обращались известные режиссёры и писатели. Проблеме борьбы за память о Холокосте посвящены основанные на малоизвестных фактах статьи об установлении памятников и памятных знаков в конце 1940-х- 50-е гг., а также о мемориализации Холокоста на постсоветском пространстве. В частности параллельно с работой над Энциклопедией продолжалась работа по установлению памятников, по восстановлению мест захоронения жертв Холокоста. Например, в Брянске был установлен памятник жертвам Холокоста в сентябре 2009 г.- накануне издания Энциклопедии.

Материалы самиздата 1960-80-х гг. позволяют увидеть тенденции борьбы в советском обществе за национальную память о Холокосте.

Блок биографических статей рассказывает не только об основных архитекторах и главных исполнителях Холокоста на территории СССР, но прежде всего об участниках Сопротивления, героях войны (очень часто незаслуженно забытых), руководителях крупнейших юденратов; поэтах и писателях, отразивших тему Холокоста в своих произведениях; советских и зарубежных государственных деятелях.

Подвиг Праведников народов Мира освещён как в специальном очерке и ряде биографических статей, так и в оригинальном исследовании по малоизвестному сюжету о спасении евреев на оккупированной территории СССР немецкими предпринимателями и военнослужащими.

Кстати, единственный в России памятник Праведнице народов Мира Пелагее Григорьевой был установлен в 2005 г. в д. Коконогово Псковской области при участии НПЦ «Холокост».

Основной упор был сделан на подготовку тематических статей, которые освещают фундаментальные вопросы истории Холокоста на территории СССР. К ним относятся статьи о гетто и рабочих лагерях на территории СССР. На основании фронтальной проверки источников в российских и зарубежных архивах установлено, что число мест временного содержания евреев на оккупированной территории СССР составило около 1000. Такого числа гетто не было ни в одном из оккупированных нацистами европейских государств. Впервые установлено число гетто на территории России – многие из них не отражены в специальных справочниках, а также в зарубежных монографиях и энциклопедиях. Отсутствовали в российской и

зарубежной историографии специальные работы по другим очень важным сюжетам.

Исследование проблемы «Холокост и церкви на территории СССР» позволило установить различные тенденции в отношении преследования и уничтожения евреев представителей и иерархов различных конфессий. Тематически примыкают к этому циклу статьи о коллаборационистах на территории России, Украины и Прибалтики. Детально прослежена роль в Холокосте и отношение к нему ОУН-УПА, националистических организаций Прибалтики. Отражено отношение к уничтожению советских евреев правительства СССР, его спецслужб и пропагандистского аппарата, руководства Центрального штаба партизанского движения. На стыке истории государственных учреждений и источниковедения написана статья о деятельности по установлению и расследованию злодейств нацистов и их пособников. Новаторский характер носят статьи о еврейской религиозной жизни и песнях в гетто как формах Сопротивления. Представлены малоизвестные в отечественной историографии сюжеты о роли в Холокосте вермахта, войск СС, полевой жандармерии и других органов нацистского оккупационного режима.

Проведённая фундаментальная разработка крупнейших российских и зарубежных архивов, музеев и библиотек позволила исследовать и выявить неопровергимые факты нацистского геноцида еврейского населения на оккупированной территории СССР.

Для реализации проекта был создан коллектив, в который вошли около 100 авторов, представляющих ведущие университеты и научные центры России (Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Ростов-на-Дону, Петрозаводск, Смоленск, Ставрополь), в т.ч. академические институты, учреждения государственной архивной службы, специализированные общественные организации. В подготовке книги принимали участие ведущие историки Холокоста из 12 государств: России, Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, США, Дании, Израиля, Испании, Германии, Венгрии. к написанию ряда географических статей были привлечены авторы, которые сами чудом уцелели в гетто, потеряли всех родных и близких (М. С. Гейзер, В. Г. Гехт, С. Д. Додик).

В подготовке этой книге принимали участие представители многих дружественных нам организаций, присутствующие здесь, на этой конференции- И. П. Герасимова (директор Музея истории и культу-

ры евреев Беларуси), Б. Н. Ковалев (Новгородский государственный университет). Директор Фонда "Историческая память" А. Р. Дюков написал важных статьи, которые касаются роли УПА, украинских националистов в уничтожении евреев на территории Украины.

Статьи Энциклопедии (географические, тематические, биографические) расположены в алфавитном порядке. Географические статьи включают информацию о местах расстрелов либо проживания евреев, где число жертв Холокоста было не менее 100 чел. Исключения сделаны для населённых пунктов, где находились гетто, трудовые или транзитные лагеря для евреев.

Статьи включают информацию по следующим основным параметрам: наименование населённого пункта согласно административно-территориальному делению на 22 июня 1941 г.с указанием современных названий; число евреев, по данным последней довоенной переписи; дата, место (места) расстрела (с указанием иного способа казни) ; участие немецких карательных подразделений и местной полиции; число жертв, дата и место установки памятника жертвам Холокоста. Указана территориальная принадлежность населенных пунктов, входивших в состав Польши и Румынии и присоединённых к СССР в 1939-40. Во многих статьях приводятся сведения о повседневной жизни в гетто, еврейском Сопротивлении, фактах спасения и помощи евреям. При подготовке текста были употреблены общепринятые сокращения; также прилагаются списки сокращений, использованных в данной энциклопедии, а также организаций и личных архивов, предоставивших иллюстрации.

В энциклопедию включены около 350 иллюстраций. Это материалы из государственных архивов, музеев и личных коллекций. Подавляющее большинство из них публикуются впервые, в первую очередь фотодокументы военных корреспондентов Д.А. Минскера и М.А. Трахмана.

Подготовка энциклопедии «Холокост на территории СССР» проводилась авторским коллективом на базе межрегионального Научно-просветительного центра «Холокост» (Москва) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Института толерантности, Российского еврейского конгресса, Федерации еврейских общин России. Проведение столь масштабного исследования не могло осуществляться без всесторонней поддержки наших коллег-историков, педагогов, архивных и музейных работников.

В редакционную коллегию Энциклопедии сразу же согласились войти известные учёные и общественные деятели из Австрии, Великобритании, Германии, Израиля, Польши, России, США, Швеции. Самые известные узники нацистских лагерей смерти и общественные деятели – лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель и знаменитый охотник за нацистами Симон Визенталь (1908-2005) стали почетными сопредседателями редакционной коллегии. Огромную роль в уточнении стратегии проекта, написании и подготовке текстов к печати сыграли члены Рабочей группы, многие из которых стали авторами основных блоков статей.

Подготовка большинства статей Энциклопедии и подбор иллюстраций к ней не были бы возможны без дружеской поддержки сотрудников ведущих архивов России (ГА РФ, РГАЭ, РГВА, РГАКФД), библиотек и архивов Мемориального музея Холокоста в США (Вашингтон), «Яд Вашем» (Иерусалим), Мемориала Шоа (Париж), Музея истории и культуры евреев Белоруссии (Минск), Музея конференции в Ванзее (Берлин).

Мы надеемся, что Энциклопедия будет способствовать дальнейшему исследованию таких проблем, как «цена Победы», нацистская идеология, коллаборационизм, сопротивление оккупантам, особенности нацистской политики и пропаганды по отношению к различным группам населения на оккупированной советской территории, судьбы иностранных граждан, уничтоженных нацистами на территории СССР.

Включение темы Холокоста в проблематику отечественной исторической науки -свидетельство изменяющейся России. Данные энциклопедии имеют не только научное, но и общественное значение. Они могут быть применены для преподавания темы в российских школах и университетах.

Мы должны реально участвовать в сохранении документального наследия. И в первую очередь помнить, что на территории бывшего Советского Союза еще тысячи могил, над которыми нет памятников. Например, в августе 2009 г. были обнаружены останки евреев в «Русском лесу» под Ставрополем.

Еще остаются неизвестными имена сотен тысяч жертв нацистского режима. Часто повторяем, что война не закончена, пока не похоронен последний погибший солдат, пока не восстановлено его имя. Но ведь жертвы оккупационного режима тоже имеют такое право.

М. Иоффе

Фальсификация исторических событий в деле ветерана В.М. Кононова

Новая историческая оценка событий Второй мировой войны впервые появилась в Латвии 4 мая 1990 года. Она закреплена в Латвийской декларации «О восстановлении независимости».

Оценка действий СССР по освобождению Прибалтики декларируется как преступление против Латвии и её последующей оккупацией.

Именно в угоду этого декларативного лозунга были просвещены работы латвийских историков Фелдманиса, Стродса, Странга. С подачи политиков эти историки стали усердно выискивать «новые» факты для исправления ошибок Нюренбергского трибунала и признания деятельности Красной Армии во Второй мировой войне преступной в отношении все Балтийских государств.

Эти доводы не новы, и основываются уже на имевших ранее тенденциях исторических оценок местных националистов во время войны.

Растущая в демократическом обществе личность должна знать правду в целом ибо только так молодежь можно научить думать, сравнивать, рассуждать, что является одним из основных условий образования.

Вроде бы высказываются давно известные педагогические истины, но в настоящих условиях в Балтии – не лишне напомнить о них историкам-карьеристам, тем, кто получил от власти монопольные права на трактовку исторического прошлого.

Объективное и отличающееся от официального мнение латвийских историков по событиям ВМВ имеет право на опубликование и обсуждение, несмотря на давление властей.

В связи с темой нашей конференции события в Латвии можно описать следующим образом.

Первые действия нацистских оккупантов и их установки летом 1941 года свидетельствовали о том, что надежды местных националистических кругов оказались тщетными. А надежды были: Гитлер, мол, позволит восстановить прежнее Латвийское государство или предоставит какую-то автономию...

Большая часть чиновников, предпринимателей и военных смирилась и пошла на сотрудничество с оккупационной властью. Большая часть населения под влиянием мифа о всемогуществе «Великой Германии» выжидала, охваченная страхом и растерянностью. Экстремистки настроенные жители участвовали в истреблении евреев и советских активистов, как бы таким образом мстя за сталинские репрессии. Организовалась верная (и весьма преданная) нацистским захватчикам латышская полиция порядка и безопасности, а также полицейские батальоны, которые беспощадно наказывали и терроризировали непокорных как на родине, так и в других оккупированных советских областях.

Необходимо зафиксировать еще один факт из жизненной истории, упоминание о котором избегают националистически настроенные историки и журналисты. Основой печально известного добро-вольческого латышского легиона SS стали латышские полицейские батальоны, зачисленные в полки; они же создали боевое ядро этого формирования. Также основой легиона стали оба SD-батальона (Арайса и Озолса), в который вошли мобилизованные полицейские и шуцманы. Этот широкий контингент сегодня, скрывая свои прошлые кровавые деяния, выдает себя только за обычных воинов-легионеров, которые безвинны в военных преступлениях; они прославляются как патриоты и поддерживаются материально.

Несмотря на беспощадный террор нацистов и демагогию, которой поддакивали латышские братья по профессии – особенно «перконкрустиеши», в кругах патриотически настроенных жителей зрела идея о сопротивлении, которая практически проявлялась в разных формах и отличалась идеиной направленностью. Появилось движение сопротивления нацистским оккупантам. Как охарактеризовать и оценить этот реальный феномен военной истории, правду жизни того времени?

Комиссия историков Латвии, которая действует под крылом президента государства, не скрывает, что селективно отбирает из военной истории выгодные ей факты и отрицает «неудобные». Так, член этой комиссии Инесис Фелдманис, который в советские времена был занят прививанием студентам исторической правды того времени, в одном интервью (LA, 07.11.2006.) декларировал, что переписывается история, «в которой мы попробуем по-новому оценить движение сопротивления в Латвии.[...] Движение красных парти-

зан, коммунистическое подполье остается за кадром». Оценивая эти события, шеф германского гестапо Генрих Миллер был объективнее членов комиссии латвийских историков, которые захватили монопольное право трактовать события прошлого и не дают слова инакомыслящим.

В обзорах гестаповцев Г.Миллера, В. Шталлекера, Р. Ланге говорится, что с осени 1941 года на территории оккупированной Латвии существовали коммунистическое или марксистское, латышское, польское национальные движения сопротивления. Особенно гестаповцы выделяли коммунистическое движение сопротивления в Лиепае, Риге, Даугавпилсе и в волостях Латгалии – и боролись с ними. На самом деле, назвать эти организации коммунистическими можно лишь очень условно (номинально), так как в них почти не было членов компартии. Спонтанно возникшими группами руководили оставшиеся в живых советские активисты и другие левонастроенные патриоты. В советской историографии эта деятельность называлась антифашистским движением сопротивления.

То, что постепенное уничтожение неизбежно, следовало из разработанного ведомством Гиммлера Генерального «Ост плана».

В ходе следствия по уголовному делу в отношении злодеяний немецко-фашистских захватчиков генерал Еккельн признался в осуществлении политики геноцида и уничтожения местного населения и пленных красноармейцев в период оккупации. Выдержка из допроса приводится.

После Сталинградского поражения А.Гитлер объявил в Рейхе *тотальную мобилизацию*, в ходе которой разграблялись и опустошались и оккупированные территории. В марте 1943 года начатая принудительная мобилизация латвийских мужчин и молодежи в немецкую армию вызвала сильное недовольство у населения. Многие мобилизуемые не являлись в пункты призыва, дезертировали из новообразованных частей латышского легиона SS, несмотря на драконовские меры наказания виновных и их семей.

Карательные операции производились в окрестностях озера Лучно (р-н Славковичей, июнь 1942 года) и битвы под кодовыми названиями „Schneestrum” (декабрь 1942 года), „Schneehase” (февраль 1943 года) и „Winterzauber” (февраль-март 1943 года). Последней экспедицией нацистов командовал сам обергруппенфюрер Фридрих Еккельн, у которого в подчинении были подразделения SS и поли-

ция «Остланда». Эта экспедиция комплектовалась, главным образом, из латышской полицейских батальонов и латышских айнзац-команд отрядов SD (пальчей Арайса), которые ответственны за так называемую Освейскую трагедию. В отдельном очерке сборника зафиксированы сатанинские злодеяния эсесовцев. Все населенные места живописного и щедрого Освейского края были разграблены и сожжены, превращены в «мертвую зону». Было убито и заживо сожжено 3904 мирных жителя, 7275 «работоспособных» человек, в том числе и дети – вывезены в концентрационные лагеря и т.д. Эти данные в официальном отчете предоставил генерал вермахта Вальтер Бремер, и немецкому педанту невозможно не верить.

Латышские полицейские вернулись с награбленным, гордились содеянным и получили награды. Командиры полицейских батальонов SS оберштурмбанфюреры Валдемар Вейсс и Карлис Лобе были назначены командирами полков 19-й Латышской бригады SS на Волховском фронте.

Пользуясь возможностью хочу осветить как в уголовном деле партизана Кононова В.М. латвийские власти сфальсифицировали исторические события для осуждения ветерана.

Кононов Василий Макарович родился в Латвии в 1923 г. в крестьянской семье. До 2000 г. имел гражданство Латвии, а с 2000 г. стал гражданином России. Он является ветераном Второй мировой войны, в которой воевал на стороне Антигитлеровской коалиции. В связи с ранениями, полученными на войне имеет инвалидность 1-й группы.

Исторические события с заявителем развивались следующим образом:

29 февраля 1944 года при активном участии 9 жителей деревни Малые Баты, Лудзенского района Латвии, находившегося во временной оккупации гитлеровской Германии, была уничтожена разведывательно-диверсионная партизанская группа майора Красной Армии Чугунова, остановившаяся на отдых в овине Мекула Крупниека. При этом, старший подразделения айсаргов Бернард Шкирмантас организовал вооруженную охрану места отдыха партизан, направил ночью Мекула Крупника в немецкий гарнизон Гольшево, а Текла Крупниека, Вероника Крупниека и Хелена Шкирманта специально сообщили партизанам об отсутствии в округе немецкого воинского гарнизона, и уговорили партизан остаться, т.к. после перехода по заснеженным лесам нужно было сушить одежду.

Утром 29 февраля 1944 года партизаны были окружены немецкими войсками в овине Крупниека. Троє женщин сообщили немцам, где находятся огневые позиции партизан, кто спит и кто находится на охране помещения. Братья Шкирмантасы, Крупники и Бульс показали выгодные на местности укрытия для операции по уничтожению партизан. После ожесточенного вооруженного сопротивления группа майора Чугунова из 13 человек была уничтожена, в том числе две женщины и грудной ребенок. После боя женщины сняли одежду с убитых и грудного ребенка, а все 9 пособников были поощрены немецким командованием деньгами, сахаром, спиртным, семья Крупниека Микула еще и лесом, т.к. его овин в результате боя сгорел.

Проведенным дознанием в партизанском отряде была установлена вина и причастность к уничтожению этой группы вышеназванных пособников, проживавших в селе Малые Баты и по приговору трибунала партизанского отряда предатели были приговорены к расстрелу.

27 мая 1944 года приговор трибунала партизанского отряда исполнила группа с участием Кононова.

В 1998 г. Кононову было предъявлено обвинение в совершении 27 мая 1944 г военного преступления в деревне Малые Баты, предусмотренного ст.68-3 Уголовного кодекса Латвии.

Дело неоднократно рассматривалось латвийскими судами. Первоначальным приговором от 21 января 2000 г. Кононов осужден к 6 годам лишения свободы по ст.68-3 Уголовного кодекса Латвии.

Последним приговором от 30 апреля 2004 г. Кононов осужден по ст.68-3 УК Латвии к 1 году 8 месяцам лишения свободы. 28 сентября Определением Сената Верховного Суда Латвийской республики приговор оставлен в силе.

Фактически заявитель находился под стражей с 14 августа 1998 г. по 25 апреля 2000 г. – 1 год 8 месяцев и 6 дней.

Дело Кононова является беспрецедентным не только в практике ЕСПЧ, но и в истории национальных судов послевоенного мира.

Спустя более 50 лет после окончания Второй мировой войны впервые к уголовной ответственности за военное преступление привлекается солдат, сражавшийся в рядах Антигитлеровской коалиции.

Впервые государство отстаивает статус мирных жителей для вооруженных нацистских пособников, участвовавших в уничтожении 11 героев Сопротивления и грудного ребенка.

Впервые государство ставит вопрос о необходимости исправления недостатков Нюрнбергского процесса, «который в большой степени был правосудием победителей, позволяющим преступникам со стороны союзников оставаться ненаказанными» (§ 100 Меморандума Правительства Латвии от 17 июня 2006 г.).

Латвийская сторона настаивает на правомерности осуждения Кононова, ссылаясь на то, что его следует рассматривать в свете более широких исторических и политических событий, которые имели место перед Второй мировой войной и после нее (п.25 Меморандума Правительства Латвии от 16 апреля 2009 г.) Имеется ввиду Договор о ненападении между Германией и СССР (Пакт Молотова – Риббентроппа), «вторжение Советской Армии в Латвию и две другие страны Балтии», «свержение законного правительства и навязывание силой советской власти» (§§. 26 и 27 Меморандума Правительства Латвии от 16 апреля 2009 г.). Правительство требует квалифицировать действия Кононова как военное преступление на том основании, что имела место агрессия в отношении Латвии, которая была оккупирована Советским Союзом, что «в соответствии с общим международным правом обязательство прекратить в международном порядке противоправное деяние, такое как оккупация одного государства другим, предполагает восстановление статус-кво и компенсации за причиненный ущерб» (§§ 28 и 31 Меморандума Правительства Латвии от 16 апреля 2009 г.).

Таким образом, настоящей целью процесса над Кононовым является намерение латвийской стороны осудить действия Советского Союза в период Второй мировой войны и обосновать требования «компенсации за причиненный ущерб», а не декларируемое стремление выполнить свое международное обязательство по осуждению военных преступников.

Статья 68-3 УК Латвии, по которой осужден Кононов, повторяет ст.6 (в) Устава МВТ и предусматривает ответственность за военные преступления. Согласно толкованию диспозиции этой статьи, данному ВСЕМИ ЛАТВИЙСКИМИ СУДАМИ, субъектом военного преступления является комбатант государства, оккупировавшего территорию другого государства. Поэтому предмет доказывания при каждом судебном разбирательстве заключался в том, являлся ли заявитель оккупантом.

Латгальский окружной суд в приговоре от 03.10.2003 г. указал, что субъектом военного преступления может быть только представитель оккупационной власти. И далее: «...до осени 1944 г. регион находился в оккупационной власти Германии, а Кононов боролся против... этой оккупационной власти... Поэтому Кононов не может быть специальным субъектом... преступления, предусмотренного ст.68-3 Латвийского УК».

Департамент по уголовным делам Верховного Суда в приговоре от 30.04.2004 г. признал, что Кононов в мае 1944 г. представлял в Латвии оккупационную власть СССР и поэтому являлся субъектом военного преступления.

Вывод Департамента о том, что Кононов был оккупантом, противоречит историческим фактам и здравому смыслу, поэтому согласиться с ним невозможно. Но для квалификации действий Кононова здесь важно другое: толкование норм международного права латвийскими судами сводится к тому, что субъектом состава военного преступления мог быть только оккупант. Поскольку Кононов оккупантом не был, нормы международного права и ст.68-3 УК Латвии, посвященные военным преступлениям, к нему неприменимы.

Хочется напомнить, что в войне принимали участие не только регулярные войска Антигитлеровской коалиции, но и участники Сопротивления СССР, Франции, Бельгии, Польши, других стран Европы без которых, возможно, не было бы Победы. Без таких участников Сопротивления как Кононов не было бы, возможно, современной европейской цивилизации, Совета Европы, ЕСПЧ и других столпов европейской демократии.

Правительство Латвии в своем меморандуме от 16 апреля 2009 г. после традиционного, обращенного к Европейскому Суду призыва не становиться четвертой инстанцией, изложила факты в искаженном виде, отличном от того, что установили латвийские суды.

Так, вопреки Приговору от 30.04.04 г. Высокая договаривающаяся сторона умолчала об участии Мейкула Крупника в предательстве группы Чугунова. Обходится молчанием, что вместе с бойцами группы Чугунова был убит грудной младенец.

Не говорится о том, откуда у жителей Малых Бат взялось оружие «для самообороны».

Также в меморандуме появились вымыщленные подробности казни жителей Малых Бат. Якобы А. Булс был ранен выстрелом у

себя во дворе, после чего партизаны перенесли его в дом Мейкулы Крупника и сожгли живым. Также живыми якобы были сожжены Мейкул Крупник, Вероника Крупник и Гелена Шкирмант (§ 13 Меморандума Правительства от 16 апреля 2009 г.).

Между тем согласно приговору А. Булс, Мейкул Крупник, Вероника Крупник были расстреляны и только после этого их трупы были сожжены. Бернард Шкирмант с женой Геленой были убиты (расстреляны), а затем сожжены. Модест Крупник был ранен и умер от кровопотери. Владислав Шкирмант и Юлиан Шкирмант были расстреляны.

Таким образом Правительство излагает обстоятельства дела не так, как они указаны в окончательных приговорах. Хотя на правовую квалификацию действий Кононова такое искажение не влияет, полагаем, что появились они в меморандуме не случайно. Их назначение – представить партизан как можно более жестокими, и тем самым усилить негативный фон вокруг имени Кононова.

В § 14 Меморандума Правительство приписало партизанам, что перед уходом они якобы разграбили деревню, взяв с собой оружие и одежду. Между тем согласно приговору «ограбление» заключалось исключительно в изъятии оружия, выданного жителям нацистами. Одежду или еду партизаны не отбирали. Данное искажение влияет на правовую квалификацию, поскольку отобрание одежды или продовольствия у населения действительно может квалифицироваться как грабеж. А изъятие оружия, выданного врагом, всегда считалось законным военным трофеем.

Желая подкрепить приговор, Правительство дополнило свой меморандум тремя письмами Генеральной прокуратуры Латвийской республики от 25 февраля 2008 г., в которых со ссылкой на доказательства, неизвестные защите и не прошедшие судебной проверки, подтверждается правильность состоявшихся в отношении Кононова судебных решений.

Так, в письме №3/6-4/120-08 от 25 февраля 2008 г. со ссылкой на архивные данные и показания свидетелей (детей погибших жителей деревни) утверждается, что в Малых Батах не существовало немецкого гарнизона или какого-либо пункта поддержки.

Во втором письме за тем же номером и датой приводится анализ доказательств — показаний свидетелей, бывших латышских партизан, относительно партизанских трибуналов. Оказалось, Проку-

ратура располагала показаниями двух командиров партизанских отрядов, подтвердивших не только факт существования трибуналов, но и факт состоявшегося приговора в отношении жителей Малых Бат. Данные показания прокуратура отвергла и не включила в уголовное дело Кононова, поскольку они не подтверждаются показаниями других партизан. Кроме того, Прокуратура пришла к выводу, что приговора партизанского трибунала не было, а если бы он и был, являлся бы незаконным, поскольку подсудимым не были обеспечены правовые гарантии, предусмотренные ст.3 Женевской конвенции от 12.08.49 г. «О защите гражданского населения во время войны».

В третьем письме за тем же номером и датой на основе многочисленных показаний утверждается, что оружие было выдано жителям Малых Бат для самообороны от партизан после того, как в овине Мейкула Крупника немцами были расстреляны партизаны Чугунова. При этом умалчивается факт, установленный судом: вооружила жителей против партизан нацистская военная администрация.

В связи с появлением данных писем необходимо отметить следующее:

Письма по содержанию тенденциозны, носят откровенно обвинительный уклон. Их автор — прокурор — очевидно, не признает принципа презумпции невиновности, поскольку полагает, что все сомнения необходимо решать против обвиняемого, обвиняемый должен доказывать свою невиновность и т.д.

Также из процитированных показаний следует, что показания некоторых свидетелей, свидетельствовавших в защиту Кононова, не были представлены защите и суду. Это относится, в частности, к показаниям комиссара Лудзенского партизанского отряда Черковского, подтвердившего наличие приговора трибунала в отношении жителей Малых Бат.

Процесс над Кононовым проходил спустя более 50 лет после происшедшего в Малых Батах. События, которые там исследовались, имеют историческое значение. Сведения о них находятся в основном в государственных архивах, куда не может прийти каждый желающий. В то же время для Генеральной Прокуратуры Латвийской Республики двери любого архива открыты. Прокуратура обязана была объективно и всесторонне провести расследование, найти в архиве все относящиеся к делу заявителя документы, в том числе

и те, которые подтверждают его показания. Это касается и статуса Малых Бат в немецкой обороне, и вооружения жителей деревни, и деятельности партизанского трибунала в отряде Бурцева.

Из писем Прокуратуры следует, что данных, подтверждающих показания Кононова, в архивах нет.

Однако защите Кононова уже в этом году удалось найти в архивах документы, имеющие непосредственное отношение к делу.

К ним относятся:

- немецкая схема обороны, где дер. Малые Баты, обозначена как опорный пункт;

- документы, подтверждающие, что Бернард Шкирмант и члены его семьи, а также члены семей Булсов, Крупников, были в составе отрядов «Aizsargues» Мердзенского района;

- документы, подтверждающие, что на оккупированных немцами территориях гражданскому населению под страхом немедленной смерти было запрещено иметь оружие, оно выдавалось только членам организованных немцами отрядов из числа местных жителей;

Члены этих отрядов («Aizsargues») вопреки утверждениям латвийской стороны (§118 Меморандума Правительства Латвии от 16 апреля 2009 г.) были не просто лицами, «симпатизировавшими нацистским оккупационным силам», они систематически уничтожали мирное население Латвии еврейской национальности, охотились за партизанами и с помощью оружия поддерживали установленный немецким командованием «порядок».

А. Белый

Преступления нацистов против католического сообщества Белоруссии: история и память

Белорусское общество, вопреки картине, которую обычно рисует государственная пропаганда, неоднородно и по происхождению, и по своим цивилизационным, религиозным, языковым симпатиям. Однако по сравнению с другими странами Центральной и Восточной Европы, процесс институализации различных общественных групп, формулирования их долговременных интересов и ценностей и, соответственно, устойчивых оценок исторического прошлого наиболее замедлен. Одним из факторов, отличающих Беларусь от соседей, является давнее наличие в стране всех 3-х основных течений христианства – православия, католицизма и протестантизма, причём не просто в виде чисто конфессиоанльных общин, но также и своего рода «субэтносов», с различным происхождением и исторической памятью. Роль Беларуси в событиях 2-й Мировой войны – партизанское движение гигантского размаха, основной театр военных действий, колоссальные жертвы среди гражданского населения – хорошо известны и историкам и общественности. Традиционный образ Беларуси никак не предполагает симпатий её населения к попыткам ревизии оценки причин, хода и итогов войны. Но традиционный образ, сформировавшийся в советскую эпоху, при ближайшем рассмотрении оказывается гораздо сложнее. В связи с этим интересно исследовать, каким образом память о трагических событиях 2-й мировой войны сохраняется в католическом сообществе Беларуси, к которому принадлежит, по разным оценкам, от 8% до 12% населения страны (иногда называется даже цифра 15%).

Коллективная память этого сообщества, в каком-то смысле, наименее типична для региона Центральной и Восточной Европы. С одной стороны, оно исторически связано происхождением с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой, и во времена Российской империи несколько раз предпринимало попытки вооружённым путём добиться отделения от империи (1794, 1812, 1831, 1863-64 гг.). С другой стороны, среди предков белорусских католиков примерно поровну как славянизированных литовцев, так и восточных славян, восходящих происхождением к Киевской Руси.

В современном белорусском католицизме доминирует кириллица, и в целом – противоречия между представителями польской и белорусской «опций» постепенно сглаживаются и не носят антагонистического характера. В оценках Второй Мировой войны, насколько можно судить из фрагментарно представленной в СМИ позиции, клер и католический актив отнюдь не тождественны националистическим силам, например, Прибалтике, Украина и многих центральноевропейских стран. На эту позицию оказывают влияние, и фактически борются между собой, традиционная польская идентичность, послевоенный советский патриотизм, и белорусский национализм, преимущественно выступающий с ревизионистских позиций.

Большинство католического актива в годы войны было связано либо подпольной деятельностью, либо симпатиями – реальными, или, иногда, сфабрикованными, с лояльной лондонскому эмиграционному правительству Армией Крайовой. Многие, естественно, служили в польских вооружённых силах на Западе. Но немало католиков (в том числе и некоторые ксендзы) сотрудничали и с советским подпольем и партизанами, а позднее служили в Войске Польском и Красной Армии. Достаточно показательна в этом отношении судьба только что ушедшей Ванды Скуратович (1925-2010), во время войны партизанской связной, а затем медсестры в отряде П.Машерова, а после войны долгое время содержавшей на своей квартире подпольную католическую часовню, в которой тайно отправлялись богослужения во время визитов священников в Минск, лишённый своего костёла вплоть до Московской олимпиады в 1980 г. За спасение от неминуемой гибели еврейской семьи она была удостоена израильским институтом Яд Вашем титула «Праведницы народов мира», а её дочь Мария Скуратович – известная в Беларуси и Польше исполнительница католических религиозных песен.

Конечно, нельзя сказать, что именно такая биография наиболее типична для поколения католиков, переживших войну. Наиболее типичным для католического актива было сохранение лояльности межвоенной Польше, – при резком неприятии нацистского оккупационного режима, часто принимавшем форму активного сопротивления нацизму. Позицию активного сотрудничества с нацистами заняла лишь некоторая часть католиков, сознательно относивших себя к белорусской, а не к польской национальности – хотя и среди католиков-белорусов такой выбор далеко не был безвариантным.

По предварительным оценкам, доля католиков среди нацистских коллаборационистов Беларуси составляла примерно 10%, т.е. в целом не превышала их долю в довоенном населении, или даже была чуть ниже. С другой стороны, среди верхушки коллаборационистов – лидеров пронацистских общественных организаций, чиновников гражданской администрации полиции и военизированных формирований, редакторов газет и т.д. – доля католиков была тем выше, чем выше был уровень руководства, достигая в высшем эшелоне примерно половины. Вероятно, это объясняется в среднем более высоким уровнем образования среди католиков в довоенной Западной Беларуси и, возможно, происхождением самого белорусского национализма, который возник лишь в начале XX в. и первоначально был сформулирован именно низшими слоями шляхты католического происхождения, искавшей возможности более быстрого социального авансирования чем тот, который предлагали достаточно жестко иерархичные социальные структуры, как лояльные господствующей русской имперской идеи, так и оппозиционные ей, стремящиеся к восстановлению польской государственности в унитарной либо федеративной форме.

Ещё фантомная Белорусская Народная Республика, провозглашённая в условиях немецкой оккупации 25.03.1918, апеллировала именно к помощи Германии в деле становления белорусской государственности, и вплоть до 1922 г. белорусские националисты получали финансирование прежде всего с немецкой стороны. Позже белорусский национализм, в прокоммунистической форме, использовался Сталиным в борьбе против Польского государства, и в этот период положение белорусской опции католиков Западной Беларуси было исключительно сложным, т.к. они не получали никакой внешней поддержки, и при этом фактически преследовались польскими государственными и костёльными властями. Большинство католиков довоенной Западной Беларуси были белорусскоязычными в быту, но, как правило, равнодушными к национальной программе, предлагавшейся «сознательными белорусами» (националистами), и не поддерживали, в большинстве приходов, идею введения в богослужение белорусского языка вместо польского. Именно этот вопрос был камнем преткновения между польской и белорусской опциями в местном католицизме на протяжении всего XX в., в наиболее острый формах – во время

2-й мировой войны и в годы распада СССР и начале становления Республики Беларусь, на рубеже 1980-90-х гг. За последние 20 лет, при значительном сначала сопротивлении пропольски настроенного католического актива, сторонникам белорусского языка удалось одержать верх в 3-х епархиях из 4-х (кроме Гродненской), и в целом, в католическом костёле Беларуси идёт неуклонный процесс языковой белорусизации и, среди значительной части католиков, принятия основных параметров белорусской национальной идентичности. Относится ли к числу этих параметров героизация белорусских коллаборационистов?

Именно вопрос о роли костёла и католического актива в годы 2-й мировой войны, об отношении к основным противоборствовавшим силам, и о преемственности с той или иной линией, с тем или иным «пантеоном героев» является наиболее сложным в самоидентификации современных католиков. С одной стороны, согласно националистической доктрине, именно нацистские коллаборационисты, якобы, проводили в жизнь политику защиты белорусских национальных интересов. С другой стороны, реальная история Костёла в годы войны свидетельствует о массовых репрессиях нацистов, при подстрекательстве белорусских коллаборационистов, против основной части ксендзов и католического актива, придерживавшихся польской ориентации.

Репрессии против католического актива формально не носили целенаправленно антикатолического характера. В оккупированном Минске, например, католические богослужения сначала были восстановлены именно усилиями оккупационных властей и часто во многих городах на востоке Беларуси единственными доступными населению священниками были капелланы оккупационных воинских частей. Однако по мере нарастания борьбы между сторонниками польского и белорусского выбора, усиления польского Сопротивления, массовых репрессий нацистов против гражданского населения всех основных этноконфессиональных групп, ксендзы и католический актив стали фактически одними из наименее благонадёжных, с точки зрения оккупантов, социальных групп. Они подвергались репрессиям по следующим мотивам:

– связь со структурами польского Сопротивления, прежде всего АК – реальная или вымышленная белорусскими коллаборационистами, пользовавшимися этим поводом для устранения конкурентов

- укрывательство евреев. Известно, как минимум, около 20 семей ксендзов, ставшими жертвами нацистских репрессий – Ф. Почобут-Одляницкий (Лунинец), М. Акрейц (Браслав), Я. Урбанович (Брест), А. Штарк и К. Гроховский (Слоним), З. Милковский (Воложин) и другие.

- связь с советским подпольем и партизанами, также реальная или вымышленная

Среди наиболее памятных мест католического мученичества в годы 2-й мировой войны выделяются:

- деревня Росица, вблизи от границы с Латвией, где 17-18.02.1943 немецкими нацистами и их латышскими пособниками, в ходе операции «Зимнее волшебство» были заживо сожжены около 1500 человек, в том числе католические священники Антоний Лещевич и Юрий Кашира, отказавшиеся покинуть своих прихожан, а также православных земляков, согнанных в Росицкий костёл как во фльтрационный лагерь.

- г. Новогрудок, где в ходе акции устрашения местного населения 01.08.1943 были расстреляны 11 монахинь ордена назаретанок

- концлагерь в местечке Березовечь (теперь – часть г. Глубокое), где акции по уничтожению ксендзов и католического актива проводились регулярно, и где, в частности, 04.03.1942 г. погибли причисленные к лику блаженных Мечислав Богаткевич, Станислав Пыртек, Владислав Мацьковяк.

- Налибокская пуща, анклав преимущественно католического населения в центре Беларуси, где в июле-августе 1943 г. в ходе карательной операции «Герман» были сожжены десятки деревень, уничтожены десятки тысяч мирных жителей и практически все ксендзы местных приходов (около 10), в том числе причисленные к лику блаженных францисканцы Герман Стемпень и Ахиллес Пухала (19.07.1943).

Слоним и Лида, за которые велась острая борьба между польским сопротивлением и коллаборационистами – также стали местами массового истребления католического актива. Особенно большой размах нацистские репрессии против католиков приобрели в Барановичах и окрестностях, где нацистами был создан концентрационный лагерь в дер. Колдычево, охрана и частично администрация которого были поручены белорусским коллаборационистам – напрощиваются определённые аналогии с лагерем Саласпилс в Латвии. По данным советской Чрезвычайной Государственной Комиссии по

расследованию преступлений оккупантов, в Колдычево было убито и замучено 22 тысячи человек – евреев, поляков, белорусов, русских, цыган, в том числе около 40 ксендзов (часть из них, по некоторым сведениям, была уничтожена в самих Барановичах). Кстати, скромный мемориал в Колдычево был сооружен лишь в 2007 г., благодаря самоотверженным усилиям нескольких светских католических активистов, прежде всего, недавно умершего Юзефа Лихуто, потерявшего в Колдычево 7 членов семьи. Следует отметить, что мемориал, акцентирующий жертвы 4-х различных общин – католиков, православных, евреев и цыган – был сооружен благодаря поддержке как государства, так и активистов данных общин.

Всего примерно около 200 ксендзов, около половины встретивших войну на территории современной Беларуси, стали жертвами нацистских репрессий, во многих случаях – при активном соучастии белорусских коллаборационистов, а также литовских и латышских, использовавшихся нацистами на территории Беларуси из-за острого дефицита местных пособников.

За последнее десятилетие, начиная с 1999 г., организованная политика сохранения и культивации памяти жертв нацизма стала заметной составляющей публичной политики белорусского Костёла в целом. Это стало результатом усилий Папы Иоанна Павла II по увековечению этой памяти, которые выразились прежде всего, в беатификации (причислении к лику блаженных) целого ряда католических мучеников времён войны, в том числе, более 20, принявших мученическую смерть на территории Беларуси. Беатификация коснулась не всех вообще жертв нацистского террора, а тех, кто именно осознанно шёл на смерть, имея возможность выбора, спасая своих прихожан или даже не-единоверцев. К местам этого христианского подвига регулярно организуются паломничества, в том числе детские и молодёжные, пишутся книги и иконы, снимаются документальные фильмы, и в целом, можно сказать, что Костёл как общественный институт, занимает достаточно принципиальную антинацистскую позицию. Опасность её «размыивания», однако, также существует, и связана, во-первых, с параллельной памятью о советских репрессиях, а во-вторых, с усилиями современных белорусских националистов, которые стремятся навязать всему обществу героический образ именно своих идейных предшественников как якобы единственных, в годы войны, защитников белорусского

народа в целом. Собственно белорусский, отличный от польского, католицизм – совсем молодое общественное явление, хотя и всё более заметное в масштабе белорусского общества, и становление его системы ценностей происходит буквально на наших глазах. Хотя в силу его генетического происхождения, современные националисты, почти по умолчанию – ревизионисты 2-й Мировой войны, стремятся рассматривать его как определённую социальную базу, пока что он скорее составляет им конкуренцию в борьбе за общественные симпатии, чем обслуживает их интересы, как представлялось и власти и оппозиции 10-15 лет назад.

Какова же проявляет себя конкурирующая система ценностей, националистическая, в оценке событий 2-й Мировой войны? Обратимся к нескольким эпизодам периода оккупации, в которых фигурируют как католики той или иной ориентации, так и националистические коллаборационисты.

В воскресение вечером 19 октября [1941 г.] в столовой на базарной площади Борисова был устроен банкет в честь немецкой армии. Прибывшие оберштурмфюрер Краффе и бургомистр Борисова Станислав Станкевич (католик) объявили, что через несколько часов начнется "важнейшая акция". Утром 20 октября евреев собирали и стали перевозить на машинах и пешими колоннами к ямам. Собирали в овраге в 50 м. от могил. Перед расстрелом раздевали и укладывали лицом вниз, "методом сардин" для экономии места. Завхоз отделения полиции Иосиф Майтак привез водку. Полицейские выпивали и приступали к "работе". Много раненых закопали живыми. Ямы были присыпаны тонким слоем земли, через который просачивалась кровь. Потоками она могла попасть в Березину. Тогда могилу покрыли негашеной известью и дополнительным пластом песка. За два дня, 20-21 октября 1941 г., было расстреляно 7245 евреев. Однако, с учетом других разрозненных акций, количество жертв Холокоста в Борисове достигло 9 тыс. В 1943 г. немцы заставили команду военнопленных выкапывать трупы евреев и сжигать на больших кострах. После завершения работ участников этой операции расстреляли¹⁸⁰.

Таких эпизодов в трагической истории Беларуси времён Второй мировой войны известно великое множество. Казалось бы, любой

¹⁸⁰ А.Розенблум. Память на крови (Петах-Тиква, 1998), с. 59-63

нравственно здоровый человек не должен колебаться в своей оценке таких злодеяний. Но вот в изложении культового для белорусских националистов писателя Владимира Орлова, в его изданной в прошлом году книге “Имена Свободы” Станкевич выглядит совершенно иначе.

«В годы Второй мировой войны Станислав [Станкевич] был среди тех, кто стремился использовать новые исторические обстоятельства в интересах белорусского дела, что и обусловило расставание с родной землёй – навсегда. Но он считал, что нельзя лишить Беларуси того, у кого она в сердце»¹⁸¹. Далее с тем же пафосом описывается послевоенная литературная и публицистическая деятельность Станкевича, человека действительно образованного и неглупого – ещё в 1936 г. он защитил в Виленском университете докторскую диссертацию по белорусской литературе, что в Польше того времени требовало немалых усилий. Однако ум и образование сочетались в нём с садистской жестокостью и цинизмом – а разве мало таких интеллектуалов было в нацистской Германии? Характерное совпадение: хронологически первый из двух десятков католиков Беларуси, беатифицированный Иоанном Павлом II, ксёндз Генрих Глебович, был арестован белорусской полицией Борисова 7 ноября 1941 г. и через 2 дня расстрелян, «за полонизаторскую активность». Именно этот ксёндз осенью 1941 г. возрождал католическую жизнь в приходе, к которому принадлежала и печально известная Хатынь, кстати, традиционно почти полностью католическая деревня, о жертвах которой до начала 1960-х напоминали три католических креста.

После борисовской трагедии, доказав хозяевам «Новой Европы» свою преданность, Станкевич пошёл на повышение – его назначили кем-то вроде губернатора одной из 2-х областей, на которые делился генеральный округ «Белорутения», с центром в Барановичах. Его недюжинные организаторские способности и здесь проявились в полную силу – прежде всего, в организации системы тотального истребления врагов «белорусского дела», как он его понимал. Следующим по важности, после евреев, врагом были поляки – и не только предполагаемые участники сопротивления, но и вся интеллигенция, предприниматели, костёльный актив, вообще все сколь-нибудь со-

¹⁸¹ “Імёны Свабоды”. Интернет (радио) версия: <http://www.svaboda.org/content/Transcript/767553.html>

циально активные католики. Проскрипционные списки для оккупационных властей, почти тождественные смертному приговору, с энтузиазмом составлялись националистическими активистами на местах. Именно Барановичи стали в войну настоящей «цитаделью» белорусских коллаборационистов. Станкевич был одним из инициаторов создания концлагеря Кодычево в 16 км от Баранович и выхлопотал для националистов «почётную» роль практически полновластных его хозяев – 4-я рота «элитного» 13-го батальона СД, набранного из идейных националистов не только несла его охрану, но и на первоначальном этапе существования лагеря его комендантом был командир этой роты Сергей Бобко. Ещё одна рота того же батальона охраняла гораздо более известный лагерь смерти Тростенец под Минском, четвёртый в Рейхе по масштабам уничтожения людей после Освенцима, Треблинки и Бухенвальда, но там она «терялась» в общей массе охранников как немецких, так и из соседних с Беларусью стран. Такого «фирменного», чисто «белорутенского» концлагеря, как Кодычево, не было больше нигде, и эту заслугу можно отнести на счёт Станислава Станкевича, интеллектуала и организатора, пользовавшегося безграничным доверием гитлеровцев. Отступив вместе с ними в июле 1944 г. в Германию, он вплоть до самой капитуляции издавал в Берлине нацистскую газету «Раница» («Утро»), призывая к войне до победного конца. А после войны, перевербованный американцами, перебрался вместе с соратниками и единомышленниками за океан, заложив традиции белорусской редакции Радио Свобода и всей послевоенной эмиграционной публистики.

Дело далеко не в одном Станкевиче, а в целой тенденции, которая становится всё более угрожающей. Можно было бы не обращать внимания на отдельно взятую книгу (подборку биографий, прозвучавших в 2006-2007 г. на Радио Свобода), если бы она не была своеобразным итогом синтеза белорусского националистического пантеона последнего двадцатилетия (1988-2008) и, фактически, негласной частью доктрины Белорусского Народного Фронта и (в меньшей степени) союзных ему политических партий. Имена, вошедшие в националистический «канон», за эти 20 лет прошли своеобразную «обкатку» на тысячах публикаций он-лайн и на бумаге, написанных десятками, если не сотнями, авторов, и в оппозиционной части общества, на сегодня, являются общепризнанными «иконами». Вероятнее всего – по

невежеству и равнодушию, нежели из-за осознанной поддержки их реальной, а не фальсифицированной, деятельности в годы Второй мировой войны. Но это мало что меняет.

Практически все националистические деятели времён Второй мировой войны, воспеваемые Владимиром Орловым в книге «Имена Свободы», запятнали себя преступлениями против человечности, в большей или меньшей степени. Михаил Витушка, в начале войны глава карательной группы, которая по следам наступавшей немецкой армии «зачищала» Западное Полесье от окружёнцев, советских активистов, евреев, в конце войны – диверсант, заброшенный СС в тыл наступающих советских войск. Франтишек Кушель (католик), главный организатор практических всех про-нацистских вооруженных формирований в Беларуси (вполне заслуживает отдельной книги). Многочисленные преступления белорусских полицейских против евреев, поляков, вообще всех неугодных нацистскому режиму, белорусов в том числе, непосредственно касаются его как своего рода «главного кадровика» как полиции, так остальных вооруженных формирований. Янка Филистович (православный, принял католицизм уже в эмиграции в конце 1940-х, перед заброской в СССР американцами в качестве диверсанта), конвоировавший евреев на главную фашистскую фабрику смерти в Беларуси, в Тростенец. Все они заявлены в «национальные герои». Ведь «Имена Свободы» уже на обложке анонсированы пособием по написанию диссертаций и переименованию площадей.

Остановимся чуть подробнее на Борисе Рагуле (православном), командире 68-го конного эскадрона СС, выслужившимся перед нацистами доносом на монахинь-назаретанок, расстрелянных в Новогрудке 01.08.1943 как заложницы за всю католическую интеллигенцию города. Монастырь же был отдан под казармы его эскадрона, набранного преимущественно из студентов учительской семинарии. После войны Рагуля, награбивший у своих жертв, преимущественно евреев и католиков, немалые средства, сконвертированные в жёлтый металл, перебрался за океан и щедро жертвуя романтически настроенным журналистам, добился создания мифа о себе, как о главном якобы “последовательном борце на 2 фронта”, т.е. против коммунизма и нацизма. В центре этого мифа находился вымышленный проект конного похода «рагулевцев» на Минск в июне 1944 г. и якобы провозглашения независимого Белорусского

государства – сюжет, вполне достойный великого комбинатора Остапа или же гоголевского Хлестакова, – с тем отличием, что за хвастливыми баснями Рагули скрываются реальные трагедии его жертв. Наживаясь на санкционированном немцами, «в высших целях», грабеже убитых евреев, он не забывал и об обычном криминале. Его подозревают в убийствах, с целью грабежа, нескольких шляхетских семей в гг. Новогрудке и Дятлово, вернувшихся при немцах из Западной Европы и Польши в заброшенные имения.

Заслуга в возрождении памяти о католических мучениках, отдавших свои жизни в борьбе с нацизмом, принадлежит прежде всего кардиналу Казимиру Свентку, человеку легендарному, прошедшему и гитлеровские и сталинские лагеря, и сохранившему веру несокрушенной. Его усилия не позволили сделать Костёл и католический актив союзниками националистов. Многие католики активно участвуют в возрождении, или, точнее говоря, – в создании заново белорусской культуры, но при этом сознательно дистанцируются от радикального национализма. Костёлу абсолютно чужды расизм и национальная исключительность, в проповедях и в практических делах неизменно подчеркивается необходимость уважения и сотрудничества с представителями других конфессий. Именно за это националисты и недолюбливают Костёл, несмотря на то, что это единственный влиятельный общественный институт в стране, официально использующий белорусский язык и последовательно патронирующий белорусскоязычную культуру. Националисты же в последнее десятилетие настолько увлеклись «борьбой с режимом» и освоением средств, выделяемых на развитие гражданского общества, что потребности культурного строительства в стране, не имеющей прочных традиций собственной государственности, откровенно игнорируют.

Сейчас Беларусь находится на исключительно важном этапе своей истории, на развилке. Начинается вынужденная либерализация жесткой идеологической системы, созданной за последние 10-12 лет, ищутся возможность сближения с Западом. Власть на собственном опыте убедилась в необходимости построения структурированной национальной идентичности – что раньше оспаривалось ею принципиально. Всё это – позитивные явления, которые нужно приветствовать. Но они же создают опасность, что в идеологический вакuum переходного периода будут «затянуты» идеи и символы,

которые раньше в массовое общественное сознание не допускались. Явно выраженного иммунитета против нацистских идей в современном белорусском обществе нет: до сих пор они сдерживались мощью бюрократического аппарата и государственной пропаганды, массированной, но слабо аргументированной, не способной к ведению принципиальных дискуссий. Поколение, знающее войну не понаслышке, уже практически отошло в мир иной, а действенного антифашистского и антиксенофобского воспитания молодёжь не получает. Углубляющийся экономический кризис – вот что делает белорусский нео- и криптонацизм особенно опасным. Как и в Германии 1930-х, ухудшение экономической ситуации повышает востребованность радикальных идей среди экономически депрессивных слоёв населения. В какой-то момент ситуация может измениться резко, лавинообразно.

В связи с этим, крайне важна позиция, которые займут по отношению к белорусскому нацизму и криптонацизму другие страны. Прежде всего, Россия, Польша и Израиль. Ведь именно народы этих трёх стран принесли наибольшие жертвы на алтарь победы над гитлеровским нацизмом. Беларусь можно было бы также добавить к их числу, но проблема заключается в том, что её потери, арифметически исчисляемые в современных политических границах, и составляющие четверть, а как утверждает в последнее время официальная пропаганда – чуть ли не третья довоенного населения – как бы разделены именно между этими тремя культурными и историческими традициями. Соответственно, существуют три основные модели коллективной исторической памяти о Второй мировой войне, нетождественные друг другу, но все непримиримо враждебные нацизму: русско-советско-православная, польско-«литвинско»-католическая и еврейская. Противоречия между этими тремя традициями и идентичностями и позволяют явным и скрытым сторонникам нацизма в Беларуси лавировать и накапливать силы. При этом нацистские коллаборационисты выступают для радикальных националистов, как бы прообразом «объединителей нации», её «освободителями от чужеродного влияния». Очень красноречива программная статья «Белорусской газеты» от 11.07.1942: «Теперь остаётся чётко подчеркнуть, кто наши враги. Первым врагом, как и врагом всей новой Европы, является жидо-коммуна. Её банды уничтожены. Но кроме явных врагов, мы име-

ем множество скрытых, которые в душе ненавидят [национальное] Возрождение и всеми способами мешают нашей национальной жизни. Таких врагов, пожалуй, больше, чем лесных бандитов. Есть остатки шляхетско-панских специалистов и их прислужников, польских ксендзов, которые болезненно бредят польским империализмом и которые теперь являются фактически союзниками жидо-коммуны. Под влиянием этих панов ещё находится часть одурманенного крестьянства Западной Беларуси. Это крестьянство мы должны как можно скорее освободить от вредного влияния и пртереть ему глаза, застеленные польско-костельной пеленой. Здесь, в Минске и других городах Западной Беларуси врагами нашими являются скрытые коммунисты и вообще русские, или одурманенные Москвой “белорусы”¹⁸². Внимательное изучение последующих событий убеждает, что статья была неслучайной: уже через 2 дня началось массовое превентивное уничтожение польского и католического актива, по заранее составленным колаборационистами спискам, причём его жертвами становились не только предполагаемые участники Сопротивления, но и просто интеллигенция, предприниматели, клер – все, кто воспринимался националистами как потенциальные конкуренты. «Москаль», «лях» и «жид», – список символических «врагов национального Возрождения» не потерял своей актуальности да наших дней – но отнюдь не для всего белорусского народа, а лишь для «ядра» радикальных националистов. Ведь большинство реальных граждан Беларуси, по своим культурным симпатиям, всегда тяготело и до сих пор тяготеет, к какой-то из этих традиций. Почему, собственно, и радикальный национализм в условиях Беларуси культурно бесплоден.

Абсолютное большинство предков современных граждан Беларуси в годы Второй мировой войны боролось с нацизмом – то ли в советских вооруженных силах, то ли в польских, то ли в партизанских отрядах – советских, польских, еврейских. Гитлеровские колаборационисты составляли ничтожное меньшинство среди них. Показателен недавний инцидент на сайте белорусской редакции «Радио Свобода», когда её корреспондент, отмечая вы-

¹⁸² “Беларуская газэта” от 11 июля 1942 г. Цит. по: Літвін А.М. Акупацыя Беларусі (1941-1944): пытанні супраців’ю і калабарацій. Мн., 2000. С. 274-275.

ход в свет сборника документов и материалов о Холокосте в Беларуси, оценил численность пособников нацистов в Беларуси в совершенно несуразную цифру 350 тыс. человек. Возмущение читателей и слушателей заставило убрать эту цифру из текста: если бы она была правдивой, то была бы примерно равна количеству советских партизан, и это давало бы основание говорить о своеобразной «гражданской войне» в Беларуси, разделившей симпатии её народов пополам. Фиктивную идею «гражданской войны в Беларуси», на фоне Второй Мировой, в последнее время нередко озвучивают в националистической среде. Однако ничего общего с действительностью такие оценки не имеют. Цифра 350 тыс. взята из недавно вышедшей книги О.Романько «Коричневые тени в Полесье»¹⁸³, но она интерпретирована совершенно ложным образом! На самом деле, Романько оценивает примерно в таком размере общую численность всех нацистских сил по «поддержанию порядка» в Беларуси, включая собственно немецкие (минимум 4 охранные дивизии, и массу формирований более мелкого масштаба, формирования РОНА, РННА, «восточные батальоны», казачьи полки, латыши, литовцы, эстонцы, мусульмане, украинцы (включая, кстати говоря, и новоиспечённого «героя Украины» Р.Шухевича, и палачей Хатыни из «Буковинского куреня», которым только что поставили памятник в Черновцах). Вооружённых коллаборационистов, мобилизованных собственно в Беларуси, из этих 350 тыс. было примерно в 5 раз меньше, т.е. максимум примерно 70-80 тыс. человек, из них около 30-40 тыс. – это формирования т.н. Белорусской Краёвой Обороны, насильственно мобилизованной весной-летом 1944 г., за несколько месяцев до начала советской операции «Багратион», на две трети дезертировавшие при первой удобной возможности. Именно наличие громадного числа коллаборационистов, «импортированных» нацистами из сопредельных стран, красноречиво свидетельствует о «кадровом дефиците», с которым столкнулись гитлеровские вербовщики: население Беларуси, если не воевало в Красной Армии или в советских партизанах (включая и преимущественно еврейские по составу отряды), то сражалось в рядах подпольной Армии Крайовой или в польских вооружённых силах на Западе, или гибло безоружны-

¹⁸³ Романько О. «Коричневые тени в Полесье». М., 2008. с. 38-50.

ми в гетто, концлагерях, и пылающих конюшнях, также оплачивая своими жизнями неисчислимую цену великой Победы.

По отношению ко всему довоенному населению БССР, вооружённых белорусских коллаборационистов была буквально горстка – во всех этноконфессиональных группах страны. И однако, именно их физические и идеиные потомки претендуют на то, чтобы представлять «подлинную» волю всей белорусской нации. Всех остальных сограждан они высокомерно считают то ли незаконными пришельцами («иммигрантами», «оккупантами»), то ли «манкурами», т.е. людьми, утратившими якобы «подлинную», то есть, санкционированную националистами, историческую память.

Проблемы с исторической памятью в Беларуси действительно очень актуальны, но они в значительной мере объясняются синтетической концепцией самой Беларуси как страны, идея которой возникла немногим более 100 лет назад, и чьи исторические традиции вбирают в себя прошлое как собственно Беларуси (т.е. практически однородно-православного востока страны), славянанизированной периферии бывшей исторической Литвы, ещё совсем недавно католической и польскоязычной, и украиноязычного Западного Полесья. И, конечно же, нельзя забывать о многочисленном (до Холокоста) еврейском меньшинстве, составлявшем 100 лет назад 1/6 часть населения современной Беларуси – больше, чем где-либо ещё в мире, на тот момент. Страны с названием «Беларусь», с современными границами и охватывающим всю территорию и все социальные слои самосознанием, до начала XX в. просто не существовало. Её территория и символические ценности формировались как бы по «остаточному принципу», т.е. постепенно включали в себя то, что не было эффективно освоено соседями. С точки зрения радикальных националистов, это придаёт особенное значение нацистским коллаборационистам, поскольку они были фактически первой относительно многочисленной и организованной силой, выступившей пусть с робкими, но вооруженными попытками декларировать существование Беларуси как субъекта, пусть и за спиной у Гитлера. (Впрочем, эта «робость» не помешала им безжалостно расправляться с беззащитными невооружёнными людьми). Это же – составляет особенную опасность радикального белорусского национализма, по сравнению с аналогичными движениями в соседних странах. Достаточно четко эту опасность сформулировал политолог Юрий Шевцов, автор статьи «Государс-

твенный антинацизм Беларуси»: «Любое распространение белорусского национализма в Беларуси обязательно влечет за собою культ очень ярко выраженных нацистских коллаборационистов. Других героев у белорусского национализма в эпоху Второй мировой войны просто не было. Белорусские националисты не создали аналога украинской УПА или польской Армии Крайовой – националистической организации, которая бы противостояла "коммунистам и нацистам". Они не провозгласили никакой независимости пусть и под властью нацистов, как это сделала ОУН летом 1941 года во Львове. У них не было своей государственности в межвоенный период, которая была бы ликвидирована "коммунистами и нацистами", как у "прибалтов". В истории белорусского национализма просто не за что зацепиться, чтобы построить ненацистский белорусский националистический "миф" Второй мировой войны¹⁸⁴».

Такие ненацистские «мифы», точнее – системы коллективной исторической памяти, хотя и нетождественные друг другу, есть у всех основных этноконфессиональных групп населения Беларуси. (Напомним, что в довоенной БССР было 4 государственных языка – белорусский, русский, польский и идиш). И все они, в конечном счёте, восходят к единой библейской, иудеохристианской системе ценностей, к Декалогу. Ведь даже Сталин в войну вынужден был, хотя бы внешне, обратиться за поддержкой к Православной Церкви. Да и роль ксендзов и раввинов, внешне не столь броскую, в организации духовного сопротивления нацизму, невозможно переоценить. Впрочем, решающей была не столько «сиюминутная» организующая роль духовенства, сколько накопленный предыдущими поколениями, и не стёртый до конца сталинскими и гитлеровскими репрессиями, остаток привитых ими этических норм и представлений о человечности, то есть фактически – образ Божий.

Современный белорусский идеиный (пока ещё – не организационный, так как существующие националистические организации не являются, на данный момент, однородно нацистскими) неонацизм (скорее – криптонацизм) очень тесно связан с неоязычеством, которое приобрело в Беларуси несопоставимо больший размах, чем движение «родноверов» в России. Эта органическая связь не всег-

¹⁸⁴ Шевцов Ю. Государственный антинацизм Беларуси // Русский журнал. <http://russ.ru/layout/set/print//pole/Gosudarstvennyj-antinacizm-Belarusi>

да последовательно осознаётся сторонниками этих идеологических течений, но среди молодёжи, увлечение языческими ритуалами и «богами» почти автоматически влечёт за собой интерес к про-нацистским формированиям, их символике и исторической мифологии. И наоборот: нацистские взгляды и особенно – проекты будущего, – требуют «сакральной санкции», которую может дать только язычество. Сотни персональных блогов в Байнете дают возможность в этом убедиться. Две грани радикального националистического сознания, нацизм и язычество, символически объединяются свастикой, различными вариантами которой пестрит Байнэт. Националистическая верхушка этой тенденции не только не противится, но и всячески культивирует. Организованные группировки сторонников язычества в открытую действуют практически во всех гуманитарных ВУЗах страны. Их лидеры прямо заявляют, что якобы «все авраамические религии» глубоко чужды глубинной психологии белорусов, их подлинным, а не навязанным извне, культурным запросам. С одной стороны, белорусские националисты постоянно апеллируют к международной общественности в борьбе с «последней диктатурой Европы». С другой стороны, они исподтишка, надеясь на невнимательность или невежество своих спонсоров и просто симпатизирующих абстрактным демократическим идеалам людей, упорно протаскивают в предполагаемое светлое будущее ценности самой одиозной и человеконенавистнической из когда-либо существовавших в Европе и в мире диктатур.

Не стоит, впрочем, отчаиваться и думать, что всё абсолютно безнадёжно. По отношению к нацистскому ревизионизму необходимо занимать принципиальную позицию, и при этом ни в коем случае не смешивать нацизм и белорусскую культуру как таковую. В среде националистов уже заметно расслоение по вопросу о коллaborации с нацистами. Валерий Булгаков, главный редактор самого влиятельного в среде националистических интеллектуалов журнала *Arche*, пришёл к пониманию неслучайности, обоснованности политического поражения националистов в Беларуси в последние 15 лет: «Отсутствие надлежащей дистанции [от нацизма] и рефлексии через сорок-пятьдесят лет после окончания войны способствовали разгрому национально-демократического движения во второй половине 1990-х ».¹⁸⁵

¹⁸⁵ Булгакаў В. Вайна без цэнзуры // *Arche*, № 5, 2008. с. 7.

Недавний тематический номер этого журнала, посвященный теме нацистской оккупации, достаточно трезво и честно, без почти обязательных в националистической среде реверансов в сторону нацистов, оценивает их роль в национальной трагедии Второй мировой войны. К сожалению, материалы этого номера – результат работы не собственно белорусских, а израильских, немецких и других историков. Белорусские историки Второй мировой в основном «мечутся» между двумя полюсами – стандартным советским патриотизмом, с его затёртыми штампами, демагогическим и неспособным к принципиальной дискуссии, и совершенно тенденциозной и лживой, националистической апологетикой коллaborации. Соответственно, нынешний «блеск» государственного антинацизма Беларуси обманчив: преступления нацистских коллаборационистов идеологической пропагандой и их планы «переустройства общества» не анализируются и не персонифицируются, а просто осуждаются «огулом», бюрократически, или просто замалчиваются, что у неискущённых, особенно у молодёжи, может создать своеобразный ореол привлекательности, эффект запретного плода.

А. Шубин

Сталин и Гитлер: насколько правомерны сравнения режимов

Известное решение ОБСЕ, сосредоточившее внимание на сталинском и гитлеровском режимах как только двух тоталитарных режимах, которые «несли венные преступления», актуализировало старые споры о том, насколько правомерно сравнение режимов 30-х гг., и к каким выводам они нас приводят.

Что осуждать?

Собственно, старт кампании XXI века за «уравнивание» этих двух систем был дан в 1996 г., когда ПАСЕ заслушало доклад, разоблачающий коммунистические тоталитарные системы и приняла резолюцию № 1096, которая признала тему достойной глубокого изучения и подготовки полновесного решения ПАСЕ. 14 декабря 2004 г. мне довелось участвовать в официальных слушаниях по проекту резолюции ПАСЕ о тоталитарном коммунистическом режиме и последующей полемике.

Начну с некоторых личных наблюдений. Слушания ПАСЕ вела португальский депутат Агиер, явно тяготившаяся своей маккартистской миссией. Но работа есть работа. Зато эксперты «с той стороны» готовы были сражаться не за страх, а за совесть: редактор журнала «Коммунизм» и соавтор нашумевшей «Черной книги коммунизма» С. Куртуа и польский профессор Д. Стола, а также бывший диссидент В. Буковский. Как раз из выступления Буковского мы узнали, что цель «осуждения коммунизма» заключается в привлечении «виновной стороны» к ответственности. В бедах современного мира виноват коммунизм, а Россия – правопреемник Советского Союза. А Советский Союз – от начала и до самого конца – тоталитарное коммунистическое государство. Так что все мы, кроме героических диссидентов, вышли из тоталитарной шинели, и вам всю жизнь предстоит учиться демократии у Запада, а не поучать его по поводу соблюдения прав человека в каком-нибудь Ираке.

Куртуа и Буковский атаковали без устали: коммунизм – столь же преступная идеология, как и фашизм, потому должна быть осуждена таким же образом. Хотя 90% аргументов «прокуроров» относи-

лись к сталинскому периоду, требовалось осудить весь коммунизм от Маркса до Горбачева включительно. В зале витал дух американского сенатора Маккарти, устроившего в 50-е гг. «охоту на ведьм» в США, направленную против «левых». Маккарти обличал Сталина и искусственно увязывал с его преступлениями всех, кому не нравился капитализм. Также на слушаниях ПАСЕ действовали и эксперты «обвинения».

Чтобы разобраться во всем множестве названных ими разно-порядковых исторических явлений, я предложил депутатам честно ответить себе на два простых вопроса. Во-первых, являются ли перечисленные злодеяния исключительным следствием именно коммунистической идеологии, или подобное поведение присуще также другим режимам и вызвано не коммунистической идеологией как таковой, а более глубокими социальными причинами? Во-вторых, является ли массовый террор и тотальные репрессии постоянным спутником коммунистического режима? Если нет, то осуждению подлежит не коммунистическая идеология, а конкретные явления в советской (и не только советской) истории, которые вызвали массовые убийства и репрессии. Собственно, в этом и сейчас заключается отстаиваемый мной методологический принцип при решении этой проблемы.

Практически все, о чем говорили «обличители», мы легко можем найти в европейской истории вне всякой связи с коммунизмом. Слово «террор» приобрело европейскую известность со времен Французской революции, но Робеспьер не был коммунистом. Из французского источника пошла добрая половина понятий большевиков, от комиссаров до термина «враг народа» (его якобинцы заимствовали в таком источнике европейской правовой культуры, как Древний Рим). Так что коммунизм и в своих злодеяниях, и в своих достижениях, тесно связан с европейской культурой.

А откуда пошли концлагеря? Их «изобрела» британская колониальная администрация во время войн в Африке на грани XIX и XX веков. Эта же администрация несет ответственность за массовое вымирание крестьян в Индии из-за голода.

Ленин развязал красный террор, но это кровавое деяние разворачивалось одновременно с белым террором, и тоже не является исключительным следствием именно коммунистической идеологии. Деникин и Колчак были представителями либеральной и консервативной

идеологий, но их армия осуществляла массовый террор и творила зверства, которые перекрывала разве что армия японских интервентов – тоже далекая от борьбы за коммунистические идеалы.

Озверение Гражданской войны в России вполне сопоставимо с озвериением в Испании, где франкисты лютовали ничуть не меньше коммунистов.

Пакт «Молотова-Риббентропа», о котором говорил Куртуа, тут же освежает в памяти Мюнхенский пакт о разделе Чехословакии, который «либералы» Чемберлен и Даладье заключили с фашистами Гитлером и Муссолини. Здесь нельзя не вспомнить и неблаговидное поведение Польши, принявшей участие в разделе Чехословакии. Так что если сейчас 23 августа провозгласят днем памяти жертв нацизма и коммунизма, то день заключения Мюнхенского пакта 30 ноября с тем же основанием можно провозгласить днем памяти жертв либерализма и фашизма.

Масштабы уничтожения людей Сталиным колоссальны. Но попытку Буковского приписать ему рекорд по скорости уничтожения людей мне было легко опровергнуть. Эта сомнительная честь принадлежит не Сталину, и даже не Гитлеру, а американскому президенту Гарри Трумэну, который за два дня (точнее – за две секунды) в 1945 г. уничтожил более 200 тысяч японцев в Хиросиме и Нагасаки – в подавляющем большинстве мирных жителей.

Сообщения о пытках в застенках НКВД ужасны. Но как не вспомнить при этом свежие цветные фото пыток, осуществленных «либерально-демократическими» оккупантами в Ираке?

В общем, тогда попытка подтвердить правомерность проекта резолюции провалилась, о чём нам в кулуарах и сообщила часть европарламентария (публично они опасались это сделать).

В 2005 г. председательство в комиссии перешло к шведскому депутату Г. Линдбладу, который довел дело до «результата». По итогам наших слушаний он немного подредактировал тезисы, рассматривавшиеся в декабре – включив туда необходимость осуждения также и режима Франко, ввел формулу « тоталитарные коммунистические режимы ». Вроде бы речь идет не о любых коммунистических режимах, а только о тоталитарных. Но из доклада Линдблада следует, что он так и не понял разницы.

В остальном меморандум Линдблада был столь же абсурден, как и декабрьские тезисы. Как только речь заходит о периоде после 1956

года, становится ясно, что авторы меморандума абсолютно безграмотны (применительно к другим периодам советской истории – малограмотны). Так, в качестве примеров геноцида и применения труда рабов приводятся ввод войск в Чехословакию в 1968 г., и подавление волнений в Польше в 1968 г. и в 1980-1981 гг. Интересно, а знает ли депутат Линдблад, что такое геноцид?

В проекте Линдблада говорилось: «Тоталитарные коммунистические режимы, которые правили в Центральной и Восточной Европе в прошлом веке, и которые всё ещё находятся у власти в некоторых странах, все без исключения характеризуются массовыми нарушениями прав человека». В принципе режимы самых разных расцветок характеризуются многочисленными нарушениями прав человека. «Буржуазные» режимы – не исключение. Так что коммунистические режимы следует обвинить в чем-то более конкретном: «Они включают отдельные и коллективные убийства, казни, гибель в концентрационных лагерях, голод, депортации, пытки, рабский труд и другие формы массового физического террора». И снова возникает вопрос – это у коммунистов всегда так или на протяжении отдельных периодов? Какие депортации и массовый физический террор происходил в СССР при Брежневе? Если речь идет не обо всей истории советского общества, а лишь о тоталитарном сталинском периоде, то теряется главная мысль маккартистов – во всем виноват коммунизм. Ведь и в истории США встречались и депортации, и рабство, и геноцид, и казни по политическим мотивам...

Но Линдблад настаивает, что коммунистические режимы "характеризуются" преступлениями, о которых идет речь. То есть это – их характеристика. Почему же организаторы слушаний не считают, что, например, "США характеризуются массовым применением рабского труда, депортациями, геноцидом местного индейского населения и применением атомного оружия против мирного населения", хотя все это имело место в истории североамериканского режима.

Но может быть, доклад обличает не коммунистическую идеологию, а только практику? Нет: «Оправдательным поводом для совершения преступлений являлась теория классовой борьбы и принцип диктатуры пролетариата».

Истинная цель кампании, таким образом – осудить саму идеологию, основанную на теории классовой борьбы.

Помимо проекта резолюции вниманию ПАСЕ были предложены и практические рекомендации, в которых, на мой взгляд, и содержалось основанное зло. Если бы они были приняты, то Россия была бы обязана как член ПАСЕ переписывать учебники в соответствии с новыми историческими евростандартами: «развернуть кампанию, направленную на национальное осознание преступлений, совершенных во имя коммунистической идеологии, включая пересмотр школьных учебников...». Конспект будущих евроучебников приведен в «Объяснительной записке» Линдблада, например: «6 миллионов украинцев погибло от голода в ходе хорошо продуманной государственной политики в 1932- 1933 годах».

25 января 2006 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) осудила коммунизм. Формально речь идет о «тоталитарном коммунизме», но из резолюции следует, что всякий коммунистический режим является тоталитарным. Но противодействие новому маккартизму оказалось не напрасным. Приняв резолюцию, депутаты отклонили практические рекомендации. У резолюции были вырваны зубы.

Опыт полемики вокруг резолюции ПАСЕ привел меня к выводу, что в принципе необходимо заниматься просветительством в среде западной, да и нашей правящей элиты. Хотя, конечно, за исторической безграмотностью обычно стоит и политический заказ, важно – насколько исполнитель заказа сам верит в мифы, которые проповедует. Иногда депутатов и чиновников удивляют вещи, которые должны быть известны любому образованному человеку. Осознав, что использование того или иного мифа является неперспективным, от него могут и отказаться.

Аргументы, которые мы привлекали в ходе этой полемике и о некоторых из которых я сейчас упомянул, свидетельствуют о сложности проблемы, необходимости комплексного и многостороннего проведения сравнительно-исторических исследований. Фашистские режимы имели много общего не только с СССР, но, например, с рузельтовскими США. Смотря какие параметры мы будем сравнивать.

Обоюдоострый тоталитаризм

Концепция тоталитаризма, выдвинутая Муссолини и его идеологами, в 50-е гг. была адаптирована к задачам антикоммунистической идеологии. Х. Арендт, З. Бжезинский и др. «классики» по-

литологического конструирования тоталитаризма моделировали его через перечисление признаков. Это – свидетельство слабости, искусственности теории, которую нужно подтянуть к заранее известному результату – найти общее только между гитлеровской Германией и СССР. Сущностные критерии при этом ускользают. Она подчеркивала общность государственных систем Советского Союза и нацистской Германии. Советские авторы не оставались в долгу, доказывая, что нацизм имеет много общего с государственно-монополистическим капитализмом США. Обе стороны оказались правы, потому что всегда можно найти что-то общее и различное. В 1993-1994 гг. мы в Институте всеобщей истории провели серию заседаний семинара «Тоталитаризм и демократия», где стремились очистить термин «тоталитаризм» от двойных стандартов, выявить сущность явления¹⁸⁶. Тоталитаризм – это стремление правящей группы к тотальному контролю за всей открытой (легальной) жизнью общества. При этом тоталитаризм не приводит на практике к totally управляемому обществу, даже в сталинском СССР царил бюрократический беспорядок, сохранялось инакомыслие (в религиозной сфере оно было даже санкционировано). Однако тоталитаризм нужно отличать от обычного авторитаризма, который уже утерял это стремление и отказался от связанный с ним террора против неконтролируемых общественных течений и группировок элиты, возникающих в тле формально монолитного правящего класса. Эта постановка вопроса позволяет нам выделить в истории СССР собственно тоталитарный период 1929-1956 гг., который следует отличать от более раннего и более позднего.

Также уместно напомнить, что к началу Второй мировой войны практически вся Европа покрылась тоталитарными режимами и авторитарными режимами с тоталитарными институтами фашистского типа. Это и все три государства Прибалтики, и сателлиты Германии, и Италия, и Испания, и Португалия. В Восточной Европе либеральная политическая система сохранилась только в Чехословакии до ее раздела. В либеральных странах фашизм воспринимался как вполне достойное учение, и существовали влиятельные профашистские силы.

¹⁸⁶ Подробнее см. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. С.86; Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929-1941 гг. М., 2004. С.146-156.

Сравнение масштабов террора нацизма и сталинизма дает результаты примерно 1:10, что также говорит скорее о различии, чем о сходстве. К жертвам сталинского террора добавляют жертвы голода 1932-1933 гг., но это – сложная проблема. Дискуссионны причины голода, современная литература не подтверждает версию о том, что он был устроен сознательно¹⁸⁷. Бытующие цифры умерших от голода, например, на Украине в 4-10 миллионов человек, являются завышенными. Более надежны также трагические цифры около 1,5 млн. человек¹⁸⁸, но такие масштабы и социальные причины трагедии уже не позволяют украинским политикам добиваться «уравнивания» голода и холокоста.

Таковы ограничения, с которыми сталкивается трактовка тоталитаризма «по Бжезинскому». Зато уже в 60-е гг. такие теоретики, как Г. Маркузе, Э. Фромм и др. указывали на элементы тоталитаризма, которые сохраняются и даже усиливаются в странах Запада, в то время как СССР перешел от тоталитаризма к авторитаризму.

Концепция тоталитаризма сегодня является обоюдоострым инструментом, который позволяет критиковать и бюрократический «социализм», и капитализм. Не случайно в начале XXI в. либеральные авторы стали к ней охладевать.

Очевидно сходство политических структур тоталитарных и некоторых авторитарных режимов, но не только СССР и Германии, а большинства режимов, существовавших в Европе в конце 30-х гг.

«Тоталитаризм» как элемент общества – это тотальное, полное управление людьми из единого центра. Такой тоталитаризм в отдельных секторах можно встретить в любом индустриальном обществе – ведь на фабрике администрация стремится к тотальному управлению своим персоналом. Когда советские люди, привыкшие к перекурам и разгульдяйству в «тоталитарном» СССР, в 90-е гг. начинались на западную или японскую фирму, нередко их поражали тоталитарные порядки, царившие там: визит в туалет с разрешения начальника, запрет на частные разговоры в рабочее время, постоянное наблюдение менеджера за тем, что делает работник и т.д.

Тоталитаризм является вполне органичной «надстройкой» над индустриальной системой, когда все общество превращается в еди-

¹⁸⁷ См., например, Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.

¹⁸⁸ Подробнее см. Шубин А.В. Великая депрессия и будущее России. М., 2009. С.278-279.

ную фабрику под руководством одной администрации. Но западные элиты предпочли более мягкую систему согласования интересов между тоталитарно организованными фирмами, бизнес-группами и бюрократическими кланами. Столкнувшись с кровавыми издержками тоталитаризма, коммунистическая бюрократия также предпочла перейти к более гибким формам господства, что позволило советскому обществу добиться новых успехов на международной арене, в социально-экономическом и культурном развитии, прорыва в космос.

Между СССР и США

Если в сфере управления между гитлеровской (а также муссолиниевской, франкистской) и сталинской системами много общего, то экономически фашистская (в том числе нацистская) система была ближе к американской: корпоративное регулирование рыночных отношений по отраслям при сохранении частной собственности.

16 июня 1933 г. по инициативе президента США Ф. Рузвельта Конгресс принял Национальный акт восстановления промышленности, который президент считал тогда ядром своих преобразований: «История возможно запишет Национальный акт восстановления промышленности как наиболее важное и далеко идущее законодательство, которое принималось американским конгрессом»¹⁸⁹. По закону о восстановлении промышленности (НИРА) создавалась Национальная администрация восстановления (НРА), которая провела принудительное объединение всех предприятий в 17 групп. Внутри каждой группы ограничивалась конкуренция, вводились единые цены и распределялись рынки сбыта, условия кредита. Эти супермонополии занимались унификацией технологии, разделом рынков. Официально это называлось «предотвращением нечестной конкуренции» и «гибельного перепроизводства». Скрепляющим раствором обязательных монополий стали «кодексы честной торговли». Они вырабатывались предпринимательскими группами с участием организаций АФТ. Эта работа велась под давлением главы НРА генерала Х. Джонсона. После того, как кодекс подписывался президентом, он был обязанителен к исполнению. Те предприятия и корпорации, которые не участвовали в этих соглашениях, не могли рассчитывать на поддержку государства. Более того, на продукцию

¹⁸⁹ Cit.: Freidel F. P. FDR. Launching the New Deal. Boston-Toronto, 1973. P.422.

тех, кто участвовал в кодексах, ставились символы НРА — синий орел, и покупателей призывали покупать только эти «патриотические» товары. В итоге кодексы охватили 99% промышленности и торговли.

Полномочия созданной еще Гувером Реконструктивной финансовой корпорации были резко расширены. Опасения экс-президента оправдались — деньги налогоплательщика пошли в промышленность. Тем корпорациям, которые были теснее связаны с администрацией, перепадало больше. Срашивание власти и капитала не было новостью для Америки. Но если раньше музыку заказывал капитал, то теперь — администрация.

Пока Рузвельт вел предвыборную кампанию, в центре его выступлений была антимонополистическая риторика. Придя к власти, Рузвельт принялся строить сверхмонополии. Еще один пример предвыборной демагогии? Не вполне. Рузвельт в данном случае не был просто демагогом — организованный государством монополизм был продолжением прежней борьбы за ограничение власти монополистов. Только теперь эта власть ограничивалась не рынком, а государством. А государство — это и есть сверхмонополия. Иногда утверждается, что НИРА — институт, «необычайно похожий на систему корпоративного государства Муссолини»¹⁹⁰. Впрочем, «Муссолини в 20-е гг. был подлинным любимцем Европы»¹⁹¹. Система НИРА действительно похожа на фашистский экономический эксперимент, который на практике осуществлялся в те же годы, и некоторые меры Рузвельта даже опережали действия Муссолини. Мир шагал разными путями в одном направлении.

Создавался германский вариант государственно-монополистического индустриального общества, практически развивая систему Рузвельта. Все предприятия Германии были объединены в монополистические группы, которые были подчинены Генеральному совету германского хозяйства. Было создано 6 имперских групп, подразделявшиеся на 44 экономические группы и 350 отраслевых групп. В совет, который подчинялся Министерству экономики, вошли крупнейшие предприниматели. Система, которая осуществляла отраслевое регулирование, дополнялась территориальной. Была создана

¹⁹⁰ Яковлев Н.Н. Избранные произведения. М., 1988. С.163.

¹⁹¹ Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. С-Пб., 1997. С.293.

имперская хозяйственная палата во главе с высокопоставленным менеджером А. Пичем, которой подчинялись региональные палаты. Во главе каждой, за исключением Баденской, стояли крупные менеджеры или собственники капиталистических корпораций. Но во главе баденской уже стоял премьер-министр Келер. Затем число чиновников в хозяйственном руководстве росло, а менеджеры капитала становились менеджерами фюрера. Капитал был подчинен чиновничеству, которое, однако, было существенно дополнено представителями капитала. Государственное регулирование определяло важнейшие решения «капитанов индустрии»¹⁹². Предприниматели вступили в НСДАП и были назначены «фюрерами» своих предприятий.

Указывая на общность между фашистскими социально-экономическим системами и практикой ГМК в плюралистических государствах Запада, я вовсе не хочу бросить тень на Рузвельта и других социал-либеральных политиков. Здесь мне важно сделать методологический вывод – фашизм и в частности нацизм имеет множество сходств и различий с самыми разными системами. И нельзя на основе отдельных сходств делать вывод о типологической общности нацизма и сталинизма, или нацизма и рузвельтовской модели.

Наибольшая сущностная типологическая близость к нацизму может быть установлена у фашистских (национал-тоталитарных) режимов и идеологий, наиболее радикальной формой которых нацизм и является. Именно идеология, стратегия переустройства мира делает нацизм и его идейных союзников уникальными.

Стратегии миростроительства

Ключевое различие двух систем – в их идеологии, целях. Германский нацизм – крайний вариант национализма, идеи национальной консолидации. В 30-е гг. нацизм и фашизм в целом пользовались популярностью у людей правых взглядов, обеспокоенных «левой угрозой» и не видевших ничего плохого в национальном сплочении (за счет других этносов) и принципах аристократической иерархии. Например, влиятельный идеолог российской эмиграции Иван Ильин писал об общности того белого движения, идеи которого он

¹⁹² Подробнее об инструментах регулирования см. Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С.53-71.

выражал, с фашизмом и нацизмом: «основное и существенное единит все три движения: общий и единый враг, патриотизм, чувство чести, добровольно-жертвенное служение, тяга к диктаториальной дисциплине, к духовному обновлению и возрождению своей страны, исkanие новой социальной справедливости и непредрешенчество в вопросе о политической форме»¹⁹³.

У лидеров Западной Европы встречало понимание стремление немцев к «жизненному пространству», они ведь обладали колониями, которых Германия была лишена. Естественное пространство для германской колонизации лежит на востоке, где расположен СССР с его странной и пугающей социальной системой и революционными угрозами Коминтерна

Гитлер формулирует германские запросы на пространство так, чтобы это не выглядело, как претензия на англо-французские колонии: «Наше государство прежде всего будет стремиться установить здоровую и естественную жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста с одной стороны, и количеством и качеством наших территорий — с другой»¹⁹⁴, чтобы обеспечить «пропитание народа продуктами нашей собственной земли»¹⁹⁵. «Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие шестьсот лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалась ее государственное существование, и которая одна только служила залогом известной прочности государства»¹⁹⁶.

¹⁹³ Ильин И.А. Собрание сочинений. Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906-1954). М., 2001. С.323.

¹⁹⁴ Гитлер А. Мая борьба. М., 1992. С.545.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. С.556.

Гитлер полон оптимизма по поводу своего будущего восточного похода: «Если на свете сохранится хотя бы одно подлинно национальное государство достаточных размеров, то еврейская мировая сатрапия неизбежно погибнет в борьбе с национальной идеей»¹⁹⁷.

Главным препятствием на пути своих планов Гитлер считал евреев как в лице коммунистического движения, так и еврейского капитала, который, по мнению Гитлера, закабалил Германию и весь мир. «Евреи держат уже сейчас в своих руках современные европейские государства. Они превращают эти государства в свои безвольные орудия, пользуясь для этого либо методом так называемой западной демократии, либо методом прямого угнетения в форме русского большевизма»¹⁹⁸ О евреях, в которых Гитлер видит первопричину всех бед немецкого народа, автор «Майн кампф» пишет со жгучей ненавистью: «Евреи... были паразитами на теле других народов... Евреи были и остаются типичными паразитами, они живут за чужой счет. Подобно вредным бациллам, они распространяются туда, где для бацилл создается подходящая питательная среда... Евреи живут как паразиты на теле других народов и государств»¹⁹⁹.

Идеальные качества передаются по наследству. В этой гипотезе — суть расовой теории Гитлера. Говоря о людях, в том числе арийцах, Гитлер рассуждает о самцах и самках, как будто речь идет о кроликах. Важно вывести чистую породу — наряду с черепом правильной формы будет и правильный характер. «Личность должна быть безупречна в расовом отношении. Пускай человек будет немцем, индейцем или негром, и т.д. и т.п. Я одинаково уважаю всех. Мы можем работать и полагаться на каждого из них. У каждой нации есть вполне определенные черты. Соответственно, можно сказать, что какую-то работу один человек выполнит лучше, чем другой. В данном отношении люди не отличаются от собак и лошадей»²⁰⁰. Гитлер, конечно, лукавит насчет равного отношения к разным народам. К арийцам, славянам и неграм, не говоря о евреях, он относится совсем по-разному. Он считает, что все народы (разве что кроме евреев и цыган) должны иметь свое место в международном разделении

¹⁹⁷ Там же. С.542.

¹⁹⁸ Там же. С.541.

¹⁹⁹ Там же. С.256.

²⁰⁰ Гитлер А. Беседы с Отто Вагенером. // Завещание Гитлера. М., 1991. С.27.

труда. Одни – править, другие – работать у станка, третьи – подметать улицы, четвертые – мыть посуду.

И это не шокирует западного человека. Ведь в южных штатах США и в английских колониях примерно так уже и происходит – есть места для белых, есть для черных, есть для индусов.

Поскольку марксизм доказывает, что эксплуатировать чужой труд могут люди любой национальности, марксизм вызывает жгучую ненависть Гитлера: «Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает, таким образом, у человечества предпосылки его существования и его культуры»²⁰¹ Конечно, Гитлера не интересует личность человека из массы. Масса личностей должна покоряться аристократической личности вождя, который ведет нацию и расу к ее целям.

Я дал здесь слово Гитлеру для того, чтобы, во-первых, можно было сравнить и нынешнее массовое сознание (в том числе нашей страны) с этим «эталоном зла», а во-вторых, чтобы проиллюстрировать качественное различие нацистского и советского (в том числе сталинского) проектов. Советский проект был социально, а не этно-национально ориентированным. Он представлял собой синтез социалистических идей и национальных традиций страны. В СССР коммунистическая стратегия индустриальной модернизации и создания социального государства доминировала в определении курса режима, который шел на уступки традициям страны, использовал их, учитывал геополитические интересы страны. Значит ли это, как считают некоторые авторы, что Сталин совершил «явственный поворот от традиционных марксистско-ленинских классовых постулатов к геополитическому мышлению»²⁰²? Ю.Н. Жуков даже называет конкретную дату поворота от коммунистического курса к державному: между 23 декабря 1934 г., когда было опубликовано сообщение об отсутствии оснований для привлечения Зиновьева и Каменева к уголовной ответственности, и сообщением 16 января 1935 г. об их причастности к убийству Кирова. Вот в этот момент родился «сталинизм», понимаемый как «решитель-

²⁰¹ Гитлер А. Моя борьба. С.57.

²⁰² Капченко Н.И. Капченко Н.И. Политическая биография Сталина. Т.2. М., 2006. С.514.

ный отказ от ориентации на мировую революцию, провозглашение приоритетной защиту национальных интересов СССР и требования закрепить все это в конституции страны. Словом – ничем не прикрытий этатизм»²⁰³.

Сталин убедительно опровергал подобные предположения. Черты сталинской идеологии, которые не-троцкисты и нео-устряловцы возводят в степень принципиальных изменений, присутствовали в речах «вождя» и до 1935 г. – и ссылки на конституционные права, и уверения, что СССР не вмешивается в дела других стран, и, конечно, неустанная защита интересов и границ СССР. В качестве примера приведем фрагмент выступления Сталина на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.: «Им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам также не нравится капиталистический строй. Не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет миллиардными богатствами. Но раз мы уже согласились не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит обращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т.п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью...

Наша политика есть политика мира и усиления торговых связей со всеми странами... Ее же результатом является присоединение СССР к пакту Келлога... Наконец, результатом этой политики является тот факт, что нам удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты... Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»²⁰⁴.

Вот вам сталинский патриотизм и «этатизм» до 1934 г. Все эти положения остались в силе и после 1934 г. Сталинизм родился не в 1934 г., а в 1929 г., и зрелые формы приобрел после Большого террора.

В 1934-1936 гг. происходил не «отказ от идеи мировой революции» и т.п., а поворот во внешней политике СССР и культуре к большему прагматизму. То есть речь идет не о смене идеологии, стратегического вектора, а о темпе и методах продвижения к пре-

²⁰³ Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. М., 2003. С.113-114.

²⁰⁴ Сталин И. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). 27 июня – 2 июля 1930 г. М., 1934. С.55-58.

жней цели. О повороте к политике «коллективной безопасности» и «Народного фронта», о признании, что в истории дореволюционной России были не только отрицательные, но и положительные стороны.

Свое отношение к проблеме мировой революции Сталин прояснил в 1938 г., выдвинув концепцию «полной» и «окончательной» победы социализма. В СССР достигнута «полная победа социализма», созданы соответствующие внутренние отношения. Но пока существует капиталистическое окружение, победу нельзя считать окончательной. Для окончательной победы необходима «поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран мира, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах»²⁰⁵. Таким образом, Сталин в этом вопросе остался практически на прежней ленинской позиции «победы социализма сначала в нескольких странах», убрав упоминание лишь «наиболее развитых». Но задачи нужно решать постепенно – сначала победить в нескольких странах при поддержке рабочих всего мира. Такую стратегию трудно назвать отказом от идеи «мировой революции». Сталин продолжает глобальную борьбу с Западом, апеллируя к классовой, а не какой-то «геополитической солидарности» с СССР.

Нет никаких документов, которые свидетельствуют об отказе Сталина от цели победы коммунизма в мировом масштабе и тем более – от классового мышления, от самосознания себя как марксиста-ленинца. Марксистско-ленинский инструментарий Сталин использует даже в своих последних статьях. Сталин и до, и после 1934 года отождествлял успехи коммунистического движения и успехи СССР. Поэтому бессмысленны попытки определить, до каких пор Сталин был коммунистом, а когда стал патриотом.

Сталин, конечно, всегда был государственником (этатистом). Он способствовал укреплению государства. Но не Российской империи, а нового, «советского» государства. Сталин разъяснил, что считал нужным унаследовать у старой России, а от чего отказаться. Коммунистам досталась в наследство «громадная страна, крестьянская по своему составу, с некоторыми очагами промышленности, точками, где мерцают, теплятся зачатки культуры, а по преимуществу средневековье... Русские цари сделали много плохого. Они грабили и по-

²⁰⁵ «Правда», 14 февраля 1938 г.

рабоцщали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство – до Камчатки. Мы получили в наследство это государство»²⁰⁶. В этой речи Сталин даже не постеснялся употребить белогвардейское выражение «единое неделимое государство».

СССР – это не только территория, но и новый социальный строй. Сталин считал нужным сохранить первое и гордился, что коммунисты сумели существенно изменить второе. Советская эпоха – это этап в истории страны. Российская империя – другой этап, который закончился в 1917 г. Не меньше, но и не больше.

Сталин с начала XX века и до самой смерти был коммунистом и потому – патриотом СССР. Его маневрирование между более умеренной и более наступательной внешней политикой было подчинено цели создания монолитной мировой коммунистической системы с единым центром. И центр этот был в Кремле, а ядром системы был СССР.

По существу речь идет о двух противоположных стратегиях развития человечества – этноцентричной и социоцентричной. Отсюда неизбежность столкновения СССР и Германии, в котором решалась судьба человечества.

В результате того, что во Второй мировой войне победила коалиция либералов и коммунистов, а не либералов и фашистов (чтоказалось вполне реальной перспективой еще в 1938 г.), произошел сдвиг идеологического и мировоззренческого мейнстрима как в Европе, так и в мире. То, что было прилично до 1939 г., стало неприлично после 1945 г. – расизм в США, колониальная система, ксенофобия. Мир еще десятилетия доделывал работу 1945 года. Увы, эти достижения после 1991 г. подвергаются эрозии.

²⁰⁶ Невежин В.А. Застольные речи Сталина. М., 2003. С.77, 148.

ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Марина Анатольевна – к.и.н., заместитель руководителя Старорусского политехнического колледжа при Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Россия

БЕЛЫЙ Александр – PhD, историк, Белоруссия

БОГОВ Владимир – магистр философии, историк-краевед, Латвия

БРЮТМАН Таль – PhD, сотрудник музея и центра документации «Мемориал Шоа», Франция

ГЕРАСИМОВА Инна Павловна – к.и.н., директор музея истории культуры евреев Беларуси, председатель республиканского фонда «Холокост», Белоруссия

ГРЕБЕНЬ Евгений Александрович – к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, Белоруссия

ДЮКОВ Александр Решидович – директор фонда «Историческая память», Россия

ЙОФФЕ Михаил Леонидович – руководитель центра по оказанию правовой помощи соотечественникам, Россия

КОВАЛЕВ Борис Николаевич – д.и.н., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Россия

КРИНЬКО Евгений Федорович – д.и.н., и.о. заместителя директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия

ОЛЕХНОВИЧ Дмитрий – PhD, преподаватель кафедры социологии факультета социальных наук Даугавпилсского университета, Латвия

СЕЛЕМЕНЕВ Вячеслав Дмитриевич – к.и.н., директор Национального архива Республики Беларусь, Белоруссия

ШУБИН Александр Вадиленович – д.и.н., руководитель центра изучения России, Украины и Белоруссии Институт всеобщей истории РАН, Россия

Nazi extermination policy in the Nord-West of the USSR: regional aspect

International conference papers

(Pskov, December 10-11, 2009)

A.Dyukov

Nazi exterminatory policy in the occupied Soviet territories: The lines of investigation

War in the East was a special war for Nazi Germany. Here, in the areas inhabited by the submen, neither moral nor legal rules were observed; violence was the only means of securing Reich and whole Europe safety. During closed sessions Nazi leaders spoke without disguise about necessity for extermination of millions of Soviet citizens. These plans were not only plans – they were realized actively and obdurately.

Red Army troops in the lines and partisans in the rear partly frustrated Nazi plans of depopulation; but that, what Nazi managed to do, was beyond belief by its enormity. The result of Nazi control in Soviet territories was really horrifying. Red Army troops found released areas literally desolated. There were villages burnt down to the ground, half-ruined cities and draves everywhere. According to Soviet official figures, 1710 cities and urban settlements, 70 thousands of settlements and villages, 30 thousands of industrial enterprises, about 100 thousands of collective farms, 40 thousands of hospitals and medical institutions, 84 thousands of schools were fully or partly destroyed. About 25 millions of people lost their homes.¹ The economy of liberated territories had to be restored literally from ruins. Although Nazi policy of “scorched earth” could not save the Third Reich from imminent defeat, it resulted in half-starved life of USSR citizens during the first post-war years.

The loss of life turned out to be much more horrible than the loss of property. Of the 70 millions of Soviet people fell under the Nazi sway only every fifth survived. About 7,5 millions of people were shot up and burnt, 2,1 millions died at compulsory works in Germany, more than 4 millions died from hunger and absence of medical treatment in the occupied territories. Besides, the Nazi killed about 3 millions of Soviet war prisoners.²

It would seem, that this horror could be hardly forgotten; but it took less than sixty years to forget about genocide of Soviet people, moreover,

¹ Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодействиях немецко-фашистских захватчиков. Москва, 1946. С. 429.

² Россия и СССР в воинах XX века: Потери вооруженных сил: статистическое исследование. Москва, 2001. С. 231 – 234, 454 – 463; Население России в XX веке: Исторические очерки. Москва, 2001. Том 2. С. 50.

it happened not somewhere in the West, where people knew not much about it, but in our own country.

Today, here, it is preferred not to speak about the cold-blooded exterminatory policy conducted in the Soviet territory. And what is more – too many people try to pretend, that no crimes were committed by the German occupational troops, that there were only incidents unavoidable during the war.³

And even if someone says indistinctly something about the “heroic deeds” of Nazi, then right there he switches to conviction of Stalinism, in particular, and Soviet totalitarian regime, in whole. But, it would seem, what's that got to do with the Soviet regime?

“Real historical memory is intentionally erased, – notes in this connection the historian Natal'ya Narochitskaya – geopolitical project of Hitler – annihilation of whole countries and nations and taking away their national life – is forgotten. But, if we never forget about the sufferings of the Jewish people, then why the world community and the Jews themselves paradoxically with a growing loyalty look at the successors of Nazi legions in Baltic States, Ukraine, Byelorussia, whose hands are covered with blood of thousands of Jews and Slavs? And why the Slavs are not mentioned at all as victims of Hitler's genocide? Is not that because it allows to lay the blame for fascism on those who showed the strongest resistance to Hitler aggression and made the second Oswiecim impossible?”⁴

The propagandistic bacchanalia, organized in foreign and in a number of home mass media on the threshold of the 60-th anniversary of Victory fully confirms this assumption.⁵

However, it cannot be denied that to a considerable extent this situation became possible because of our own fail to manage.

During the War thousands of articles and tens of books were devoted to the Nazi crimes. Alexey Tolstoy and Mikhail Sholokhov, Ilya Ehrenburg and Konstantin Simonov using their writing talent described the hell embodied by the Nazi in the occupied Soviet territory for the world and the country. The reality was more horrible than any tales; the Soviet writers and journalists cited the orders of Wehrmacht and SS Headquarters,

³ See, for example: Taratukhin K.L. *Livny pri nemtsah // Pod okkupatsiei, 1941 – 1944*. Moskva, 2004. S.54 – 75

⁴ Narochitskaya N.A. *Za chto I s kem my voevali*. Moskva, 2005. S. 66.

⁵ See, for example: Krestovskij V. *Vojna i novye ideologicheskie markery v anglo-amerikanskikh SMI // 60-letie okonchaniya Vtoroy Mirovoy i Velikoy Otechestvennoy voiny*. Moskva, 2005. S. 147 – 161.

diaries and letters of German soldiers and officers – and that was more than enough. When it became possible, publication of sound collections of documents started; now even the most persistent skeptic could not accuse the Soviet party of propagandistic distortion of facts.⁶

Publication of documents collections continued both fifteen and thirty years after.⁷ The important documents were introduced into scientific circles, but their use left much to be desired. For that there were two reasons.

Firstly, psychological shock of the Soviet society was too strong. Its investigation by fresh traces was much as to reopen a green wound; some time must pass, before tragedy happened could become a subject of perception.⁸

Secondly, the post-war Soviet Union happened not to be interested in such investigations – because except for German troops and police the forces of collaborators from the national republics also took an active part in annihilation of civilian population.

In its time the Soviet government made a lot to prevent the growth of international dissension seeds, sowed by the Nazi. After the war the Kremlin showed by any measure extraordinary humanity by amnestying all the collaborators and policemen who have occupied the minor positions – if they have not been mixed up with killing, and if they have not fled the Germans. Those who have fled were given only six years of banishment each.⁹

That was made for quite pragmatic reasons: the country brought to ruins by the hardest war needed peace, in solidarity, and not in splitting. By the same reason after some time a tacit veto was set on investigations of Nazi occupation: careful investigations of this subject could break the civil peace in the country, sharpen international problems.

⁶ To assure oneself of that, it is enough to compare the documents published later with their presentation in the articles of the Soviet propagandists. Anyone can see that no changes are made, except for reasonable editorial changes. The documents are self-explanatory. See, for example: Ehrenburg I.G. Voina, 1941 – 1945. Moskva, 2004. S. 304 – 310; Pavlov V.V. Dnevniki gestapovtsa // Lybyanka: Istoriko-publitsisticheskiy almanach. Moskva, 2005. Tom 2. S. 91 – 112.

⁷ Dokumenty obvinyaut. Moskva, 1945. Tom 1 – 2; Sbornik soobsheniy Chrezvychainoy Gosudarstvennoy Komissii o zlodeyaniyah nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov. Moskva, 1946; Nemetsko-fashistskiy okkupatsionnyi rezhim, 1941 – 1944. Moskva, 1965; My obvinyaem. Riga, 1967; Prestupnye tseli – prestupnye sredstva. Moskva, 1968; Prestupnye tseli fashistskoy Germanii v voynie protiv Sovetskogo Soyuza. Moskva, 1987.

⁸ The same thing happened with Holocaust memory, detailed analysis of which began only in 70s. See: Vel'tser Kh. Istorija, pamyat' i sovremennost' proshloga // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2 – 3. S. 34.

⁹ Dyukov A. Milost' k padshim: Sovetskie repressii protiv natsistskikh posobnikov v Pribaltike. Moskva, 2009.

In the end political practicality happened to be more important than historical conscientiousness. The horrors of the Nazi occupation remained in peoples memory, but were not recorded by the chronologists, and only in the works, devoted to the Soviet partisan movement, one could find small sections about the occupational policy of Nazi, sections, which had minor and illustrative character.¹⁰

In the end political practicality happened to be more important than historical conscientiousness. The horrors of the Nazi occupation remained in peoples memory, but were not recorded by the chronologists, and only in the works, devoted to the Soviet partisan movement, one could find small sections about the occupational policy of Nazi, sections, which had minor and illustrative character. The important exception is the Byelorussian SSR, – one of the republics which suffered the most from the Nazi genocide. It is in the Minsk where in 1984 the monography “The Nazi policy of genocide and “scorched earth” in Byelorussia” was published in small circulation. Almost 70% of it is devoted to listing of destroyed Byelorussian villages, death camps, organized in the territory of the republic, and description of the major “contrpartisan” operations.¹¹

In Germany, Poland and Israel the investigations of different aspects of the exterminatory war in the East had far more thorough character, than in the Soviet Union and later in Russia. In Germany (in both parts of the country divided by the Berlin wall) during thirty years several dozens of monographies on this subject were published. Hans-Adolf Jacobson investigated the history of appearance and realization of the ominous order “On commissars”, Manfred MesserSchmidt showed, how strongly the Wehrmacht was saturated with the Nazi ideology, Norman Muller and Andreas Hilgruber told about the exterminatory war, Christian Shtreit – about annihilation of Soviet prisoners of war, Helmunt Krausnik and Hans-Genrikh Vilgelms – about the crimes of combat groups (Einsatzgruppen).¹²

Soviet historical institutions haughtily ignored these investigations, at that it did not conduct its own investigations. Rarely, however, it was allowed to translate some foreign monography. Russian translation of the

¹⁰ This trend also happened to be characteristic of post-soviet investigations. See: *Partizanskoe dvizhenie: Po oppty Velikoy Otechestvennoy voiny 1941 – 1945 gg.* Moskva, 2001. S. 83 – 101; *Popov A. NKVD I partizanskoe dvizhenie.* Moskva, 2003. S. 69 – 77; *Voina i obshchestvo. Tom 2.* S. 264 – 293.

¹¹ *Natsistkaya politika genotsida i ‘vizhennoy zemli’ v Belorussii, 1941 – 1944.* Minsk, 1984.

¹² *Istrebitel’naya voina na Vostoche: Prestupleniya vermahta v SSSR, 1941 – 1944.* Moskva, 2005.

work of polish researcher Sh. Datner “Crimes Nazi Wehrmacht in Relation to Prisoners of War” was published in 1963; the next monography of east German historian G. Muller “Wehrmacht and Occupation” – had to wait for eleven years. These two works for a long time remained the only available investigations on this subject in the Soviet Union. There was one more short translation of the bright monography of K. Shtrajt “Do not consider them as soldiers” – however, published under the label “Dispatch according to special list”, this work remained unavailable not only for average readers but also for researchers.

It is no wonder that by the beginning of perestroika the exterminatory war of Nazi against our people was forgotten. Of course it was forgotten by historians and politicians. People's memory on horror of Nazi genocide was still alive, and when the writer Svetlana Alekseevich collected the stories about the past war, the responders told her such details of the occupants crimes which could make you go mad. She could be the first domestic researcher of Nazi exterminatory policy¹³; but she turned the collected stories not into the symbol of occupants crime but into the abstract horrors of war. It's not deniable that every war is terrible; but it is important to understand that millions of annihilated Soviet people are victims of cold-blooded policy of depopulation, and not war.¹⁴

Unfortunately, it was not understood and perceived – and soon it was the Soviet government, who was blamed for annihilation of Soviet civilian population and prisoners of war by Nazi, as if it provoked the decent Germans to commit cruel and mass killing, and sent those who survived in occupation to the Siberian camps. All that was nothing more than repetition of theses of Goebbels propaganda, but voluntary disarmed official historical institutions could adequately answer back to accusations of anti-Soviet propagandists; the accusations as far aggressive as false.

And now, here is our country blamed for occupation of Baltic States – and these accusations proceed from the successors of those castigators, who annihilated hundreds of Jews, Russians, Byelorussians and Ukrain-

¹³ It is fair to mention the book prepared by Ales' Adamovich, Yanka Bryl' and Vladimir Kolesnik “Ya iz ognennoy derevni...” (Minsk, 1977). This book was also based on memories of people passed through the occupation, but the style of the book was almost unreadable. Personally I can not understand how one could make this material unreadable – but the fact remains.

¹⁴ The German researcher Paul Kohl was collecting the stories of people passed through the occupation at the same time and managed to do what Aleksievich failed to do. His final book was devoted directly to the crimes of Nazi: Kohl P. “Ich wundere mich, dap ich noch lebe”: Sowjetishe Augenzeugen berichten. Glitersloh, 1990. In very truth, there is no prophet in own motherland!

ians, who salted cut off heads of farmers in barrels and thrown babies in wells. Billion compensations and “confession” are claimed from us – and we can not give a proper answer.

And now the Soviet Union is represented as the same devil incarnate as Nazi Reich, and democrats fed by perestroika are murmuring stubbornly and with hate: no, our fascism was more terrible than Hitler’s fascism!

Do they know what the fascism is and what a disaster it brought to our country?

Now the half-baked Vlasovtsy are keening about mythical crimes of Soviet partisans and Red Army. They have the reason for this keening – in fact, it is the soldiers of Soviet resistance who prevented crimes of Nazi and their local accomplice!

But we do not hear any objections to this spiteful slander.

It is not because there is nothing to object – it is because there is no anybody to whom we can object .

In Israel a lot of specialized scientific institutes study Holocaust history; and we have no at least one researcher, who is systematically investigating the history of Nazi exterminatory policy conducted in the occupied Soviet territories – of this, by definition of German historians , “another Holocaust”.

Today a lot of people investigate a problem of collaboration, write about “Russian soldiers of Wehrmacht” who were fighting “under the enemy colours”. Certainly, knowledge of structure and principles of collaborationist unions formation is very useful – but is not it more important to know the functions of all those East battalions, Baltic SS and ancillary troops? But it is preferred to speak about it in distinct manner – otherwise instead of noble fighters with Stalin totalitarianism people see cruel executioners of their own nation.¹⁵

There is a number of books and articles about the tragedy of the Soviet prisoners of war and ostarbeiters; but too often instead of Nazi exterminatory policy investigation the authors of these works begin to repeat beaten and false anti-soviet myths. And it is no wonder that again as in Soviet times, the best work about fate of the Soviet captured is a monography of

¹⁵ Even such objective scientist as B.N. Kovalev fell for this fashion. His outstanding monography “Nazi occupation and collaboration in Russia” (2001, Reediton 2004) contains description of division of occupied territory, activity of Nazi secret services, formation of collaborationist unions, economic “development” of occupied territory by the Nazi, agricultural, taxation, national and social occupational policy, methods of ideological indoctrination of population. All but the genocide policy of the invaders.

a foreign researcher. The Israeli historians for obvious reasons always paid much attention to the German exterminatory policy in the East. It goes without saying that first of all they were interested in the Holocaust history; but “final decision of Jewish question” conducted by the Nazi is the integral part of the general concept of the exterminatory war in the East, and these connections can not be ignored. This fact was demonstrated by the Israeli historian Aron Shneer in his fundamental “Captivity”, published in Russian in 2005.

Paradoxical though it may seem, the one and only domestic collection of reports on Nazi exterminatory policy owes its origin to the foreign historians. In Germany scientists always tried to remember the Nazi crimes in the Soviet territories; after USSR's disintegration the natural scientific conscientiousness made the Germans take a try to understand, how their own investigations conform with works of their Russian colleagues. For this purpose the scientific centre “East – West” of the Kassel University organized a meeting “The Exterminatory War in the East. Wehrmacht Crimes in the Soviet Union in the eye of Russian scientists”. The meeting was held in June of 1998; not but that Russian scientists could say something brand new, but as an introduction into the problem their reports were more than convincing. That is why next 1999 year, the materials of the meeting were published in German. Russian historical science is exhaustingly characterized by the fact that in Russian this quiet useful edition were published only after six years – in May of 2005.

For comparison we can check the scene in Byelorussia, where nobody was going to forget about the hell created by the invaders. There already in post-Soviet time in a short period the collections of documents “The Nazi genocide in Byelorussia in 1941 – 1944”, “The Byelorussian ostarbeiters” (in 4 books), “The Nazi gold in Byelorussia”, “Guide on Nazi camps, ghetto, other places of civilian population imprisonment in temporary occupied territory of Byelorussia” (two editions) and “Death camp Ozarichi” were prepared and published.¹⁶

In Russia the investigation of Nazi exterminatory policy was not conducted for a long time — except for investigation the Holocaust history,

¹⁶ Zalozhniki vermachta (Ozarichi – lager' smerti) = Die Geiseln der Wehrmacht (Osaritschi – das Todeslager). Minsk, 1999; Lager' smerti Torostenets. Minsk, 2003; Lagerya sovetskikh voennoplennykh v Belorussii, 1941 – 1944 = Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941-1944. Minsk, 2004; Svidetel'stvyut palachi: Unichtozhenie evreev na territorii Belorussii v 1941 – 1944 gg. Minsk, 2009, etc.

main results were summarized in fundamental monography of a historian Ilya Altman "The Victims of Hatred: Holocaust in USSR, 1941 — 1945" published in 2002 and in encyclopedia "Holocaust in the territory of USSR" published in 2009.¹⁷

Interest to Nazi genocide investigation was initiated only by 60-th anniversary of Victory, hysterical reaction to which of East European politicians and western mass media made it necessary to refuse Soviet practice of politically correct oblivion of Nazi exterminatory policy victims.

The collection "The Exterminatory War in the East", which we have already mentioned, was almost the first post-Soviet publication on this subject, but it did not remain the only one. In 2006 the publishing house "Europe" published three collections of documents devoted to the crimes of Nazi Baltic accomplices.¹⁸

The researchers will have just to analyze the dynamics and the scale of Nazi exterminatory policy, its peculiarities in different republics of the Soviet Union, involvement level of Wehrmacht unions, SD, SS and collaborationist unions (not after all the others) in annihilation of Soviet citizens.

All that is a matter for the future (we hope – the nearest future); meanwhile the main lines of investigations must be defined.

Firstly, these are so-called "contrpartisan actions", to a great extent coming to slaughter of population of repressed territory. It should be known that German forces have developed quite an effective method of struggle against partisans. Specially formed "hunting brigades" (yagd-commands) led the invisible war in the woods, annihilating the whole partisan detachments; at that the civilian population did not suffer, practically.¹⁹ Large-scale punitive actions, however, were conducted by the Nazi starting from July-August of 1941 and were just implicitly connected with contrpartisan struggle. At that the impossible task of such operations – to annihilate as much Soviet "submen" as possible – was clearly realized by Nazi generalship and executors.²⁰ In should be noted that in the occupied

¹⁷ Altman I. *Zherty v nemavisti: Cholokost v SSSR, 1941 – 1944*. Moskva, 2002; *Cholokost na territorii SSSR: Entsiklopedia*. Moskva, 2009.

¹⁸ Latvia pod igom natsizma. Moskva, 2006; Tregediya Litvy. Moskva, 2006; Estonia. Krovavyi sled natsizma. Moskva. 2006.

¹⁹ Middeldorf E. *Russkaya kompaniya: Taktika i vooruzhenia*. Moskva; Sankt-Peterburg, 2001. S. 432 – 433; Dickson C.O., Galebrunn O. *Kommunisticheskie partizanskie deystvia*. Moskva, 1957. S. 170 – 172; Malaya voina: Organizatsiya i taktika malych podrazdeleniy. Minsk, 1998. S. 400 – 406, 427 – 456; *Antipartizanskaia voina v 1941 – 1945 gg.* Moskva, 2005. S. 103 – 116.

²⁰ German historians came to such conclusions long ago. For instance: Heer H. *Die Logik des Vernichtungskrieges: Wehrmacht und Partisanenkampf* // *Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht*,

western countries annihilation of the civilians in the scope of “struggle against partisans” started only in 1944 and had a small scale.

The second problem is that annihilation of Jewish Soviet citizens by Nazi is investigated better than any other line of Nazi exterminatory policy. But investigation of annihilation of Soviet Jews together with other annihilative operations will allow to come to new and very important conclusions. Thus, “final decision of Jewish question” became one of the consequences of “criminal orders” adopted prior to attacking the Soviet Union, focused on annihilation of Soviet prisoners of war and depopulation of occupied territories.²¹ It is also necessary to bring to light the propagandistic component of the Holocaust; according to some statement of Nazi leadership, annihilation of Jews helped to recruit new co-belligerents in struggle against “Jewish Bolshevism”, as well as to declare, that non-Jews would not be hurt. In whole, one must agree with the thought expressed by Christian Streit: “Although a tendency to separate the annihilation of the Jews and the war against the Soviet Union is intruded to a considerable extent in the minds of western German society, – he wrote, – in fact “Hitler war in the East” and “final decision of Jewish question” were closely connected in time and in principle”²².

The Leningrad blockade is one of the essential elements of Nazi exterminatory policy. The Nazi generalship pre-planed the annihilation of population of that city; the same fate was prepared for Moscow citizens. Investigation of that Nazi crime began way back in Soviet times; to date it is fully investigated both by Russian and foreign specialists.

The Nazi policy of Soviet prisoners of war annihilation is thoroughly investigated: three of four monographies translated into Russian and related to Nazi exterminatory policy are devoted to war prisoners fate. Nevertheless, investigation of this problematic issue remains actual, because it helps to look newly at background of so-called “Russian liberation movement”. Not in vain the efforts of historians and revisionists, such as Joachim Hoffman, are focused on an obvious falsification of Soviet prisoners of war position in Nazi captivity.

²¹ 1941 – 1944. Hamburg, 1995. S. 104 – 156.

²² In this respect the following statement of Hitler is very characteristic, dated January of 1942: “I do not see any other decision besides their annihilation. Why do I have to see in a Jew something different compared to Russian prisoners of war? A lot of people die in prison camps. It is not my fault. Why did the Jews provoke this war?” - Trevor Roper Kh. Zastol’nye besedy Hitlera. Moskva, 2004. S. 237 – 238.

²² Shtrajt K. Soldatami ich ne schitat’Vermacht I sovetskie voennoplenyye v 1941 – 1945. Moskva, 1979. S.24.

The so-called “molecular” violation of the Nazi invaders is not investigated absolutely. As you know, prior to attacking the Soviet Union by a number of orders The Nazi Command released German military servicemen from responsibility for legal crimes against the Soviet citizens. This resulted in slaughter of civilian population, unbridled and all-round violence against women. Untrammeled crimes had such a scale that caused serious concern of the German military command, reflection of which we can find, in particular, in the diary of the German General Staff commander – general Galder; even Hitler was concerned with cruelty of these crimes. Such crimes are recorded both in recollections of witnesses, and in numerous documents of the Soviet secret service, state security agencies and partisan forces.

Operations on civilians capture and annihilation, conducted by Nazi in 1943 – 1944 in the scope of “scorched earth” policy, are poorly investigated. Such operations often got self explanatory code names: “Ghetto”. Description of camps, in which the people were whisked off, makes a really terrible impression; moreover, attacking troops of Red Army found villages with houses, packed with dead bodies of shot up children, women, old people.

Economical robbery of the occupied territories is directly connected with Nazi exterminatory policy. This robbery is poorly investigated; as far as one can judge they were aimed not only to “pumping out” of required material sources from the occupied territories but also to purposive destruction of the Soviet socio-economic structure, deindustrialization of the occupied areas and their economic fragmentation. It resulted in a severe hunger, as a consequence all the population of the occupied territories, according to German documents, was “under the threat of starvation”, and millions of them died from hunger.

Use of people whisked off to Germany as a labor power also, to a large extend, had an exterminatory character; this aspect is poorly investigated, although it is mentioned in a number of works. First of all, it is necessary to mention a thorough monography of Pavel Polyan; but its name – “Victims of two dictatorships” shows ideological preconception of the author.²³ And, unfortunately, this preconception at times has a serious effect on conclusions adequacy. “Archipelago OST” by Viktor Andriyanov is also

²³ Polyan P. Zhertvy dvuch diktatur: Zhizn', trud, unizhenie i smert' sovetskikh voennoplennnykh i ostorbaiterov nachuzhbine i na rodine. Moskva, 2002.

a good work.²⁴ But one cannot call it investigation : retelling of fates of people whisked away for German hard labor is a good thing, but it could not replace the analysis itself.

The analysis is required – because even superficial acquaintance with the problem allows to make a conclusion about uniqueness of the exterminatory policy, conducted by the Nazi against our fellow citizens. “The Germans conducted warfare against the British, the French and the Americans, on the one side, and with the Russians – on the other side, – wrote the director of Russian History Institute RGGU Andryej Fursov. As it was mentioned by a German philosopher and political thinker Karl Schmitt, during the Second World War Germany conduct two wars: normal one – at the West front and quite another, total, – at the East front. The first war had usual military purposes; the second war be aimed at physical destruction of other ethnic group, destruction of enemy as a Hostile Species”²⁵

Without understanding of things occurred in the occupied territory we never could understand the events of the most terrible and important war in our history, as well as – what was prepared for our grandparents in case of defeat.

Only by keeping in memory this cruel exterminatory policy conducted in the occupied territory, we could understand properly the partisan movement and collaboration phenomena, the historical role of partisans preventing Nazi crimes and Nazi accomplices taking an active part in these crimes.

Only knowing the scale of Soviet citizens annihilation conducted by the Nazi, we can admire moral deed of the Red Army, which after entering the German land, on the whole, refrained from revenge.

In investigation of the Nazi exterminatory policy against our multinational community there is a key to understanding the Great Patriotic War in whole. And the Great Patriotic War history, in its turn, is a “point of contact” both of domestic history of XX, and of Russian modern society.²⁶ Just in that there is a pragmatic actuality of such investigations.

²⁴ Andriyanov V. Archipelag OST: Sud'ba rabov Tre'tego Reycha v svidetel'stvach, pis'mach i dnevnikach. Moskva, 2005.

²⁵ Fursov A. Tret'iy Rim i Tret'iy Reych: tret'ya schvatka // Politicheskiy klass. 2006. № 7. S. 89.

²⁶ Kurginyan S. Tochka sborki: Pobeda kak glavnii nervnyi uzel vsey rossiyskoy duchovnoy, kul'turnoy i politicheskoy problematiki // Rossiya – XXI. 2005. № 3. S. 4 – 47.

E. Krinko

The Nazi occupation and collaboration during the Great Patriotic War: Investigation problems and perspectives

The Nazi occupation of USSR territory during the Great Patriotic War is one of the most polemical problems in the modern historiography. The Soviet historians defined the mass repressions of the invaders, robbery of captured areas, rightlessness of the inhabitants. The essence of a “new order” came to intention of the invaders to destroy the Soviet social and state system, the socialist system of economy, root out the Marxist-Leninist ideology, kill most of the population, “and turn the rest into slaves, rob as much national wealth as possible – food, raw products, finished products”.²⁷

At the same time there was a significant influence of the ideology in coverage of this problem, poor attention was paid to the specificity of certain territories occupation, day-to-day life of population. There were no analysis of the structure of occupational administration, there were only separate lines of its activity, which could be explained not only by existing approaches, but also by capability of the source base available to researchers. The main sources were the documents of the Emergency State Commission on determination and investigation of crimes, committed by the Nazi invaders and their accomplices from the funds of Public Record Office of Russian Federation (GARF), as well as from republics, regional commissions in the local archives. The materials of occupational agencies, as well as of enterprises and institutions, operating in the occupied territory, remained classified in most cases.

Collaboration of Soviet citizens with the enemy in 1941–1945 remained much less investigated. There were no separate chapters or articles devoted to this theme neither in fundamental works nor in reference editions dedicated to the Great Patriotic War, and few special works mostly were disclosing the “bourgeois nationalism” in Baltic States and Ukraine. Publications on collaborationists were often overflowed with errors and inaccuracies, at times the facts were directly misrepresented. The reasons of collaboration were reduced to subjective factors, to malign personal

²⁷ Vtoroy mirovoy voiny, 1939 – 1945. Moskva. 1975. Tom 4. S. 340.

characteristics of individuals, from fear and vainglory to greed of profit and anti-Soviet attitude.

“Peripheral” character of Nazi occupation in the domestic historiography is explained, to a large extent, by the fact that returning to this situation caused painful questions about the reasons of Workers and Peasant Red Army (RKKA) failures during the early part of the war, which resulted in leaving the significant part of USSR territory, mass collaboration of Soviet citizens with the enemy, its actual reasons. As a result a kind of substitution of subject matter occurred: often the occupation was considered as a component of the inhabitants resistance to the invaders, as a complex of consequences, where a nation-wide struggle against the enemy was conducted, and their coverage must not hide its heroic, nation-wide character.

Generally, types of occupational regime in the occupied territory of USSR were separated on the bases of administrative criteria (occupied territories control system and its administrative belonging):

- the occupied Soviet territory with civilian administration, included in Reich commissariats “Ostland” and “Ukraine” (Baltic States, Ukraine, Byelorussia, part of the Leningrad Region),

- the occupied Soviet territory with military administration, covering a zone from the front line to the rear boundaries of groups of armies (the major part of RSFSR occupied territory),

- annexed Soviet territories (Western Ukraine – Lvovskaya, Drogobuchskaya, Stanislavskaya and Ternopolskaya regions – transferred to be a part of Polish General-Government and formed a district “Galitsiya”, the territories westward of Yuzhnyi Bug and Moldavia formed Transnistriya being a part of Roumania).

But the occupational policy also had some specific peculiarities in separate regions of USSR, both connected with operation of the occupational administration and with time of occupation, types and scale of collaboration and other circumstances. In this connection the problems of comparative analysis and determination of occupation types remain actual.

From the beginning of 1990s in domestic historiography much more attention was paid to the problem of Soviet territories occupation. Both occupational policy – system of measures, undertaken by occupation authorities, and occupational regime – a system of mutual relationship between the invaders and the inhabitants are actively investigated. Special investigations disclose the peculiarities of “lokotskij” and “caucasian ex-

periments" (definition "experiment" itself underlines "uniqueness" of policy conducted). At that the essence of the Nazi occupation in major part of the investigations is not subject to review. However, There appeared the works separating from the previous historiographical tradition (A. Gogun, B. Sokolov and others). In modern historiography, plans of Germany related to the Soviet territories, structure and directions of occupational administration activities, its socioeconomic and national policy, types and methods of Nazi propaganda, agricultural, taxation and financial reforms, activities in religious life, in health care, education, social security are disclosed. Recall of tragic fates of "Eastern workers" became a new plot in modern historiography.

Investigation of collaboration also turned from a marginal plot into one of the most popular investigative directions. And if the works of 1990s were characterized by fragmentarity, inconsistency and polemic bitterness, appropriate of publicistic literature, then lately serious integrating and special works were published. Refusal of ideological dogmas and stereotypes, attraction of new sources allowed to switch to more reliable conclusions on scale and reasons of this phenomenon.

Review of the previous provisions is reflected in use of new terminology. In Soviet times to identify persons, cooperating with the enemy, definitions like "enemy accomplices", " betrayers" and "traitors to their country" with negative meaning, and even more hard words ("Nazi grovellers" and others) were used mostly. The term "vlasovtsy" was also used, it had extended meaning, because Russia Liberation Army (ROA) of general A.A. Vlasov was formed at the very end of the war, and a number of armed units formed of the Soviet citizens, fighting on the side of Wehrmacht, never became accountable to him. Moreover, separate collaborationists and emigrants leaders, later "honoured" to bear this name, appeared to act as Vlasov's direct opponents and adversaries. But it is true that a lot of Soviet citizens, mostly among the war prisoners, served in Wehrmacht units and Luftwaffe and had no connection to Vlasov, began to wear hash marks ROA after his speech in 1942. But it had directly propagandistic character, because there were no ROA as a force at that time.

In foreign and emigrant historiography definitions from German military documents such as "liberators" and "volunteers" were often used in relation to Soviet collaborationists. Use of such terms in conditions of the "cold war" had obvious political and ideological engagement, underlining total and anti-peoples character of the Soviet regime, and struggle of its

own citizens against it was shown as a heroic deed. Armed collaborationist units and respective political structures were considered as a sort of a “third power” between Stalin and Hitler. But no “liberation” function could ROA perform, all the more at the end of the war, when its outcome was already predetermined, and a lot of soldiers of these formations made their choice not always voluntary.

At the present time cooperation with an enemy is defined at most by the term “collaboration” (from French collaboration – cooperation). At that in French this term had extremely negative meaning, but its foreignness gives it neutral meaning in Russian, in comparison with the previous evaluating categories. Till 1990s this term was very rarely used for designation of Soviet citizens cooperation with the enemy neither in domestic nor in foreign historiography and was used for characterization of such phenomena in the occupied countries of Europe and Asia. Ideological prejudice mentioned above played its part. The majority of researchers admit different reasons for cooperation (political, national, social), note that representatives of all the Russian social classes were involved, pay their attention to the fact that in occupation conditions a part of the Soviet citizens lost traditional political and moral orienting points. The Nazi propaganda, nationalistic attitude, careerism, material benefit and other consequences played their part.

The introduction of significant empiric material into scientific circles allowed to propose different typologies of collaboration. The majority of researchers consider the sphere, in which cooperation with the enemy was performed, as a criterion. S.V. Kudryashov separated military, political and economical (civil) cooperation, proposed to divide passive and active (with the weapon) military collaboration.²⁸ N.M. Ramanichev gave account of four main types of collaboration with the invaders: political, administrative, economical and military.²⁹ M.I. Semiryaga separated domestic, administrative, economical and military-political collaboration, specifying that the range of collaboration types is very large.³⁰ B.N. Kovalev proposed maximum number of types: military, economical, administrative, ideological, intellectual, spiritual, national, children's, sexual.³¹

²⁸ Kudryashov S. Predateli, “osvoboditeli” ili zhertvy rezhima? Sovetskiy kollaboratsionizm (1941 – 1942) // Svobodnya mysl'. 1993. № 14. S. 86, 91.

²⁹ Ramanichev N. Vlasov i drugie // Vtoraya mirovaya: aktual'nye problem. Moskva, 1995. S. 293.

³⁰ Semiryaga M. Kollaboratsionizm: Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy Mirovoy voiny. Moskva, 2000. S. 11.

³¹ Kovalev B. Kollaboratsionizm v Rossii v 1941 – 1945 gg.: tipy i formy. Velikiy Novgorod, 2009.

It is also efficient, using the motives of collaboration^b as a criterion, to separate “voluntary” collaboration, connected with rejection of the Soviet state and conscious decision to cooperate with the invaders, and “enforced” collaboration connected with external circumstances in relation to a subject. “Pseudocollaboration” – performance of one or another functions in occupational administration or police, Wehrmacht units and other armed units by resistance participants or by specially sent Soviet agents, should be separated from these types.

Of course, all the abovementioned classifications are conditional. Actions of separate collaborationists often had different types, and desertion could have several reasons in one time. However, as any other abstract categories, the abovementioned “ideal types” of collaboration allow to understand its essence and expressions. The participants of punitive actions and village headmen, conducting the orders of German Command and at the same time creating conditions for life and work of their home-folks played different roles in the war events. The activity of national committees members, workers of city and district authorities, ordinary policemen and farmers, delivering a part of the harvest to the occupational authorities under the threat of execution, was also different. All the abovementioned examples could be related to expression of collaboration, but the meaning, types and motives of this cooperation in every case were extremely different.

In the modern historiography the fullest description is given for military and political collaboration as the most active and better documented types of Soviet citizens collaboration with the enemy. The researchers paid the increased attention to ROA and Vlasov, but splash of interest to his personality and activity was not followed by newness of investigation approaches. The authors of quite a number of works tried to solve the “Vlasov’s problem” in the scope of moral and ethical dilemma: who is the general – a betrayer or a hero? The majority of Russian historians stressed that Vlasov never conducted ideological warfare against Stalin up until he yielded himself prisoner and defected to the enemy, saving his own life. Conversely, separate authors consider ROA in continuation of a white movement, in spite of all their differences, a component part of “Russian anti-Stalin movement” (K.M.Aleksandrov). Unmilitary types of collaboration having the most large scale character are less well understood.

Lately one more trend appeared in investigation of collaboration, this trend could have dangerous political consequences. Some authors try to

prove that only representatives of “other” ethnic and social communities were involved in collaboration/traitorousness. The sharpness of conflicts in perception of the events of the past which becomes more and more estranged, as a result acting not as a consolidating, but separating factor of the country’s modern development, allows to speak about a sort of “memory wars”, which are often followed with “wars with monuments”. If one part of public organizations and movements sets a task to “perpetuate” the collaborators memory through erection of corresponding monuments and memorable signs, then the other part of the society actively tries to prevent it.

In whole, positive meaning for investigation of this topic has a refusal of at the same time “black and white” description of the occupation as a result of which it gathers more and more various and extensive character. Even in the occupied territory life of many people was filled not only with fear and hatred, but also with solution of day-to-day concerns, to which no attention was paid earlier by the historians. Future trends in investigation of these issues are connected with increasing of sources number, and not only due to introduction of new one-type documents into scientific circles. It is necessary to involve other sources, never used earlier at investigation of this issue, for example, folk literature and stories of eyewitnesses of these events, and further deepening of their analysis, increasing the number of issues under consideration. At that, qualitative rethinking of material available to the researchers must be the question.

Thus, by now in historiography the structure of occupational administration is discussed quite in detail. But the mechanism of decision making and their realization, the entire assemblage of intricate and in many cases tragic relationship, formed between the population, the invaders and the partisans, should be further discussed. The social and psychological aspects of the occupation also require further rethinking. Large-scale cruelty and violence in the occupied territory, generally, were considered only as a prove of “misanthropical character of the occupational regime”. In fact, terror is a basic means of realization of Nazi plans of complete world rearrangement. But the repressions in many cases contradicted with the specific tasks of the invaders, first of all of economical and propagandistic character. Sight of continuous executions caused psychological injury to thousands and millions of civilians, specially women and children. Post-traumatic syndrome must remain for many years of afterlife, affecting both personal lives of people and fate of region and country as a whole.

The consequences of occupation are still poorly investigated. Already during the war period the material damage was detected and described, but such questions as – to what extent did the occupation affect the lives of people themselves, were not stated in the historiography. Meanwhile the occupation played its part in forming certain stereotypes. Image of German gained distinctive hostility, remained for a long time “the enemy”, “the invader”, “the capturer”. It is no wonder that even after many decades since war a part of citizens, who were witnesses and participants, are against erection of monuments in memory of died in battles German soldiers in this territory. One should not forget about certain legal discrimination of occupied area inhabitants after their liberation. In Soviet forms there was a special column for indication whether a person was in the occupied territory or not. Job placement, educational institution entrance, trips abroad and other important issues depended on this circumstance. The State was distrustful of its own citizens, “felt out” of control for some time. Fates of former “eastern workers” were hard, that is why many of them had to suppress a fact of their occupation in Third Reich even from their relatives and close friends. At first, because they were afraid of the consequences, then – to protect their relatives, children.

The expansion of investigations into micro-historical level, allowing to consider the occupation events through the prism of individual fates seems to be perspective. Thus allowing to understand, what part did the occupation play in a fate of individual, to transfer attention of the researchers from the state scale questions to life problems and attitude of an individual and society as a whole.

Solution of these and many other questions is connected both with search of new sources, reflecting evolution sphere of person's consciousness and with investigation methodology updating. Some perspectives appear from investigations performance at the interface of different humanitarian subjects. In particular, barbarity of German soldiers and officers in the captured land, generally, was explained by the influence of Nazi ideology and propaganda, resulting in formation of perception of Russian citizens as submen, “Untermensch”. Meanwhile, Y.M. Lotman explained in more detail behaviour of German soldiers by psychological complex, which he called “invader complex”. An average man, a man in the street, experienced humiliation and suddenly became a lord in the occupied territory, so to cope with his new position, he decisively broke his earlier cul-

tural images. Staying in the occupied territory, the invaders “became free” from their cultural values and stereotypes, and foreign culture remained unavailable for them. It is this freeing from the culture which explains the difference in behaviour of German soldiers at home and in the occupied areas.

Switch of modern researchers’ attention from the collaborationists as individuals to the collaboration as a large-scale historical event seems well-taken. Russian modern historians defined the essence of collaboration, came to more reliable conclusions on its scale, reasons and separated different types of collaboration. At the same time investigation of collaboration still remains under the influence of politics and ideology. The politicization of the issue especially affects the regions inhabited by people deported during the war on a charge of “betrayal of Motherland”. Discussion of issue about these nationalities representatives co-operation with the invaders in many cases is taken very painfully, as continuation of “hunting” for one or another nation, which makes the investigation difficult. In spite of significant progress in analysis of the issue, it still contains some peculiar investigative “gaps”, also including total number of persons, in one or another form cooperating with the invaders. It is impossible both to count the number of people acting as Wehrmacht suppliers in the occupied territory or repairing German equipment, and determine the exact number of people sabotaging the policy of the occupational authorities. It is very difficult to generalize and systematize the data on number and social composition of headmen, burghermasters and other persons worked in local authorities in the occupied territory.

The issues on the collaborationists relationship with other Soviet citizens are poorly discussed, the materials of interrogation of witnesses of German occupation testify that there were no complete agreement between the inhabitants on this question. A part of respondents consider the collaborationists as the traitors to their Motherland, who do not deserve the forgiveness even after the decades. Moreover, negative emotions relative to them at times are even stronger than to the Wehrmacht soldiers. Other inhabitants of the occupied territory adhere to differentiated approach, considering every headman or policeman depending on their attitude to the population. Life of the collaborationists after war remains one more poorly investigated issue. A part of people involved in cooperation with the enemy managed to disappear and to escape the persecu-

tion, the majority was held criminally liable by judicial means. But even after carrying the punishment many former collaborationists faced with negative attitude of other people and in many cases hid these facts of their biography, changing surnames, names, dwelling places, which to a great extent makes the analysis of this issue difficult.

V. Selemenev

Nazi Exterminatory Policy in Publications of the National Archives of the Republic of Belarus

The National Archives of the Republic of Belarus (NARB) is the main depository of records about the Great Patriotic War in the country. Archive materials of the Belorussian staff of the guerrilla movement, underground CPSU and the Young Communist League, antifascist organizations and guerrilla are collected here. The considerable package of documents is collected in the historical stock of the Central Committee of the Communist Party of Byelorussia, which was the organizer and the leader of the Belorussian people national struggle against German invaders.

Documents of German and collaborationist organizations are stored in NARB, including: archive materials of the General Commissariat of Belarus, Borisovskiy, Baranovichskiy and Minskiy District Commissariats, the Regional Defense of Belarus, the Belorussian Youth Organization and the Belorussian public self-help.

In December 2001 The Central Archives of the Committee for State Security of the Republic of Belarus transferred to NARB 2897 criminal cases of foreign prisoners convicted in the after-war period of crimes, which they had perpetrated during the Second World War and while staying in the Soviet captivity. Information on broad aspects of war problems and on many other regions of the Soviet Union not only Byelorussia. The fact is that prisoners were judged not only at sites of crime, but also in camps.

During the Soviet period the Archives participated in preparation of a single collection of documents covering problems of the Great Patriotic War. "Crimes of Nazi Occupants of Byelorussia. 1941 – 1944". It was published in 1963. The second edition was published in 1965.

This situation may be explained by the fact that the majority of documents of the Great Patriotic War were practically closed for use until the beginning of 90-s. Party archive records transfer to the system of the State Archive Service, declassification of documents (at present all war time documents are declassified) created basis for including materials of the Great Patriotic War into scientific flow. Activities on improvement of scientific and reference aids for the present package of documents contributed to it. Inventories of BSHPD, underground CPSU and Young Communist League bodies and guerrilla were improved.

In 1998 the reference book "Documents on the Great Patriotic War History in State Archives of the Republic" was published. NARB participated in its preparation. In 2001 the abridged version of the Belorussian edition was published in Austria in the German language. In 2003 the updated variant of the reference book was issued in two languages – Russian and German. The actions taken have facilitated accessibility of both Belorussian and foreign users to catalogues of the Republic State Archives.

Starting from the middle of 90-s, active publication of NARB documents on problems of the Second World War began. It was encouraged by establishing close connections with the Belorussian Republican Foundation "Mutual Understanding and Reconciliation", which has become the main customer and sponsor of documentary publications on the given theme.

The cycle of articles about Belorussian ostarbeiter was one of the first major publishing projects. It comprises four books of documents and materials and monographic study. Documents from Belorussian and foreign archives about Belorussian people deportation to forced labor and repatriation to the Motherland are published in collections. The book "Ostarbeiter. Forced labor of Belorussian Population in Austria" prepared jointly with the Austrian Ludwig Boltzmann Institute of Human Rights is also given over this theme.

During the Second World War on the occupied territory of Belarus fascists constructed the broad network of camps for peaceful citizens. The reference book about places of forced imprisonment of civilians on the occupied territory of Belarus in 1941 – 1944 has been prepared relative to payments to victims of Nazi persecution. The first edition was issued in 1996, the second- in 1998 and the third – in 2001 in the Russian and German languages.

The largest place of people massacre in Belarus is the extermination camp Trostenets. In amount of sacrifices, it takes the fourth place in Europe after such notorious Nazi camps as Osvencim, Maydanek and Treblinka. Not less than 206 thousands people – Soviet prisoners of war, Jews of the Republic of Belarus and West-European states, undergrounders, guerrilla members and other enemies of the regime – died in the extermination camp. In 2003 the Archive published the book "The Extermination Camp Trostenets", where crimes perpetrated by German occupants near village Malyi Trostenets, Minsk Region are described.

Wehrmacht left trail of blood on the Belorussian land. By the initiative of Wehrmacht camps were organized on the front edge of the German defense

in the settlement Ozarichi; more than 50,0 thousands citizens of Gomel, Mogilev, Polessk Regions of Belarus, as well as citizens from Smolensk and Orlov Regions of Russia were driven there. Command of Wehrmacht, insulated themselves from the attacking Red Army by the enormous heaps of living, pursued the aim: to infect prisoners of camps with typhus and distribute the epidemic among the forward Soviet forces and to frustrate the offensive. The collection of documents "Ozarichi – the Death Camp" published in 1997 tells about this crime of the Nazis regime. New book about the camp "Wehrmacht Hostages" was published in the Russian and German languages in 1999. The collection of documents "Ozarichi Camps' Prisoners Reminiscing" was also published in the same year.

The special feature of the Nazis occupational policy in Belarus was destruction of populated areas together with their inhabitants. 433 Byelorussian villages were burnt down by Nazi with inhabitants, 186 of them have not been reconstructed after the war. The Belorussian village Khatyn has become the symbol of the Belorussian people tragedy; the memorial was erected there in 1960-s and it has become widely known. The collection of documents "Khatyn. Tragedy and Memory" (2008) tells about massacre occurred in this village in March 1943 and the erection of the memorial complex. Documents from criminal cases of punishers, who participated in the village burning and which cases are being stored in the central Archive of the Committee for the State Security of the Republic of Belarus, are published in the book for the first time.

The collection of documents "Nazi Gold from Belarus" (1998) is devoted to the theme of gold and silver items and jewellery withdrawal from people and removal to Germany. This study was recognized the best in the world referring to this problematics on the International Conference on Holocaust problems held in Washington in 1998.

Much attention is paid to Holocaust theme. It is depicted in collection of documents "Holocaust in Belarus. 1941 – 1944" (2002); "Survive – Act of Bravery. Memories and Documents about Minsk Getto" (2008); Executioners' Testimony. Jews Massacre on the Occupied Territory of Belarus. 1941 – 1944".

The last book was published in 2009. Documents from criminal cases of German prisoners of war convicted in after-war years for participation in killing of Jewish people are published for the first time. The list of 523 places of killing in the Republic is given as a Supplement. It was compiled by the staff of the Museum of the Jewish History and Culture in Belarus.

Collaboration with the German Association “Saxon Memorials to the Victims of Political Terror” has made the foundation for development of the theme of destinies of the Soviet and German militaries during the Second World War. As a result two versions of the reference book “Camps for Soviet prisoners of war in Belarus. 1941 – 1944” have been prepared. The first was published in the Russian language in 2003, the second was published in the Russian and German languages in 2004. They contain systematized information on camps for the Soviet prisoners of war, which functioned on the occupied Belarus territory within 1941 – 1944. Furthermore, the Association “Saxon Memorials” has prepared books devoted to the memory of the Soviet prisoners of war dead in camps Hammelburg and Zeithain, and these books have been reissued in Belarus.

Reissue of the book about camp Zeithain is of special interest. In the German version of the book the list of Soviet prisoners of war dead in this camp contains 5500 names and in Belarusian version their number equals to 14595 people. Furthermore, the collection “Soviet and German Prisoners of War during the Second World War” has been prepared jointly with the Association; public speaking of participants of the International Research-to-Practice Conference held in NARB in December 2003 comprised the basis for the collection.

The project on investigation of crime cases of foreign prisoners of war convicted for war crimes and crimes perpetrated in camps during after-war years has been realized jointly with the Austrian Ludwig Boltzmann Institute of Human Rights. The result is publication of the collection of articles “Austrians and Sudetic Germans before the Soviet Military Tribunals. 1945 – 1950”.

A number of interesting publications about the Great Patriotic War has been prepared by NARB and Russian archivists, including: collections of documents “Ordered to Initiate. Prisoners Evacuation from Belarus” (2005), “Liberated Belarus” in two books (2004, 2005), “Belarus in the First Months of the Great Patriotic War (June 22 – August 1941” (2006). The central theme of collections is not war events, but activity of the Communist Party Organizations and the Soviet Bodies of the Republic, sentiments of peaceful populace and Red Army men, evacuation to the East, national economy recovery under war-time conditions and in the first after-war months. Answers to many complicated matters of the first stage of the Great Patriotic War may be found in the collection of documents “On the Eve. The Western Separate Command (end of

1939 – 1941)” prepared jointly with the Russian State Archive for Military History in 2001. Documents from Belarusian and Russian archives spotlight managerial construction and troop forces mobilization readiness, progress of defensive construction, results of inspections and exercises, etc.

The reference book “Belarus in Decrees and Orders of the USSR State Defense Committee” was published jointly with the Russian State Archive of Politico-Social History.

NARB jointly with the Actual Historical Research Assistance Foundation “Historical Memory” took part in the publication of the collection of documents “Kill as Much as Possible... Latvian Collaborationist Units on the Territory of Belarus. 1942 – 1944” (2009).

In the archive publications the theme of guerrilla movement and underground during the war was depicted. The collection of documents and memories “Aviation to partisans” (2008), book “We Stood up Shoulder to Shoulder. Jews in Belarusian Guerrilla Movement 1941 – 1944” (2008), documentary study of V. Selemeneva and V. Shimolina “Hunt for Deathman” (2007) are devoted to this theme.

The theme of immortalization of the memory of survivors during the Great Patriotic War is investigated in a number of NARB's publications. In 1995 the book “Memory. Minsk Region. List of Dead Partisans, Undergrounders, Communication Agents and Guerrilla and Underground Organizations Operated on the Territory of Minsk Region during the Great Patriotic War” was published. The collection of documents “Immortalization of the Motherland Defenders and War Victims in Belarus 1941 – 2008” was published in 2008 by the initiative of the Board on Immortalization of the Motherland Defenders and War Victims Memories of the Military Forces of the Republic of Belarus. This theme is reflected in the above mentioned collection “Khatyn. Tragedy and Memory”, the documents tell about construction of Khatyn memorial.

Summarizing, one can say that for the last years NARB has introduced into scientific turnover a considerable package of documents on the history of the Great Patriotic War. The archive short-range plans are preparation of the collection of documents about guerrilla movement on the territory of Gomel and Vitebsk, about activities of Belarusians in the Soviet rear area.

V. Horkov**Nazi War of Slaughter and the Soviet Diplomacy**

The Second World War is the most destructive and bloody war in the human history passing us. For peoples of the Soviet Union it has become the fight for a right to life, for a right to have own history and culture. And they won and released the whole world from fascism. Europe's fate hanged in the balance on the Eastern Front – the main at that time. 506 Hitlerite divisions and about 100 divisions of German satellites were destracted. Wehrmacht lost 70 % of manpower and 75 % of military equipment and weapons on fields of battles exactly with the Red Army.

Lately, especially in view of the 70th anniversary of the Second World War beginning and expecting the 65th anniversary of Victory over Fascism, we often become witnesses of attempts to rewrite the Second World War history and to make revision of its results. The Soviet people contribution in achieving our common victory over fascist states coalition is minimized, it is said on supposedly equal responsibility of Hitler and Stalin for unleashing of the war, voices are sounded in excuse of Nazis. At the same time, memory of the Soviet soldiers fallen in the struggle against Fascism is offended.

It is a dangerous way. Unconscious or insensible tragedies of the past, or tragedies, which are understood hypocritically and superficially, become the basis for historical and political myths, which influence on national mentalities and deform them in unprincipled politicians' sake. And as a result, states and nations are pushed together again.

Undoubtedly, Europe may reach common assessment of our mutual military history. At the same time, today we shall neatly and clearly declare: any attempts to rewrite the history for needs of momentary political situation, to heroize Nazi accomplices, to bring victims and executioners, liberators and occupants into line are immoral and incompatible with consciousness of people constituting themselves civilized democratic Europeans.

Whatever fakers said, that is just the point: nazi Germany attacked the Soviet Union, which had to defend, after that, in order to eliminate the threat completely, to release European states from Fascism and to strive for final victory over Fascism on the German land. Nazis had prepared the attack of the USSR long before June 22, 1941 and even long before mak-

ing the Plan Barbarossa. We find confirmation of this fact in records of public speeches and publications of nazi leaders and in official documents of the Third Reich. These documents contained instructions on turning German imperialism aggression to the East in order to conquer so-called "living space" for the Germans. In particular, A. Hitler wrote in his book "Mein Kampf": "When we are talking about conquering new lands in Europe, of course, we may mean ... Russia in the first place".

Nazis planned not only to institute control, but to destruct considerable number of citizens on occupied territories of Eastern Europe. A. Hitler struggled for extermination of not less than 20 millions of the Slavs. "It will be one of the main missions of German policy – he said – the long-term mission: to stop the Slavs fertility by all means... In olden days, a winner had the right to exterminate entire tribes and nations".

These words were not only a name. Enormous figures: during the Second World War the Soviet Union lost over 27 millions of dead people or 40 % of all human resources. And the overwhelming part of them are civilians. Besides, Nazis had been killing the Soviet people with special cruelty.

Our Western allies noted this terrible, destructive character of the war against the USSR, its planned character and premeditation of the population slaughter. Mr. Taylor, Prosecuting Attorney on behalf of the United States on the Nuremberg Military Tribunal, acknowledged that "acts of atrocity made by military forces and other organizations of the "Third Reich" on the East were so appallingly monstrous that man's reason can hardly understand them. These acts of atrocity occurred due to carefully designed orders and instructions, which had been issued before or during attack on the Soviet Union and representing successive logical system".

In Germany and on occupied lands Nazis created the huge system of camps equipped with special means for people mass extermination to kill hundreds and thousands and even millions of people even more than are killed during ordinary military operations and to exterminate whole nations and, in the first place, the Slavs. Moreover, huge number of children was among prisoners and they shared parents' fate. About 11 millions of Soviet citizens including 7 millions of civilians and 4 million of prisoners of war – were killed in hundreds of such death camps constructed on occupied territories of the USSR. I can name only several of the largest concentration camps located in the region being discussed or near it: camps Trostyanets (near Minsk) and Gomel, Salaspils (near Riga) and Dau-

gavpils, the camp Paneray (near Vilnus), concentration camps in Narva. I think that domestic researches will add and expand this list.

Creation of the concentration camps system was convicted in the Nuremberg Military Tribunal's sentence as the crime against humanity.

The Soviet diplomacy has made the significant contribution in the process of the military tribunal to punish war criminals. Needless to say that its major efforts were targeted towards creation and strengthening of the Grand Alliance, early opening of the Second Front in Europe, provision of uninterrupted supply of military equipment, weapons and food-stuffs to the Soviet Union. Laborious, professional work of the Soviet diplomatic officials was behind the official frontage of international meetings and contacts at the summit level, and the Allied Powers leaders' correspondence. Issues of the Soviet people extermination and the necessity of acknowledgment by the International Community of the obligatoriness of vindictive punishment for these crimes were also considered.

It is necessary to mention that not all countries of the Grand Alliance had been approving the necessity to court-martial high ranks of the German Reich. From the very beginning, the problem of punishment of war prisoners guilty in initiating the Second World War and killing millions of occupied countries civilians has got the sharp political character. The principal doubtless issue was: horrifying Nazi crimes had to be punished.

V.M. Molotov, the Diplomatic Apparatus Head and Chairman of the Council of People's Commissars, in the first days of the Great Patriotic War claimed about the inevitability of recompense. During the war, the Soviet State jointly with allied members declared the world about unnatural crimes committed by fascists on the temporarily occupied territories, warning about criminal responsibility. The Soviet diplomatic officials overcame the tendency of these crimes suppression in the USSR, originally existing in capitals of Western countries.

Due to the Red army successful actions and efforts on the diplomatic front, finally, the Soviet Union won the Great Patriotic War, saved its interests in the foreign policy and achieved equitable post-war settlement. The famous Nuremberg Trials took place owing to efforts, including those of the Soviet diplomatic officials.

The Trial of History and the Trial of Nations condemned Nazi adventurous and treacherous policy, its aggressive wars and misanthropical strategy, and the verdict was approved by the whole world community. About 70 thousands of Nazis and their accomplices were convicted on le-

gal proceedings held in Germany and other countries and based on principals produced on Nuremberg Trials.

It ought to be noted that the historical mission of Nuremberg Trials was effectuation of justice regarding major initiators and offenders of fascist crimes and it was not a revenge to German people, who were, to a certain extent, hostages of Hitler's policy.

It would seem that inviolability of decisions made in Nuremberg is obvious and undeniable. However, at present the comments aimed to revise judgements of the International Military Tribunal, to sophisticate their essence and to excuse criminals are being spread in the world community. That is why it is important to facilitate the development of Nuremberg Trials' ideas and principles, supporting equitable decisions and to interfere attempts of deformation and revision of these Trials' decisions and the Second World War results on the whole.

T. Bruttman

Réflexions autour de la collaboration dans l'Europe nazie et le cas de la “solution finale”

Il serait préremptoire de prétendre pouvoir évoquer en quelques pages la question de la collaboration dans l'Europe nazie, plus particulièrement dans une optique de comparaison entre l'Europe de l'Est et l'Europe de l'Ouest. S'interroger sur ce phénomène, qui concerne tout autant l'Europe de l'Est que celle de l'Ouest durant la guerre, nécessite en effet un certain nombre de précautions. Cette contribution a pour objet de livrer quelques réflexions relatives à la notion de “collaboration”, en s'appuyant sur le cas de la “solution finale de la question juive”, politique généralisée à l'échelle du continent européen et menée dans chaque territoire se trouvant dans l'orbite nazi, qui constitue de ce fait un cadre d'étude exemplaire de la collaboration.

Il est cependant nécessaire, au préalable, de rappeler la manière dont les historiens abordent cette question en Europe occidentale. En effet, la question même de ce terme, de ses usages et des réalités qu'il désigne fait l'objet depuis plusieurs décennies d'importantes réflexions. Le terme a servi à désigner un immense ensemble d'attitudes et de comportements durant la guerre : ceux des gouvernements, des partis politiques, des individus. Il a servi à qualifier aussi bien les engagements politiques que les questions économiques, les attitudes au quotidien entre occupants et occupés que la fraternisation entre les uns et les autres (comme la collaboration “horizontale”, qualifiant les relations sexuelles entre Allemands et locaux). En bref, le terme de “collaboration” a été décliné sur tous les modes, et il est sans doute nécessaire avant toute chose, d'en rappeler son origine.

Genèse d'un terme

Le mot “collaboration”, entendu comme synonyme de collusion avec le IIIe Reich et ses hommes, est apparu durant la guerre elle-même, comme d'autres termes servant à désigner cette réalité. Par exemple, dès le printemps 1940 la presse britannique fait du nom du dirigeant norvégien Vidkun Quisling, mis en place par le IIIe Reich, un terme générique qualifiant les gouvernements collaborateurs. Devenu synonyme de traître dans le monde anglo-saxon, quisling est dès lors largement repris et utilisé, non

seulement pendant le conflit (jusque par Winston Churchill) mais encore aujourd’hui, au point d’être entré dans les dictionnaires d’anglais et d’être devenu l’équivalent de “collaborateur”.

Mais c’est sans conteste le mot “collaboration” qui s’est le plus largement imposé, intégrant même la plupart des langues : on le retrouve de l’anglais au russe, en passant par l’allemand, le danois ou le néerlandais. Venant directement du français, il a pour origine deux discours prononcés par le maréchal Pétain à un moment clé de l’histoire de l’Etat français : la rencontre de celui-ci, à sa demande, avec Adolf Hitler le 24 octobre 1940 à Montoire.

Ces deux discours vont encadrer cet évènement ; le premier, pour l’annoncer, tandis que le second lui fait suite. Dans chacun, le terme de “collaboration”, afin de désigner l’entente avec le IIIe Reich, tient une place centrale. Le 11 octobre 1940, Pétain annonce aux Français que le nouveau régime

“remettra en honneur le véritable nationalisme, celui qui, renonçant à se concentrer sur lui-même, se dépasse pour atteindre la collaboration internationale.

Cette collaboration, la France est prête à la rechercher dans tous les domaines, avec tous ses voisins. Elle sait d’ailleurs que, quelle que soit la carte politique de l’Europe et du monde, le problème des rapports franco-allemands, si criminellement traité dans le passé, continuera de déterminer son avenir.

Sans doute, l’Allemagne peut-elle, au lendemain de sa victoire sur nos armes, choisir entre une paix traditionnelle d’oppression et une paix toute nouvelle de collaboration.”

Le 30 octobre, Pétain fait savoir que :

“C'est librement que je me suis rendu à l'invitation du Führer. Je n'ai subi, de sa part, aucun “diktat”, aucune pression. Une collaboration a été envisagée entre nos deux pays. J'en ai accepté le principe. Les modalités en seront discutées ultérieurement.

A tous ceux qui attendent aujourd’hui le salut de la France, je tiens à dire que ce salut est d’abord entre nos mains. A tous ceux que de nobles scrupules tiendraient éloignés de notre pensée, je tiens à dire que le premier devoir de tout Français est d'avoir confiance. A ceux qui doutent comme, à ceux qui s’obstinent, je rappellerai qu'en se raidissant à l’excès, les plus belles attitudes de réserve et de fierté risquent de perdre de leur force.

Celui qui a pris en mains les destinées de la France a le devoir de créer l'atmosphère la plus favorable à la sauvegarde des intérêts du pays. C'est dans l'honneur et pour maintenir l'unité française, une unité de dix siècles, dans le cadre d'une activité constructive du nouvel ordre européen que j'entre aujourd'hui dans la voie de la collaboration. Ainsi, dans un avenir prochain, pourrait être allégé le poids des souffrances de notre pays, améliorer le sort de nos prisonniers, atténuée la charge des frais d'occupation. Ainsi pourrait être assouplie la ligne de démarcation et facilités l'administration et le ravitaillement du territoire."

Dès lors le terme prend une double signification. Comme l'a souligné Julian Jackson³², la "collaboration" a été pensée et utilisée par Vichy afin de désigner sa politique officielle et fait partie de son vocabulaire. Mais dans le même temps, il devient, utilisé par les opposants à Vichy, un terme négatif, servant à désigner les traîtres. L'usage dans ce sens ne va cesser de se répandre durant la guerre et gagner en force, jusqu"à devenir un terme générique dépassant les frontières de la France.

Définir la collaboration

Face à l'usage extensif du terme de "collaboration", les historiens, en se basant sur le cas de la France, n'ont cessé de tenter de définir, problématiser et affiner son sens. L'historien Stanley Hoffmann fut un pionnier en la matière, distinguant notamment, dans un article publié en 1968³³, trois types différents de collaboration :

- les comportements individuels, au quotidien, des gens au contact avec l'occupant.
- le collaborationnisme (synonyme de l'ultra collaboration, utilisé jusque-là), définissant l'activisme des partis et groupes idéologiquement proche des nazis.
- la collaboration d'Etat, réglée par les accords entre la France et le IIIe Reich. Celle-ci se subdivisant entre collaboration "involontaire", celle qui correspond à la stricte application de ces accords, et "volontaire", caractérisant l'attitude de ceux allant au-delà de ces accords.

³² Julian Jackson, "Living with the Enemy: Collaboration and Accommodation", *World War II in Asia and Europe: Remembrance and Reconciliation*, colloque international organisé à Shanghai par l'ENS Cachan, Oxford University, Deutsches Historisches Institut Paris et la Chinese Society of French Historical, 6-8 novembre 2008.

³³ Stanley Hoffmann , "Collaborationism in France during World War II", *Journal of Modern History*, Vol. 40, N° 3, septembre 1968, 375-395.

Depuis, nombreux d'historiens ont poussé la réflexion sur l'usage du mot "collaboration" et tenté de qualifier ses différentes formes, voire de trouver de nouvelles dénominations, détachées du poids que porte celle de "collaboration", afin de distinguer les différentes attitudes et comportements. Philippe Burrin a ainsi introduit la notion d'accommodation (selon des degrés divers, contrainte ou volontaire, d'opportunité ou politique)³⁴, permettant de saisir plus finement certains comportements, notamment ceux qui sont le moins tranchés.

En œuvrant dans le domaine de l'histoire économique, plusieurs historiens ont également tenté d'établir une distinction entre les différents comportements. Robert Frank, Robert Mencherini et Jean-Marie Flonneau ont ainsi proposé une typologie en matière de "collaboration économique" : collaborationnisme économique, collaboration-profit et collaboration-survie (afin de préserver la vue de l'entreprise)³⁵. En se basant sur ces développements, et en les rapprochant de ceux de Philippe Burrin, François Marcot a introduit quant à lui la notion d' "adaptation contrainte"³⁶, destinée à désigner ceux qui acceptent des compromis avec l'occupant.

Plus récemment c'est l'historien anglais Julian Jackson qui a prolongé la réflexion sur la notion même de "collaboration". Soulignant combien ce terme est vague et ne constitue pas en soi une catégorie clairement définie, il appelle à s'interroger sur les limites des comportements jugés acceptables durant la guerre et la manière dont le jugement sur ces limites évoluent³⁷.

Chacun de ses apports successifs permet de mieux comprendre et étudier les comportements durant la guerre. Mais si l'on se place du point de vue allemand, la collaboration, comme aide attendue ou nécessaire à la réalisation d'un objectif, prend tout son sens. Le terme de "collaboration" constitue alors une catégorie à part entière, qui peut être analysée en tant que telle. Et l'un des principaux événements permettant une analyse de la collaboration et de son importance à l'échelle européenne est sans

³⁴ Philippe Burrin, *La France à l'heure allemande, 1940-1944*, Paris, Ed. du Seuil, 1995.

³⁵ Jean-Marie Flonneau, Robert Frank et Robert Mencherini, "Conclusion", in Alain Beltran, Robert Frank et Henry Rousso (dir.), *La vie des entreprises sous l'occupation*, Belin, Paris, 1994, p. 371-395.

³⁶ François Marcot, "Qu'est-ce qu'un patron résistant ?" in Olivier Dard, Jean-Claude Daumas et François Marcot, *L'Occupation, l'État français et les entreprises. Actes du colloque organisé par l'Université de Franche-Comté, Laboratoire des sciences historiques et le Musée de la Résistance et de la déportation de Besançon, à Besançon, les 24, 25 et 26 mars 1999*, Paris, Association pour le développement de l'histoire économique, ADHE, 2000, p. 277-292 (P. 277-280).

³⁷ Julian Jackson, *op. cit.*, voir également *La France sous l'Occupation, 1940-1944*, Paris, Flammarion, 2004.

conteste la “solution finale”. Aucune autre politique nazie – ni aucun autre évènement sinon la guerre elle-même, particulièrement sur le front de l’Est –, n’a nécessité pour sa mise en œuvre la collaboration sur l’ensemble du continent. Aucun autre projet n’a nécessité la collaboration non seulement de l’ensemble des gouvernements inféodés au Reich, mais également des partis et mouvements collaborationnistes, et même, à une échelle plus réduite, des individus.

La “solution finale de la question juive” à l’œuvre de la collaboration

Du point de vue nazi, la mise en œuvre de la “solution finale” telle qu’elle est pensée et projetée nécessite d’emblée une collaboration internationale du plus grand nombre, en premier lieu celle des Etats. Car l’extermination des Juifs ne vise pas uniquement ceux qui se trouvent directement aux mains des Allemands, mais bien plus largement ceux vivants dans tous les territoires où les nazis projettent de les éliminer. Le protocole de la conférence de Wannsee annonce dans ses objectifs non seulement les Juifs se trouvant sous le contrôle du Reich, mais également les Juifs relevant d’autres cas de figures, totalement différents :

- Ceux vivants dans des pays en guerre comme l’URSS, où les troupes allemandes occupent à cette date l’essentiel de la Russie occidentale, et le Royaume-Uni.
- Ceux vivant dans les pays alliés du Reich : la zone libre en France, l’Etat slovaque, la Hongrie, la Roumanie ou encore la Bulgarie.
- Bien plus, le projet inclut également les Juifs des Etats neutres, tels que la Suède, la Turquie ou le Portugal.

Dès sa conception même la collaboration est inscrite dans le projet nazi, qui ne peut être réalisé sans l’aide des Etats souverains où se trouvent les Juifs qui échappent au Reich. Si le projet d’extermination des Juifs est nazi, sa mise en œuvre nécessite la collaboration – aide, appui, renfort – de chaque acteur local, selon la place que le IIIe Reich lui confère, et en passant par des négociations de différentes natures³⁸ : diplomatiques face aux Etats souverains ou policières, comme en France, où les négociations dépendent des autorités d’occupation. Sans cette collaboration des acteurs locaux, la “solution finale de la question juive” ne peut être réalisée, dans certains cas parce que les Allemands ne disposent pas dans tous les lieux

³⁸ Raul Hilberg, *La destruction des Juifs d’Europe*, 2 vol., Paris, Fayard, 1988.

des moyens nécessaires (notamment en matière d'effectifs) permettant la capture des Juifs, comme par exemple dans la partie nord de la France (la zone occupée), dans d'autrese territoires parce qu'ils n'y sont simplement pas présents.

Une fois la "solution finale" déclenchée hors du IIIe Reich, du Gouvernement général et des territoires soviétiques, va débuter une série de négociations auprès de chaque Etat se trouvant dans l'orbite nazie, afin que l'aide nécessaire soit apportée (comme dans la France occupée) ou que les Juifs soient arrêtés et livrés (zone libre de la France, Slovaquie, Hongrie, Bulgarie, Roumanie, Finlande...). Ces négociations vont aboutir à la liaison de centaines de milliers de Juifs sur le continent européen. Mais au-delà de la collaboration – négociée – des Etats la "solution finale" nécessite tout autant la collaboration des administrations nationales, comme c'est le cas dans les Pays-Bas ou la Belgique.

Si ces deux niveaux de collaboration furent cruciaux, un autre type de collaboration s'avère tout autant nécessaire dans les territoires sous occupation directe des Allemands, comme dans les territoires soviétiques : le collaborationnisme. Avant même que le projet d'extermination des Juifs ne s'étendent à l'ensemble de l'Europe (il se limite alors aux territoires de l'URSS), l'aide apportée par les collaborationnistes est de première importance.

Dans les pays Baltes, dès l'été 1941 les nationalistes jouent un rôle central non seulement dans la politique antisémite, mais également dans les opérations de mise à mort. A Ponar (Paneriai), qui sera le principal lieu de mis à mort des Juifs de Vilnius, les tueries sont menées par les volontaires Lithuaniens de l'*Ypatingasis Būrys*, qui seront les principaux responsables de la mort de près de 100 000 Juifs lithuaniens et polonais. Le même recours aux nationalistes locaux se produit en Ukraine. A Kiev, lors du massacre de Babi Yar les 29 et 30 septembre 1941, les nationalistes ukrainiens prêtent main forte aux Allemands lors des opérations de rassemblement des Juifs et forment le premier cordon de sécurité autour du lieu du massacre. L'attitude des membres de ces groupements, qui aspirent à prendre le pouvoir et s'avèrent d'efficaces auxiliaires de la "solution finale", s'inscrit pleinement dans une logique de collaboration.

On observe le même phénomène dans les territoires dont les gouvernements finissent par modifier leur politique de collaboration dans la "question juive", aussi bien à l'Est qu'à l'Ouest. Il en est ainsi en Hongrie avec les Croix fléchées tout autant qu'en France, quand le gouvernement

de Vichy cessera de collaborer pleinement à la déportation des Juifs, avec des membres des mouvements de l'ultra collaboration (Parti populaire français, Rassemblement national populaire, c...). Ce sont eux qui seront appelés à fournir l'aide nécessaire à la traque des Juifs dans la zone sud – là où la police française ne participe plus aux arrestations pour le compte des Allemands. Non seulement ils réaliseront l'essentiel des arrestations de Juifs durant les derniers mois de l'occupation, mais ils procéderont – tout comme les collaborateurs à l'Est, mais à une moins grande échelle – à des centaines d'exécutions en France même, une fois le territoire français devenu, au printemps 1944, un territoire en guerre.

Ces collaborateurs, partageant la même idéologie que les nazis et partageant leur vision du monde (dans laquelle le Juif tient une place centrale), agissent dans un cadre politique organisé et aisément identifiable. Reste un dernier acteur, celui qui individuellement, par choix idéologique, d'opportunité (pour une récompense) ou pour toute une autre raison (de la peur de l'occupant – que l'on pourrait qualifier d'accommodation – à l'assouvissement d'un litige en passant par d'autres motifs), apporte son aide dans l'accomplissement de la "solution finale". Ce type de collaboration, relevant de l'agissement individuel, se retrouve dans tous les territoires, de la France à l'URSS, de la Norvège à la Grèce. Partout des actes individuels innombrables ont permis au Reich de capturer les Juifs en fuite ou cachés. Et ce, quel que soit le statut des territoires dans l'Europe nazie. Ainsi dans le Gouvernement général, où il n'existe ni infrastructure autochtone oeuvrant directement pour le Reich en matière de "solution finale" ni de mouvement collaborationniste, de très nombreux Polonais ont dénoncé des Juifs tentant d'échapper à la traque implacable³⁹. Chacun de ces différents niveaux de la collaboration a apporté sa contribution à l'extermination des Juifs, les groupements collaborationnistes et les acteurs individuels venant suppléer par leur action les éventuelles insuffisances des gouvernements et des administrations ou parachever leur travail.

³⁹ Voir par exemple Jan Grabowski, "Je le connais, c'est un Juif!". Varsovie 1939-1943, le chantage contre les Juifs, Paris, Calmann-Lévy, 2008 ("Ja tego Żyda znam!": szantażowanie Żydów w Warszawie, 1939-1943, Warszawa, Wydawnictwo IFIS PAN, 2004)

M. Alekseyeva

Estimation of number of victims of exterminatory politics of the Nazi and their allies in the Southern Priilmenye

The war made against the USSR did not come down only to confrontation of the armies and was war to the death. The Slavs, the Jews, the Gypsies and other nations were subject to destruction. Thus, the number of victims increased heavily.

The Southern Priilmenye is situated on the territory of the Novgorod Region (until July the 5th, 1944, it was the territory of the Leningrad Region), to the south of the lake Ilmen. The territory was under field of actions of the North-West front line and was occupied from August of 1941 till February of 1944.

Military actions on the territory represented sustained fighting around Staraya Russa, Demyansk pocket and Kholm. The Nazi and their allies established terroristic regime against civil population and the army prisoners on the occupied territory.

The terrorist regime established on the territory of the Southern Priilmenye was based on the general approach supported by the Hitlerite Germany on the occupied Soviet territories, in contexts of proximity to the theatre of military operations, given the great amount of the Red Army military forces.

Articles devoted to the victims of war appeared in different periodicals. For example, daily newspaper of the North-West front line *Za Rodinu* regularly contained articles about the crimes committed by the Hitlerites on the occupied territories. It published articles on burning the whole villages, shooting the civilians, as well as stories about "sufferings of the Soviet children under the feet of the fascist villains", on extermination of the Russian intelligentsia, on fascist bondage etc.

"Having chosen v. Dubovitsy (the North-West front line) for burning, the German commandant announced that all those who would stay in the village after 8 o'clock would be shot immediately, and that all the habitants should go to the west, complying with any orders of the German soldiers who would accompany them. 14 peasants who refused to leave their native home, including 7 women, were shot by the invaders"⁴⁰.

⁴⁰ *Za Rodinu*. 1942. November the 2nd

Every article devoted to this topic invoked to take revenge and exterminate the enemy without remorse: "Let the Germans pay their lives for all the sorrow inflicted to our children!"; "Revenge my grief!"; Fighter! Never forget! Never forgive! One can never forgive this! Avenge a Russian girl on bloody German murderers!"⁴¹.

The reporters of the military newspaper, aiming at consolidation of soldierly spirit, on June the 23rd of 1942 gave total amount of political and military victims of the Patriotic War and reported the number of the persons murdered, wounded and captured for a year, comparing as follows: Germany – approximately 10 million people, the USSR – 4.5 million people⁴². However, newspaper *Za Rodinu*, being a means of propaganda, is not always a reliable source of information on the victims of the Nazi exterminatory politics.

The political authorities of the North-West front line regularly published bulletins on villainy committed in the Demyansky, Lychkovsky and Starorussky districts of the Leningrad Region.

After releasing the territory of the Southern Priilmenye, the facts of crime were recorded in the relevant acts of the territorial bodies of the Emergency State Board on identification and investigation of the crimes committed by the Nazi invaders and their allies and of the damage inflicted to the citizens, kolkhozes, public organizations, state enterprises and institutions of the USSR.

According to the documents, in 1944, the department of the Board in Staraya Russa included as follows: the secretary of the city Committee of VKP (b) (All-Union Communist Party (the Bolsheviks)) Ya.Ye. Itskevich, the Chairman of the Executive Committed of the city council V.N. Puchkov, the head of the hospital station N.I. Kuleshova, the head of NKGB (People's Commissariat of the State Safety) L.A. Stanovov, the head of the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) captain K.M. Savin. Special forensic Commission took part in investigation of the crimes. The Commission examined the places of massive destruction of people. As a result, the Commission revealed 27 acts of misdeed "caused by the Nazi invaders to the peaceful populace and army prisoners in Staraya Russa, the Novgorod Region"".

The number of named victims and their total number stated in different documents do not match. For example, the list of the citizens of

⁴¹ *Za Rodinu*. 1942. September the 8th, September the 3rd.

⁴² *Za Rodinu*. 1942. June the 23rd.

Staraya Russa who were captured by the Nazis includes 98 numbers. The notes contained information on the members of their families, and the total number of the captured was said to be 10,720 persons; according to the witness testimonies, the list of the civilians who were hanged and shot, died of torture, contained 35 names, meanwhile, their total number, according to the documents was 3,750⁴³.

The facts of crimes were established on the basis of the applications of the civilians, interrogation of the victims, materials of forensic examination, files drawn as a result of examination of the places of crimes.

Several places of destruction of civilians and army prisoners were detected on the territory of the city:

- the area of the city gardens situated in Beethoven street;
- the former building of the prison castle of the XIX century situated in Vozrozhdeniya street;
- the gasoline storage building in Vozrozhdeniya street;
- the area of the former Arakcheev barracks, of Spaso-Preobrazhensky monastery in Volodarskogo street;
- gallows in Volodarskogo street;
- district of Gorodok, the end of Krasnykh komandirov street;
- district of the 104th depot (hay depot) in Staraya Russa – Shimsk highway;
- areas of 18 km from Staraya Russa to Velikoye Selo village.

The documents of the Commission do not contain precise information on the places of destruction of the population, for example: district of Gorodok, the end of Krasnykh komandirov street. There are neither reports on exhumation, nor witness testimonies which would contain information on precise place of destruction of civilians and army prisoners.

The procedure of exhumation did not provide for calculation of number of victims. The latter was determined approximately, by means of calculation of total area of mass graves. The total area of all the graves situated in Beethoven street amounted to 1,060 square meters, density of bodies buried in the grave provided for the idea that 1,500 – 2,000 persons were buried in those graves. However, only 34 bodies were exhumed; containing 24 bodies of men, 7 bodies of women and 3 bodies of teenagers.

⁴³ Materials of the acts drawn by the Commission on investigation of crimes were used. Those materials are kept in the Museum of the North-West front line of Staraya Russa, Novgorod Region.

The reports contain information on the places in Staraya Russa where the army prisoners were kept: former Arakcheev barracks, district of Gorodok, the end of Krasnykh komandirov street, district of the 104th depot (hay depot) in Staraya Russa – Shimsk highway; Total number of army prisoners was approximately established.

Reports on damage inflicted by the Nazi invaders to the district of Staraya Russa contain information on 16 prison camps and camps for civilians. Approximate total number of murdered persons is said to be 2,425 persons.

These sources enable to identify the category of victims of exterminatory politics, methods of extermination of civilians and army prisoners, as well as to identify the number of victims during occupation.

The materials kept in the department of NKGB of the USSR for the Leningrad Region, which contain information on acts of destruction committed by the Nazis and the activity of intelligence and counnterintelligence bodies of the enemy within the territory of the Novgorod Region being under occupation are a very important source of information ⁴⁴.

According to this source, 127,000 residents lived in the Starorussky region, including 50,000 of Staraya Russa. When the invaders were exiled from the district, 8,000 residents remained. As for the 396 villages which existed before the war, the German army totally destructed 306 of them⁴⁵. Staraya Russa was absolutely demolished⁴⁶. These documents are not reliable enough, for they contain words that characterize the data on number of victims as inaccurate or incomplete.

“32 persons were hanged in Staraya Russa. However, these data are incomplete. Barbarous treatment of the Jews was established from the first days of the war. Once, all the Jews were gathered, and 25 persons of different age were shot in the public. Later, all the Jews were shot during one day. Only 30 persons of 15,000 residents of the town survived. All the rest were exterminated, perished from starvation, deported to concentration camps or sent to galleys in Germany”⁴⁷.

One of the goals of the Emergency State Board on identification and investigation of the crimes committed by the Nazi invaders and their allies and of the damage inflicted to the citizens, kolkhozes, public organi-

⁴⁴ AUFSBNO, F.7, D. 33.

⁴⁵ Ibid, sheet 53.

⁴⁶ Ibid, sheet 0.54.

⁴⁷ Ibid, sheet 57.

zations, state enterprises and institutions of the USSR was to reveal the persons who committed those crimes.

The list of the Nazi invaders and their allies who committed the crimes, robbery and destruction on the temporarily occupied territory of the USSR which was drawn by the town Commission of Staraya Russa contains 15 names. The list contains common characterization of the crimes and the role each participant played in those crimes. However, there are no data on searching the persons who committed the crimes or on particular evidence of guilt in the list.

The materials of the reports became the grounds for numerous Soviet publications which were generally associated with the dates of setting the towns at liberty or to the Great Victory anniversaries⁴⁸.

In the 90s of the XX century, the victims of the Nazi's politics were represented in the Books of memory⁴⁹.

The military events held in Staraya Russa and in the Staraya Russa district were stated in the works of the Soviet historian I.N. Vyazinin⁵⁰.

Since the 90s of the XX century until now, B.N. Kovalyov has studied the Nazi occupational regime and collaboration, including that on the territory of the Southern Priilmenye. B.N. Kovalyov examines different forms of cooperation of the USSR citizens with the invaders.⁵¹

The Directorate of NKGB-KGB of the USSR for the Novgorod Region performed search and investigation on the cases of the punishers and other allies of the invaders who committed crimes on the territory of the Southern Priilmenye. The documents of the Central and Regional file of the FSB of Russia were published by M.N. Petrov in collected book "Secret war in Novgorod city".⁵²

⁴⁸ N. Vyazinin. Polny meroy // Novgorodskaya Pravda. 1965. February the 24th; T. Nekrasov. Delo No. 359 (Poltavskaya zemlya) // Starorusskaya Pravda. 1968. September the 7th; Cont. September the 10th; T. Nekrasov. Litso fashizma // Starorusskaya Pravda. 1968. August the 3rd; T. Nekrasov. Zagovor obretchennyy// Starorusskaya Pravda. 1968. December the 6th; T. Nekrasov. V gitlerovskoy nevole // Starorusskaya Pravda. 1968. December the 31st; A. Pavlov. Ludi, pomnite // Starorusskaya Pravda. 1975. March the 5th; S. Lebedev. Etih dney ne smolnet slava// Starorusskaya Pravda. 1981. September the 29th, etc.

⁴⁹ Kniga pamyati. Novgorod, 1995.

⁵⁰ I.N. Vyazinin. Staraya Russa v istorii Rossii Kirillitsa, 1994; Ognennymy verstami starorusskikh frontovikov. Sbornik vospominaniy veteraniv goroda Staraya Russa I Starorusskogo regiona o Velikoy Otechestvennoy voynye /avtor I.N. Vyazinin, sost. L.A. Grigoryev, Ye.I. Vyazinin, P.I. Tsybala etc, izdat. S.F. Vitushkin / Staraya Russa, 2001.

⁵¹ B.N. Kovalyov. Natsistrskiy okkupatsionny rejim I kollaboratsionizm v Rossii (1941 – 1944). Veliky Novgorod, 2001; B.N. Kovalyov. Kollaboratsionizm v Rossii 1941 – 1945: tipy I formy. Veliky Novgorod, 2009 etc.

⁵² M.N. Petrov. Taynaya voyna na Novgorodskoy zemle. Veliky Novgorod, 2005, P. 352-393.

Historical documents enable to speak about premeditated extermination of thousands of army prisoners and civilians, their destruction of infectious diseases, starvation, absence of medical aid, compulsory labour, facts of Holocaust and genocide in conditions of occupational regime.

At the end of 80s of the XX century, the scouting forces became active work in the Southern Priilmenye. Their main goal was search, exhumation and burying the soldiers of the Workers'-Peasants' Red Army who died during the Great Patriotic War. Also, during their activity, they have revealed the remains of army prisoners who were exterminated in transit-sorting camps.

The remains of 309 army prisoners were exhumed in the vicinity of Muravyovo village of the Starorussky Region (at that time it was called the 104th depot (hay depot)). The reports on exhumation contain the following features: disorderly, chaotic arrangement of the remains, skull damages, bones fracture, extremities were tied with a rope. 4 soldier's medallions were detected, two of them were read fully. Thus, it was possible to identify the names of army prisoners, namely: Denisov Stepan Ivanovich, born in 1907, native of the Molotovskaya Region (nowadays – The Perm Territory), Kuznetsov Ivan Yegorovich, born in 1917, native of the Kalininskaya Region (nowadays – the Tverskaya Region)⁵³.

At present, exploration works have become one of the forms of detection of victims of war to the death.

It is worth-noting that in the Soviet history, no special attention was paid to the problem of detection of the victims of occupational regime, and the exterminatory nature of the Nazi's politics on the occupied areas of the USSR was unquestionable. At the present time, the situation has changed, due to the fact that some activities of the Nazi in the Baltic states and Ukraine are being justified and neo-Nazism is becoming more and more popular.

The nature of military actions, of the Nazi politics on the occupied territory of the Southern Priilmenye enables to fully reveal exterminatory character of the war which finished almost 65 years ago.

⁵³ Report on exhumation No. 1 dated 25.04 – 05.05.2008; Report on exhumation No. 2 dated 05.10. 2007.

V. Bogov**Concentration Camp Salaspils: uncomfortable truth**

Despite the fact that the tragedy of Salaspils camp is obvious to the majority of people, most part of the history of its establishment, existence and elimination has remained unexplored for the last fifty years and still calls for sharp debates. The reason for such information vacuum is lack of documentary evidence of Hitlerites and their local allies, who burned the camp together with all the files, when the Red Army forces attacked. Lack of information is the background for unfair people to use their own conjecture in order to please their up-to-the-minute purposes. However, wrong statistics and facts may be introduced not only with evil intent: for such a long time that has passed after elimination of the camp, a lot of myths, legends, exaggerations and mere guesses have emerged. Up to now, total number of persons who overcame this terrible prison is still vague. The number of children and adults who died in the camp is still questionable; inhuman conditions are disputed, attempts are made to call this place as the place where the German occupational authorities "educated the civilians and corrected them by means of labour", rather than as the place where people were treated like animals. But the fact that this tragic chapter in the history of Latvia has become a subject of political distractions is the most disgusting thing among all. In many cases, the reason for such distractions in society is that one party of the dispute wishes to reveal "the most faithful truth", so that to blame or, alternatively, justify the subject of the dispute.

One more problem in the Salaspils history is that until now, there have been no valuable historical researches made. All the researches which have been published are of narrow-aspectual nature and do not reveal any fundamental problems. Up to now, not a single research of Salaspils camp has been published in Russian. Virtually, all the descriptions of the camp which are used today among the Russian language carriers amount to the information of the Emergency Board. However, these data, due to their "peculiarities", force the historians to use them cautiously. Victims were calculated according to the technical standards and on the basis of witness testimonies. According to the calculation technique, while the number of the victims buried in one grave was estimated, average assumption of

7 persons per one cubic meter was used⁵⁴. Based on witness testimony, consolidated registration tables were drawn, where the statistics given by the witnesses was indicated, and after that, average number of victims was deducted. It is hard to say whether these figures were reliable enough. However, it is absolutely wrongful to say that these figures are “communist propaganda” or lies. These figures are hot on the traces of the Nazi criminals. They were estimated in straitened circumstances with limited resources. When using the information provided by the Emergency Board, the circumstances where they were estimated should be considered. In many cases, these data are the only source of information. For example, there was no quantitative research of number of victims among the Soviet army prisoners on the territory of Latvia in stalags and oflags made until now. Besides, there were a lot of errors and discrepancies made during rewriting of documents. Naturally, historical community has revealed new documents, facts, testimonies, and nowadays, the Emergency Board information may serve as some kind of “reference” for comparison, disprove or proof for some statements.

Description of the camp

When national socialists raised to power in Germany in 1933, the unwanted and those who opposed the power were aggressively prosecuted. In the same 1933, three main concentration camps for political prisoners were constructed in Germany. Those camps functioned until the end of the war. They were as follows: Dachau, Buchenwald and Sachsenhausen. While initial ideology of these camps was isolation of the enemies of national-socialism, after the World War II has started, these three camps became the real death factories, where prisoners from different European states were destroyed. Communists and the Jews were the first prisoners of these camps. However, soon social-democrats, the Catholics, the Protestants and many others became the prisoners. From the beginning of the war, the network of concentration camps significantly expanded. Fully equipped death camps were constructed. Liquidation of prisoners there was performed double-quick, and order on “job killing” was executed everywhere. The camps became one of the most important means of realization of the Nazis’ plans on construction of “new world order”.

⁵⁴ LVVA, P-132, ap.30, l.31., lp. 6. (LVVA – Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs . Designations: ap. – apraksts (list), l. – lieta (case), lp. – lapa (sheet)).

The camps of the Nazi Germany which existed during the war can be divided into two large categories. The first category – so called “labour camps” (Arbeits-Erziehungslager (AEL)). Their main aim was to produce work and products which were necessary for the German economy. Millions of people went through those camps, many of them died due to terrible conditions of detention and due to hard physical work. Besides, “labour camps” were not aimed at massive destruction of people. That task was performed in different institutions – “death camps” (**Vernichtungslager**). According to the researchers, all the Nazi camps can be divided into 17 typologically similar places of detention⁵⁵.

When the Hitlerites invaded the territory of Latvia in July of 1941, repressive system was introduced, which remained in force on the European territories occupied by Germany. By the mid-August of 1941, ghettos would have been established in Riga. In November, the largest camp to confine political prisoners in the Baltic States was constructed in Salaspils. In this period, labour camps, concentration camps, camps for army prisoners were constructed in ghetto towns where the Jews were meant to be confined. They lived in ghetto towns until the autumn of 1944, and after that, a part of them were either killed, or transferred to the West. As for the prisoners of the Salaspils camp, in the summer of 1944, when the Soviet troops marched-in on the territory of Latvia, they were transported to different camps of the Reich, namely: Stutthof, Neuengamme, Buchenwald and others. Torment and camp-to-camp wandering finished for the majority of Salaspils prisoners only in April of 1945, when the Nazi Germany was virtually destroyed by the Red Army and the Western Allies of World War II.

First of all, we would like to draw your attention to one very important detail. In many cases, when we talk about Salaspils, it is confused with other camps. Two different camps are confused, most commonly, due to ignorance: camp for so called political prisoners (AEL Salaspils) and camp for the Soviet army prisoners (Stammlager-350 Salaspils). When Riga was occupied by the German troops, a network of camps for army prisoners as established – so called Stalag-350⁵⁶; one of the departments of Stalag-350 was situated in Salaspils – just 2 kilometers away from the camp. That department was meant for political prisoners.

⁵⁵ See in detail: *G. Schwarz*. Die nationalsozialistischen Lager. – Frankfurt am Main, 1996, S. 84, 85.

⁵⁶ See in detail: *M. Vestermanis*. Tā rikojās vērmahts Riga: Liesma 1973, lpp. 116-146.

Construction of the camp for political prisoners began in November of 1941 and lasted until autumn of 1942. The Soviet army prisoners and foreign Jews who were transported from Czechoslovakia, Austria and Germany were involved in construction⁵⁷. The construction of the camp was headed by Latvian engineer Magnuss Kacherovsky. The Germans completely eliminated the camp at the beginning of October of 1944, when the Soviet troops marched-in towards Riga.

The camp was subordinated to the head of safety police of Latvia – to obersturmbannführer Rudolf Langue. Richard Nikel was the first commandant of the camp, later, in January of 1943, he was followed by Kurt Krause. The camp was guarded by Latvian SD (safety service) troop headed by senior lieutenant Conrage Kaleis⁵⁸. Kaleis was an outside guard unit commander in Salaspils camp and in its department Saurieši⁵⁹.

The period of the camp operation can conditionally be divided into three periods. The first period, when the Jewish prisoners were confined in the camp. This is the period when the camp can actually called a “death camp”, due to the fact that the Nazi, based on their theory of ethnic purity, steadily destroyed the Jews. The second period, when Latvian prisoners were delivered to the camp. At this period, the camp can be called as “correctional and labour” camp, as it was meant for the local population including people who deviated from compulsory labour, as well as for political prisoners, i.e. those who approved the Soviet system and former soviet activists etc. Besides, there were deserters from German army (the Latvian legion of SS) confined in the camp. German occupational authorities did not aim at intended destruction of local population. The type of punishment which was often used for deviationists was detention in the camp for the period from 6 weeks to 3 months. Meanwhile, those who were accused of cooperation with the Soviet government were sentenced to detention for the period of 1.5 – 2 years. The third, final period, when civilians from the western regions of Russia and Byelorussia were delivered to the camp, in order to suppress guerrilla activity (for example, operation “Winter magic” in February of 1943). At this period, the camp can be called as “concentration camp”, from which serviceable population was delivered after so called “concentration” to the West, where they were distributed for different types of works.

⁵⁷ In death camp of Salaspils. –Riga: The Latviyskoe gosudarstvennoe izdatelstvo, 1964, p. 20.

⁵⁸ Istorya Latvii: XX vek. Riga: Jumava, 2005, p. 265.

⁵⁹ Delo Conraae Kaleias. <http://www.souz.co.il/israel/read.html?id=565>

Thus, different categories of prisoners had different reasons for imprisonment. The Jewish prisoners were basically delivered to the camp by force, being transported from European countries, such as: Germany, Austria, Czechoslovakia. There were no Jews from Latvia in the camp, as the local punitive and police forces had destroyed almost all the Latvian population by the time when the camp was established. However, such savage practice of struggling against the unwanted was also applied towards the Latvian population as well. The local population confined in prisons was also shot and arrested in prisons and camps. In May of 1942, the camp in Salaspils became a kind of a local prison, where detainees from different regional Latvian prisons were transported. Basically, they were represented by Latvian citizens who deviated from labour mobilization, as well as by Soviet activists (policemen, party officers, the heads of Soviet enterprises etc.). Immediately after arrest, the suspect was placed in one of the prisons. In Riga, these prisons were the Central prison and the Immediate prison, the latter being meant for women. Preliminary investigation was followed by sentence. Imprisonment in Salaspils camp one of the measures of restraint. The prisoner could reduce the period of his/her detention, in case he/she agreed voluntarily to cooperation with the camp administration, i.e. to inform them about disorganizers. For this purpose, a prisoner had to write an application for cooperation addressed to the commandant of the camp.

Disorderly behaviour in the camp included as follows: singing prohibited songs, holding meetings and discussion of political situation, speculating clothes and food etc. Ordinary punishment for such "faults" provided for: definite number of drubs or lashes, hard work in the camp, or 5 – 14 days of staying in an isolation ward; also, prisoners could be sent to the Central or Immediate prisons for a definite period of time. Measure of punishment was declared in presence of all those who were in barrack. Also, the guilty was said who was the informer. Besides, the prisoners who were punished had to wear a definite sign. The prisoners were divided into groups "A", "B" and "C". For instance, group "C" included "penal units". The participants of this group had to wear a white sign. All those people were involved in the hardest works for at least 14 hours a day. Besides, they received reduced portion of poor C-ration⁶⁰. Those who attempted to escape from the camp, were hanged.

⁶⁰ LVVA, P-132, ap.30., l.31., lp. 3.

The third category of prisoners – civilians from the western regions of Russia, Byelorussia and Latgale. Basically, this group included those who lived in villages and who were forcedly overtaken. This was done as part of struggle with guerrilla. The group mostly included women with children and elderly people. Initially, in spring of 1943, all these prisoners were placed into barracks of Salaspils camp. Later, children were taken away from their mothers, so that the children would not mess around and prevent them from working. From November of 1943, several barracks were detached for children under 14. After that, women were taken to the west, to labour camps. All the rest children were partially distributed among orphan asylums, and partially were sold as unskilled workers (cost for one child was from 9 to 15 Reichsmarks per month). Part of children were taken by the local residents⁶¹.

The prisoners of the camp were involved in different types of work. The main operational departments of the camp which were situated outside the camp were as follows: stone quarry in Saurieši, stone quarry in Bem, turf fen in Salaspils, cement producing factory in Brocēni, lumber mill in Salaspils, Spilve airdrome, Mazyumprav ghetto⁶². Besides, the prisoners were involved in different types of work in the camp. such as: construction of new barracks and structures, cultivation of gardens inside the camp area; women worked at laundries, washing clothes of German soldiers that was sent from front line. There were a carpenter's workshop, a machine workshop and a tailoring workshop in the camp. In tailoring workshop, the clothes of the killed ghetto prisoners and of foreign Jews was changed into new clothes⁶³ which were then sent to the Riga market or to Germany. Working day in the camp lasted 10 – 14 hours.

Structure of the camp

Documents and different publications contain conflicting data on capacity of the camp's barracks. One witness stated that the barrack could accommodate 100 men, while the other states that number of persons in the barrack amounted to 700, or even 900 men. One of the descriptions of the camp which was later duplicated in numerous copies was taken from

⁶¹ LVVA, P-132, ap.30., l.27., lp. 33.

⁶² *H. Strods. Salaspils koncentrācijas nometne (1941. gada oktobris – 1944. gada septembris) // Komunistu un nacistu jūgā.* –Rīga: Latvijas 50 gadu okupācijas muzeja fonds, 2001. g., lp. 114. (Hereinafter – SKN).

⁶³ LVVA, P-132, ap.30., l.31., lp. 14.

an archive certificate of Emergency Board and concerned case No. 6 on Nazi crimes aimed at destruction of civilians in the concentration camp in Salaspils: *"The prisoners themselves constructed barracks of different dimensions. The prisons were detained in these barracks. Each barrack included 350 – 900 men, while standard number of prisoners per one barrack was 100 – 150 men. ... There was nothing but four-five-storey plank beds inside the barracks. One could only lie on them. There were so many prisoners in the camp that it could not accommodate all of them"*⁶⁴. As it is clear from the document, data on capacity of a barrack contravene with each other. Such discrepancy is the reason for hurly-burly and misunderstanding in society, when number of prisoners in a camp is being discussed.

According to the calculations to measure barracks situated on the territory of the Salaspils memorial, the barrack was approximately 12 meters wide and approximately 25 meters long. There is evident outline of one barrack and two workshops, a bath station and a disinfective barrack on the ground. Thus, total area of the barrack approximately amounted to 300 square meters.

According to the memories of prisoners (V. Riekstins, A. Neparts), there were 24 living barracks in Salaspils. However, based on research of archive files (photos, memories of former prisoners, archive layout of the camp drawn by the Emergency Board), there was 21 living barrack inside the camp. Besides, there were the following non-residential buildings on the territory of the camp: a commandant's office for security, a barrack for the camp manager, a lumber mill, two workshops (machine workshop and carpenter's workshop), a kitchen, a clothing depot, an isolation ward, a bath station, a disinfective room. Total number of buildings on the territory of the camp was 50.

Interior of the living barrack for prisoners was poor enough: longitudinal plank beds and two furnaces in different corners of the barrack. According to the prisoners, there were the following small rooms in the barrack: there was a small room for the barrack manager to the left from the entrance, with two plank beds and a small table; there was a lavatory to the right from the entrance, which could be used exclusively in case of quarantine, when the barrack was locked and no one could come out⁶⁵. The plank beds in the barrack were located in the following order: there

⁶⁴ LVVA, P-132, ap.30., l.31., lp. 1.

⁶⁵ A. Neparts. Pret svešām varām. // "Latvijas Vēstnesis", №279/280, 31.augusts, 1999.g.

were four-storey plank beds near the walls; also, there were five-storey plank beds in the center of the barrack.

Thus, one section of plank beds was 4+5+5+4 wide, i.e. 18 plank beds. Former prisoners confirm such arrangement of plank beds in the barrack⁶⁶. The number of such sections lengthway was from 19 in the center to 22 along the wall, Thus, one barrack could arrange 322 persons, provided 1 person occupied one seat 1 m wide and 2 m long; however, according to different testimonies, in most cases, two or even three prisoners had to sleep on one plank bed.

Thus, if the total number of prisoners was 322 in one barrack, 21 living barrack could accommodate up to 6,762 persons. If the above-mentioned statement that the barrack was meant for 100-150 prisoners⁶⁷, is taken on trust, then, according to our calculations, they should be half empty. Therefore, the statement that the barrack could accommodate 500 – 800 men⁶⁸, is to some extent true – this could be real due to reduction of personal space for one person on a plank bed up to 0.5 meters. Thus, the number of “living” places in the barrack would increase twice, i.e., up to 644 persons. If the maximum values are taken (21 living barracks and 644 persons in one barrack), then, one camp could accommodate up to 13,524 persons. However, these are just technical calculations which do not reflect actual situation, as there have been no documentary confirmation to this fact. Meanwhile, according to our technical calculations, the camp could accommodate 10,000, and even 15,000 persons. According to the information supplied by a group of Salaspils camp status researchers, the camp was initially designed to accommodate up to 25,000 prisoners, but later (in January of 1942), when the camp was being constructed, the German authorities renounced this idea⁶⁹.

The fact that at least 21 living barrack was constructed in 1944 indicates the possibility of detention of large number of people at a time, namely: from 8,000 to 15,000 people. Large capacity of the camp is confirmed by the relevant documents. According to the report of the head of Latvian SD Rudolf Langue for December of 1941 addressed to the Berlin authorities

⁶⁶ According to personal talk of the author with the former prisoner of the camp Edmund Pelnik (born in 1935) in October of 2009.

⁶⁷ Po vospominaniyam V. Rijekstins, SKN, lpp. 131.

⁶⁸ SKN, lpp. 111., 131., LVVA, P-132, ap.30., l.38., lp.1.

⁶⁹ K. Kangeris, U. Neiburgs, R. Viksne. Salaspils nometne nacionālsociālistiskās Vācijas administrācijas plānos un soda nometnu tipoloģijā (1941–1942). // Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 21. sējums. Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007.g., lpp. 221.

(RSHA), in April of 1942 the camp was capable to accommodate 15,000 prisoners from ghetto. The Jews were supposed to be transported there in summer of 1942⁷⁰.

If we refer to different statistics concerning the number of those killed in Sapaspils, the actual official figure of 100,000 persons⁷¹ can be reasonably classified as hypothesis, as this figure was deducted from the testimonies of witnesses collected by investigating commission and technical calculations of cubic capacity of mass graves. Both sources are not able to specify the precise number of prisoners.

According to the calculations performed by historians and witness testimonies, the number of the Jews deported from Europe to Latvia from 1941 till 1944 significantly varies, and neither of the researchers can state the final figure. Most of people who were deported were destroyed by the Germans and their allies. A part of them were transported to the concentration camp in Salaspils. It can be said with a certain degree of integrity that at the moment the camp in Salaspils was just set at construction, about 1,100 persons were confined in it in December of 1941 – January of 1942. It is yet difficult to state total number of the Jews who were confined in the camp from November of 1941 till January of 1943 (in January of 1943, all the Jews, except for two Jewish doctors, were exported from the camp to the ghetto⁷²). Modern researchers state that the number was from 5 to 10 thousand men.

Total number of Latvian citizens confined in Salaspils is not indicated anywhere. According to one of archive certificates of the Emergency Board, up to 7,000 men – political prisoners from Riga and from different districts of Latvia were confined in Salaspils camp⁷³. Professor G. Strods, in his turn, states that total number of Latvian prisoners who passed through this camp “was about 12,000 men”⁷⁴, his conclusions being based on the assumptions of A. Neparts who wrote in his memoirs dated by 1999, that about 12,000 prisoners, except for the Jews and those who were

⁷⁰ W. Scheffler, D. Schule. Book of Remembrance. The German, Austrian and Czechoslovakian Jews deported to the Baltic States. Vol.1. –München: K.G.Saur, 2003, p.56.

⁷¹ To be more precise, 101,100 men, including Soviet army prisoners who were killed (47,400). According to the calculations of the commission, 53,700 men were killed in the camp where civilians were confined. LVVA, P-132, ap.30., l.26., lp. 199.

⁷² Ezergailis A. Holokaust vācu okupētajā Latvijā 1941-1944. –Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1999, lpp.420.

⁷³ LVVA, P-132, ap.30., l.26., lp.196.

⁷⁴ SKN, lpp. 124.

evacuated from Russia passed through Salaspils concentration camp⁷⁵. To summarize, we can say that the number of Latvian citizens who overcame Salaspils camp amounts to 7 – 12 thousand persons.

As for the residents of the western regions of Russia and the byelorussians, unfortunately, I haven't read any researches concerning civilians who were forcedly evacuated from the regions of the USSR and Byelorussia to Salaspils. All the public literature concerning detention of civilians in Salaspils camp contain just the data provided by the Emergency Board stating about 53,000 killed persons and terrible conditions of detention. However, there are no data anywhere concerning the number of civilians who survived in this camp. By the way, the relevant information of the Board is extremely concise. The archive certificate of the Emergency Board states that civilians evacuated from the occupied regions of the Soviet Union were transported to Salaspils camp. Those regions included the following ones: the Leningrad region, the Kalininskaya (Tverskaya) region, and Byelorussia. Moreover, the number of prisoners amounted to more than 20,000 persons, including over 6,000 children⁷⁶. According to another documents of investigating commission, total number of persons who were confined in Salaspils concentration camp during the period of German occupation (all the three periods of the camp) amounted to over 70,000 persons.⁷⁷ As we can see, the data of the commission contravene a lot.

Therefore, if we state new data on total number of the victims, we will just start new series of historical assumptions. We hope that finally, these series shall approach more or less precise data on Salaspils prisoners who were detained in the camp and who were killed there. The main thing is that one should not lose the essence of these data; every such figure conceals tragic lives of a lot of people who, despite of terrible conditions: cold, famine, inhuman and degrading treatment, on pain of death still hoped they would live and tried to keep being kind and humane with each other.

⁷⁵ A. Neparts. Pret svešām varām. // "Latvijas Vēstnesis", №302/303, 15.septembris, 1999.g.

⁷⁶ LVVA, P-132, ap.30., l.26., lp.196.

⁷⁷ LVVA, P-132, ap.30., l.35., lp.47.

B.Kovalev

Creative Collaborationism and Holocaust

The genocide of the Jewish people on the occupied territory of our country would have been impossible without active or passive contribution of the local residents.

According to the Nazi idea antisemitic policies were to make impact on different categories of citizens: urban residents and countrymen, undereducated and educated, nationalists and internationalists. The propaganda penetrated every sphere of life: it was made at workplaces and at school, during rural gathering, in concerts and cinemas.

In some cases this was a subliminal propaganda. The character of the Jew enemy was introduced subtly but it was still quite evident. Thus the local residents were insensibly driven to respective conclusions.

Publicity events were attended by security elements, different pro-German communities and Russian collaborators. Representatives of the Russian clerisy cooperating with the Hitler's forces were thought to be connoisseurs of the Soviet day-to-day realities.

In spring-summer 1941 the Nazi "military machine" was refitted for war against the USSR. The German propagandists had free play and could promptly respond to any enemy actions. According to Goebbels' instructions dated June 5 1941 the propaganda against Russia was to be as follows: "...no antisocialism, no retrieval to czarist regime; no talks about dismemberment of the Russian state (or else we might exasperate the Russian patriotic armed forces); against Stalin and his Jewish acolytes..."⁷⁸.

Although the Nazi policy was spread all over the occupied territory of our country it was to adjust to actual conditions. The Nazis had to work hard to improve the propaganda. To perfect the propaganda art they obliged media agencies to make daily reviews of newspapers spread on the occupied territory pointing out the strengths and weaknesses. Careful attention was paid to opinions of readers related to publications in the periodicals. Special measures were undertaken to expand the postal network and to develop the newspaper delivery to settlements.

Considerable part in the ideological and psychological brainwashing of the population residing in the occupied regions was assigned by occu-

⁷⁸ E. M. Rzhevskaya. Goebbels. Portret na fone dnevnika. Moskva, 1994. P.13.

pation authorities to the propaganda through the eye, i.e. cinema, different propaganda exhibitions and distribution of posters. The list of posters gives an idea of their content.

On the occupied territory of the USSR the Nazis spread the press products printed in Germany, the Baltic States and in local print shops.

The key Russian newspapers for the population residing in the occupied territories of Russia were "Pravda" (Riga), "Severnoye slovo" (Revel) and "Za rodinu" (Pskov). On central Russian territories they distributed the Smolensk newspaper "Novy put" and large-circulation Orlov newspaper "Rech".

The antisemitic subject pervaded all types of newspaper genres: analytical essays, historical sketches, feuilletons, memoirs, poetry and caricatures. The Jews were accused of all possible misfortunes and crimes.

Nazi propaganda services aggressively started to complete libraries with new books. The majority of new acquisitions contained anti-Soviet, antisemitic and pro-Nazi literature, including: magazines "Novy put", "Sovremennaya Germania", "Novaya zhizn", "Beach", "Zhidomor"; newspapers "Rech", "Kolokol", "Shkol'nik" and booklets "Chto budet posle" ("What's next?"), "Delo No. 18" ("Case No. 18"), "Kak stalinskaya shaika ugnetala narod" ("How the Stalin's gang oppressed the people"), "Za chto mi nenavidim evreev" ("Why do we hate the Jews"), "Evrei i bol'sheviki" ("The Jews and the Bolsheviks"), etc.

In 1942 Smolensk issued a "small political library". The library was intended for the Russian propagandists first of all. The book written by V. Luzhskoy "Evreisky vopros" ("The Jewish problem") was early edition. The book covered the following issues: the origin of anti-Semitism, the Jewish problem history, emancipation of the Jews and its consequences, Zionism and Assimilation, Marxism and Jewry, Dostoevsky as anti-Semitism ideologist, the Jews and Bolsheviks, the Jews in the Soviet Union, Bolshevism and war – the way to the universal power of the Jews⁷⁹.

A special emphasis was put on the distribution of the booklet "Protocols of the Learned Elders of Zion". This booklet was printed in Germany especially for the residents of the occupied regions of the Soviet Union⁸⁰. The "Protocols" is prefaced by quotations of Adolf Hitler, Voltaire, Goethe, Hugo, Napoléon I and Dostoevsky. The story is dedicated to "the great

⁷⁹ RGASPI (Russian State Archive of Social and Political History), F. 69, C 1, D. 1180, Sh. 1 -16.

⁸⁰ The booklet is ended with the following mark: "B 54 / Protokolle der Weisen von Zion (russ.)".

Russian learned Sergey Nickolaevich Nilus” and reads to the effect that after the Bolsheviks came to power the men possessing the Protocols were punished by the extreme penalty, i.e. by death. And it was a just punishment since the “Protocols of the Learned Elders of Zion” is the most awful invective action against Judaism which gave rise to Bolshevism”⁸¹.

Every newspaper issue contained new texts to the most popular Russian songs. According to texts, “three tankmen, three merry fellows” having killed the Jewish commissar assisted the Germans to kill true enemies of their motherland, i.e. robber communists. The song “My country is vast” in new interpretation contained the following anti-Semitism extract: “We’re more than half dead due to Stalin’s laws and Jews’ stranglehold”⁸².

Some texts of propaganda leaflets simulated lower-class accent. Such leaflets as well as Dnov and Pskov newspapers “Za rodinu” containing speeches of the “Russian peasant”, “Old man Berendey” and “Domna Evstigneevna” were spread among the people. According to these documents the Jews were responsible for all misfortunes of the Russian people.

Anti-Semitism anecdotes were regularly published in the folk art section. The fabricated poetry of Lazar Kaganovich contained the following lines: “You’re the Georgian, I’m the Jew, but we’re friends;

We’ll bring the Russian fools to the grave”.

The Jews were accused of the most Russian problems. Chief Editor of the newspaper “Rech” Mikhail Oktan went to even greater extremes. In his booklet “The Jews and the Bolsheviks” edited on Adolf Hitler’s birthday on April 20 1942 in Orel he declared that the so-called GPU-NKVD (People’s Commissariat for Internal Affairs State Political Directorate) is actually a stooge controlled from behind the world curtain according to the Jews’ conspiracy aimed at enslavement of European peoples⁸³.

The Nazi propaganda printed materials cited the Bolshevik party top management, the Jews and State security bodies officials as an illustration of absolute vice. The Nazis told that all those people hate the Russian nation to death and are aliens to Russia. Throughout the whole war the Nazis criticized the alliance of the USSR with Great Britain and USA. One of the Hitler’s statements was that as for the Russian people this war is the war for another party.

⁸¹ RGASPI. F. 69, C 1, D. 1180, Sh. 21.

⁸² B. N. Kovalev. Natsistskaya okkupatsiya I kollaboratsionizm v Rossii. Moskva, 2004. P. 340.

⁸³ Ib. P. 288.

At the end of 1942 newspaper and magazine kiosks which offered magazines, newspapers, booklets and belles-lettres opened in cities and large villages. Antisemitic propaganda held a special place in those periodicals. One of the booklets was called “Russia is dominated by the Jews”. Collaborationist printed materials contained a standing head dedicated to the “letters from the Soviet rear area”. The standing head insinuated the idea that the Jews had entrenched far away from the front line and had no intention to struggle since the Russians fought the battle for the Jewish interests.

Many people who were imprisoned on the territories occupied by the Germans had relatives and acquaintances who served in the Russian Army. It was essential that those people were deceived into the belief that Red Army Men continue struggling against Wehrmacht due to the only reason: they had been fooled by the Soviet propaganda and were kept under observance of hundreds and thousands informers. As for the NKVD personnel, they are “not only to control a gaggle of informers but to watch the watchers, to inform about the informers and deceive the deceivers”. According to the Nazi propaganda the top step of this social ladder was occupied by “fat bestial majors and captains of state security bodies, Jewish by birth”⁸⁴.

The Nazi propaganda printed materials cited the Bolshevik party top management, the Jews and State security bodies officials as an illustration of absolute vice. The Nazis told that all those people hate the Russian nation to death and are aliens to Russia.

According to pro-Nazi newspaper reporters, one of the reasons which led to shortage of certain goods was the USSR trading at a loss with states which entered the Anti-Hitler coalition. The promoted alleged antinational policy was explained by the fact that “the international criminal gang called the 3d International had exploited the Russian people for 23 years already”⁸⁵.

The citizens were intentionally insinuated that the communist leadership is supranational and suprastate authorities who put their personal interests and interests of capitalist collaborators before those of the Russian people.

The newspapers often overlapped Christian ideas with Anti-Semitic propaganda. The most strenuous supporter of this propaganda was Chief Editor of newspaper “Rech” Michail Oktan. In his appeal to urban teachers in June 1942 he analyzed in details and promoted the “Proto-

⁸⁴ State Archive of Novgorod Region, F. P-807, C. 1, D. 5, Sh. 7.

⁸⁵ Ibid.

cols of the Learned Elders of Zion" by stating: "The Jews strive to discredit the Christian religion, church, religious leaders and to weaken the influence upon the people annihilating the very notion of God. The "Protocols of the Learned Elders of Zion" reads that collapse of Christian religion is a matter of time. Atheism according to the "Protocols of the Learned Elders of Zion" is no hazard for Judaism. It was created by the Jews. According to the "Protocols of the Learned Elders of Zion" Judaism which seized the worldwide power denies any other religion except for the Judaic".⁸⁶

Inspiring development of collaborationist periodicals all over the territories occupied by Wehrmacht the Nazis strongly encouraged a religious standing head in each newspaper or magazine. In particular the religious standing head in Smolensk newspaper "Novy put" was governed by M. Shilovsky. Immediately before Smolensk ghetto, one of the largest on the Russian territory, was destructed by the Nazis and their allies, he published the document "Implacable Enemies of Christianity": "Christ was crucified by those whom he strived to rescue. In a fit of anger the Jews cried: "Crucify, crucify him".

He was crucified! By whom? By the Jews. They pronounced a sentence which had hung over them and which followed the whole Jewish history. "His blood be upon us and our children!" If one tell us about supposed violation of Christ's fundamental rule "Love your enemies", we will reply as follows: "They are not our enemies; they are implacable enemies of Christianity who are Satan. To love him means to deny God. Devil and all those Satanists are to be fought..."

They gave way to their rage which was felt by all the citizens of longsuffering Rus. The death kingdom is their land. They shed blood like water. The dedicated child of God Christian emperor together with the heir and family were slain by the Jews Yankel Sverdlov and Yurovsky and Isaac Goshchekin...

The crimes without precedent were committed by the Jews. Not long ago a new villainy came to the surface known as Katyn Forest massacre. How many Russian people died because of the murderous deeds of the Jews? The time of the last response is near at hand. There is no possibility to make it up with them. The Jews' deaths means the death of Satanists".⁸⁷

⁸⁶ "Rech" (Orel) dated June 10 1942.

⁸⁷ "Novy put" (Smolensk) 1943. dated June 5

Broadcasting centres and radio nets were used in the majority of Russian towns and settlements. Thus, in Pskov the fascists managed to repair the broadcasting centre and urban communication which were damaged during Red Army retreat in a month after seizure of the city.

Large broadcasting centre was equipped in winter 1941-1942 in Smolensk. In addition to horn loudspeakers in public places the collaborationist authorities arranged 845 public loudspeakers all over the city. They could be heard by several thousands of men simultaneously.

Broadcasting always involved antisemitic propaganda: radio announcers read passages from “Protocols of the Learned Elders of Zion”, adduced examples of the Jews dominance in the USSR, and spoke in favour of murdering the Jews being a parasite nation. Sometimes they sang pro-Fascists and antisemitic songs set to the Soviet music.

The majority of posters and caricatures spread over the occupied territory of the USSR depicted a negative character and had an antisemitic subject.

They could be both vulgar straightforward as for example the illustrated leaflet dated 1941 “Knock the hell out of the Jewish political instructor whose broad face resembles a brick!” and veiled: as in anti-partisan posters dated 1942-1943 which represented forest badmen with Jewish traits.

Anti-Semitic posters and caricatures may be divided into several groups: Each group illustrated this or that statement of the Nazi propaganda.

- The Jews have seized the power in the USSR: poster “Stars in the Soviet horizon” (all top leadership posts are occupied by the Jews), caricature “The Jewish masquerade” (the Stalin mask hides the Jew).

- All misfortunes of the Russian people (collectivization, repression, closing of churches, etc.) have been caused the Jewish policy: poster “Vin-nitsa” (the Jewish KGB servicemen – executioners of the innocents), poster “collective farmers carry the coffin with inscription “collective farm” to the Jewish cemetery”, caricature “Brief history of the fir-tree” (Russian children can have a rest only after the Jew is driven away by the German soldier),

- The Jews are in charge of this war since they profit from it: poster “Under the Jewish banner”, caricature “Parade of Soviet order-bearers” (The one-legged disabled with Slavic traits drags the cart accommodating the Jew with the order “The Win”).

- The Jews hate German and the whole civilized world: caricature “No comments” (gun-butt with inscription “German report” kicks in the Jews head),

- Stalin and his allies are stooges in the worldwide Jewry: caricature “To Comintern dissolution” (with inscription underneath: “The Jew says to another Jew: “We can manage affairs with profit somewhere else”); caricature “Under the stage manager’s thumb” (the Russians and Englishmen are stooges in hands of American president, but Roosevelt in his turn is a stooge in the Jews’ hands); caricature “Family portrait of democratic allies” (Stalin, Churchill and Roosevelt are kneeled to Devil. The latter setting foot on their necks sits in an armchair with Star of Judah).

In 1942 the administrative board of the city of Smolensk tendered for collection of oral folk arts: anecdotes, couplets, songs. It was said to be very actual due to the fact that “folksy humour and Russian folk witticisms directed against the Jewish despotism and Bolsheviks’ leadership are widely spread among people”.

The number of tender participants (collaborationist authorities’ representatives mainly) made 42 men. They submitted 250 documents and gained a cash bonus from the German Commandant. While handing over the gift, Commandant declared: “Folksy humour is a powerful weapon against the Jews and Bolsheviks”⁸⁸.

As for theatre genres, the occupants and their allies gave preference to drama and comedy. The most theatrical performances tended to be antisemitic. In plays “Wolf” and “Blue sky” the Jews were accused in all the bad we had in the USSR. The “Topical couplets by Van’ka Zhukov” runs: “Abramchiks are kaput. Abramchiks rush to Siberia...Fir-trees, birches, pines and aspens are waiting for the Jewish ugly mug. ...Hitler gave the land to the peasants and the Jewish qahal is angry”⁸⁹.

It was recommended to provide negative characters of the Russian classical performances with Jewish traits. The stories about life and work of Russian writers of the XIX – XX centuries told that they were all anti-Semites. The repertoire for preschool and elementary-school age children included such compositions as “The Fat Jew child” (wicked Jewish boy offends Russian children; German soldier punishes the impudent fellow). According to Nazis propagandists, antisemitic subjects should penetrate all stages of the child education.

The Ministry of Propaganda established by the Third Reich and the leadership had a special piety to cinematograph since it seemed to be

⁸⁸ “Novy put” (Smolensk) 1942. dated March 3

⁸⁹ “Rech” (Orel) dated April 6 1942.

a new and efficient form of active propaganda. The newly opened cinemas on the occupied territory of the USSR aggressively promoted anti-Semitism. During the ceremony of opening a new cinema in the city of Orlov Mikhail Oktan declared: “Cinematography is one of the most important cultural media for our struggle against Bolsheviks and their Jewish patrons”⁹⁰.

Anti-Semitic films held a specific place in the film distribution and exhibition system. Interpreted versions of films “The Eternal Jew” (“Der Eweige Jude”) and “The Jew Zuss” (“Jud Zuss”) were shown in cinemas during several months. The newspapers “Rech” and “Novy put” were replete with enthusiastic reviews. Offices of Education highly recommended to all schoolchildren to watch those films and write an essay dedicated thereof.

“The Eternal Jew” (“Der Eweige Jude”) was presented to the audience as a documentary film about the Jews’ role in the world history. The Jews were shown in the film as parasites and creatures resembling rats, untidy, dirty and crazy about money, the beings strange to spiritual values and world’s seducers. The scenes of ritual murders of animals in the kosher style enhanced the effect of the Jewish religion sadism to grotesque. The film was free from direct appeals to murder the Jews but the sense was quite evident: the only way to save the world is to liquidate the Jews.

“The Jew Zuss” (“Jud Zuss”) (on the occupied territory of Russia it was known as “Jude Zuss”) was one of the most costly films produced by the Third Reich. But it answered the expectations of the Hitler’s forces from the point of view of antisemitic propaganda. According to the newspaper “Novy put” published in the occupied city of Smolensk: “After watching the film the people leave spectator seats in the audience hall with their fists clenched and there is good reason for that: the film reveals vile nature of the Jews and, without intruding the view upon a person or focusing on negative features only, personalizes all traits of the Jews in a beast-like Zuss: deception, ambition, love to money, bloodiness, cowardice and corruption”. Information received in this pseudo-historical film projected to the modern-time Soviet Union: “Everyone who watches the film recollects the tricky Jews who dominated in Russia”.⁹¹

⁹⁰ “Rech” (Orel) dated July 12 1942.

⁹¹ Ibid.

The mass genocide of the Jewish people on the occupied territory would have been impossible without contribution of the local residents. Under the influence of the Nazis propaganda and with the intent to advance before new leaders, collaborationists thoughtlessly or consciously executing the Nazis orders took an active part in the Jews murder.

D. Olechovich

They are Enemies!: Comparative analysys of Anti-Semitic and Anti-Russian propaganda in periodical press of Latvia during the Nazi Occupation

Comprehensive study of the Second World War is impossible without research of the propaganda campaigns. In terms of historical discourse, the issue has received considerable attention, but most part of the research was devoted to the institutional component of the propaganda structure of Nazi Germany, Soviet Union and other countries, to the mechanisms and channels of its distribution. At the same time, the question of the texts content and influence of the texts on the behavior of the object of propaganda often remains lacunar. In Soviet historiography, these issues are completely concealed or they were very slightly covered, especially on the issue of Nazi propaganda in the occupied territory of the Baltic States. The only exception may be only a few studies⁹², which were worked out for the Latvian diaspora in the West and in fact were not available for professionals in the Lithuanian Soviet Socialist Republic.

The process of democratization and revision of the Marxist historiography caused genuine interest in the society of Latvia (and not only) to the events of the period of Nazi occupation. Reduction of public censorship became a challenge for the historians and made them review the existing concepts and revise the previously written works. Still, the one who is engaged in political or social sciences, can not be out of the existing dominant ideology or value paradigm.⁹³ Contemporary Latvian historiography, despite the considerable interest to the history of the mid-twentieth century and, in particular, to the period World War II, does not pay much attention to the subject of propaganda in the 90th years of the previous century. Only in the last decade, the study of motivation collaboration – resistance in general, and the influence of propaganda on the collective consciousness of the inhabitants of the occupied territories has attracted attention of scientists. The greatest interest was revealed to the issues of anti-Semitic

⁹² Petersons V. *Kas ir Daugavas vanagi*. Riga, 1962; Silabriedis J., Arklans B. „Politiskie bçgdî“ bez mas-
kas. Riga, 1963, etc.

⁹³ Goodwin B. *Using Political Ideas*. Chichester, 1992. p.8.

propaganda, however, the interest of researchers to other narrative components of Nazi propaganda (anti-Russian, anti-Roma, anti-Polish, anti-Belarussian, etc.), was shown only fragmentarily, so far.

The political propaganda on the occupied territories involved methods, which had been previously validated in the Third Reich and corrected according to the actual conditions. In full accordance with the provisions of wartime artfn⁹⁴ propagandists sought to control private life of each individual, not only his political life, in accordance with the established priority of the nation over an individual. The war was represented as an eschatological struggle between good and evil, and in this fight everyone was assigned his mission: German soldiers in arms is fighting for the New Europe, and the population of the occupied territories, except the Jews, plutocrats and the Communists, help him by all means. In general, the aim of the propaganda was not limited to demonstration of the superiority and truth of the socio-political theory of National Socialistic ideology, it also aimed to convince the local population in it.

From the first days of the Nazi New Order in Latvia, for the occupation authorities it was strategically important to use negative attitude of most of the people of Latvia⁹⁵ to the Soviet regime, which was caused not only by repression of all sectors of the population, but also by general fall of living standards and deterioration of socio-economic situation, as well as mismatch between declared Soviet propagandists principles and models for their implementation, which had their culmination in form of repression on 13-14 June 1941.

The use of anti-Soviet attitude by Nazi propagandists helped them create a favorable internal political climate for the occupants, reduced the mood of protest and resistance in the rear of the German Army. This became one of the main tasks for periodicals, which were the most influential source of information.

In the present study, the author focuses on the Exploration of Nazi propaganda in the press of the occupied Latvia. Among periodicals published in Latvian language, specific place was taken by the newspaper "Tēvija" ("Fatherland"), which became the symbol of the new government

⁹⁴ Benjamin W. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main. Bd.III. S. 482–495; Цит. по: Longerich P. Nationalsozialistische Propaganda. Deutschland 1933–1945 // Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. 1993. Band 314. S. 296.

⁹⁵ Dūra D., Gundare I. Okupācijas vara un Latvijas cilvēks: izmaiņas sabiedrības psiholoģiskajā noskaņojumā (1940–1941).// Okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1959. gadā. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2002.gada pētījumi. Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 10.sēj. Rīga, 2004. 129–130.lpp.

and acted as a central press organ throughout the occupation period.⁹⁶ It was issued in Latvian language and had the biggest readership.

First issue of "Tēvija" was released July 1, 1941 – on the day, when the best part of the Wehrmacht came to Riga. The newspaper, which became popular as a semi-official newsletter of the occupation authorities, managed to maintain this status almost until the end of the war – the last issue appeared on April 29, 1945. First, the newspaper had been published in Riga, and from October 17, 1944 at the retreat of the German occupation forces, was issued in Liepaya. At this, its name was changed to "Tēvija un Kurzemes Vārds".⁹⁷ The newspaper was issued with the periodicity of 6 times a week, with the only break from 11 to 16 October 1944, when the editorial staff was evacuated to Liepaja. In general, there were 1168 issues.

Officially, the publisher of the newspaper was Ernests Kreyshmanis⁹⁸, though, in fact, "Tēvija" was in charge of propaganda department of the Reich Commission of Ostland.⁹⁹ "Tēvija" was the only periodical in the General District of Latvia, which materials were censored before publishing, during the period of occupation.¹⁰⁰ Censor the newspaper is a former editor of "Rigaer Rundschau" Ernest Eduard von Menzenkampf¹⁰¹, who returned to Latvia in summer 1941 in the rank of Sonderfuehrer of propaganda troop [Propagandastaffel]. In addition to direct censorship, propaganda department regularly developed and sent instructions [Anweisungen] and tutorials [Vertrauliche Presseinformation] regarding the use of terminology, themes of materials, and provided materials for

⁹⁶ The official press organ in Latvian language was "Rīkojumu Vēstnesis" ["Bulletin of orders"].

⁹⁷ "Otechina" ("Fatherland") and "Kurzemskoye Slovo" ("Kurzem Word"). The newspaper was issued under this title until October 29, 1944, then the newspaper was given its former name – "Tēvija".

⁹⁸ E. Kreyshmanis (1890-1965), lieutenant-colonel of the Latvian army, the head of the Latvian Centre in early July 1941.

⁹⁹ Note that before December 1, 1941 this organ was censored by the head of a group of propagandists in Riga – by Sonderfuehrer Gustav Dresler. This group worked as a subordinate to propaganda department [in some sources – sector] of the Baltic States and Belarus [in the original – Baltrutenija] of Wehrmacht. Later G. Dresler became the leader of the Propaganda Department. The propaganda department, in its turn, was under the command of the Press and Education Department of the Occupied Eastern Territories [Abteilung Presse und Aufklarung im Reichministerium fur besetzten Ostgebiete].

¹⁰⁰ Note that some provincial publications, for example, "Kurzemes Vārds", the initial stage of occupation and in 1944-1945, when the front line was shifting closer, also were censored before issuing. In other cases, the regional edition of the print media was controlled by local censors and county commissioners, and the materials were censored after their publication. At the same time, Wehrmacht censors and security were engaged in control over the periodical press [Sicherheitspolizei und SD].

¹⁰¹ E.E. von Menzenkampf [Mensenkampff] (1895-1945), the editor of the largest German-language newspaper of the First Republic "Rigaer Rundschau" from 1933 till 1939.

reprinting.¹⁰² Consequently, it is this organ that can be regarded as the voice of the occupation regime in Latvian language, and many regulatory bodies completely exclude the possibility of material which can be random, controversial or objectionable to the regime.

The first editor of "Tēvija" was Arthurs Kroders¹⁰³, who became famous for his anti-German rhetoric in the period of the First Republic, therefore, already 25 July 1941 he was replaced by Andrejs Rudzis¹⁰⁴, who worked until September 23, 1941. The other editor for over three years was Pauls Kovalevskis.¹⁰⁵ Since November 26, 1944 until April 29, 1945 Jānis Vitols¹⁰⁶ was the editor of the newspaper.

The volume of the edition was not constant, the early editions had 4 broadlines, then their quantity rose to 6 broadlines, at this, the issues, which came out on Saturdays, were more extensive. In exceptional cases, the volume of the publication reached 16 broadlines. In the second half of 1944, with rare exceptions, the number of broadlines decreased to 2. At the same time the quality of printing, which shortly before it was exemplary, reduced. In the early editions of the newspaper the price was 15 cents, after the monetary reform it was 8 reyshpfennings, and from the autumn of 1944 – 10 reyshpfennings. Monthly subscription amounted to 1,85 reichsmarks, which was a relatively small amount.¹⁰⁷

As it was already noted, "Tēvija" was the most widespread publication in Latvian language – its circulation reached 280,000 copies. Even the latest newspaper circulation was significant and amounted to 25000 cop-

¹⁰² See: Latvijas Valsts vēstures arhīvs [Latvian State Historical Archives; further – LVVA], P-74 f. (Laikraksta "Tēvija" redakcija), 1.apr., 2., 3., 4 l. (Rigas ģenerālkomišāra konfidenciālie norādījumi presei informāciju lietās) [Confidential instructions for the press of Commissioner General Riga concerning Submission of Information].

¹⁰³ Arthurs Kroders (1892 - in 1973); publicist, editor of "Tēvijas Sargs" ["Defender of the Fatherland"] (1919-1920, 1934-1937) and "Pirmdiena" ["Monday"] (1925-1927, 1930), co-editor of the journal "Vārds" ["Word"] (1937-1939), rightly considered to be one of the ideologists of the K. Ulmanis regime. Since 1944 lived in Sweden.

¹⁰⁴ Andrejs Rudzis (1905-1984); the captain of the Latvian army, the editor of newspapers "Latvijas Kāreivja" ["Soldier of Latvia"] (1940) and "Sarkanā Kāreivja" ["Red Soldier"] (August - October 1940). After the war lived in the USA.

¹⁰⁵ Pauls Kovalevskis [(1912-1979), alias Pāvils Klāns, a writer and journalist. Since 1944 lives in Germany and Denmark.

¹⁰⁶ Jānis Vitols (1911-1990), editor of the official paper "Rikojumu Vēstnesis" (1942-1944), a member of the Editorial Board of "Tēvija"

¹⁰⁷ Monthly subscription amounted to 1,85 reichsmarks, which was a relatively small amount. The monthly subscription price of the newspaper was practically equivalent to the cost of 1 kg. of butter. For more details see: Tēvija. 1941. 15.sept. Cost of other publications was commensurate with the price of "Tēvija".

ies.¹⁰⁸ Despite the fact that in late 1941 on the territory of Latvia more than 30 official periodicals of the Latvian language¹⁰⁹ were published, which were serious competitors for the "Tēvija", and despite the difficulties in the delivery of newspapers to readers¹¹⁰, the inhabitants of different regions of Latvia expressed interest to this particular newspaper.

Creation of an enemy image as a dynamic symbol of the hostile forces of the State became the determining factor in the Nazi propaganda, and that Jews were a central enemy in the myth generated by the Nazis, and, according to the apt remark of L. Dribin, the Nazi propaganda was anti-Semitic hysteria.¹¹¹

Plan "Barbarossa", which implementation was considered a mission of Nazism, was aimed to free the world from Jewry and its generation – Bolshevism.¹¹² Zhidobolshevik was depicted as an opposition to "the values of European culture", propagated by the Nazis and to all that for what National Socialism was fighting. Racist anti-Semitic doctrine of the Nazis was universal, covering all spheres of human life, answering all questions and explaining each issue, local or universal.

Created and cultivated keynotes anti-Semitic propaganda can be divided into three groups

- June – December of 1941 – the creation of propaganda structures and determination of their operation; the aim of anti-Semitic propaganda was to discredit the Jewish population of the occupied Latvia;
- 1942 – the cultivation of anti-Semitic worldview and its strengthening in the mass consciousness, in order to discredit the Soviet Union, the USA and the UK;
- early 1943 – till the end of Nazi occupation – anti-Semitism as a factor in mobilizing the population to fight the Red Army in the ranks of the

¹⁰⁸ Fligere Ē., sast. Latviesu periodika: 1940–1945. Riga, 1995. 126.lpp..

¹⁰⁹ The same, 145 – 147.lpp.

¹¹⁰ For example, residents of Tukums, located not far from Riga, received the newspaper only on the day after its release, that bothered the editor of the local newspaper "Tukuma Ziņas" ["Tukum News"], because at the same time, newsletter "Deutsche Nachrichtenbüro" was also delivered there. It contained details which were reprinted in "Tukuma Ziņas") and had already been published in "Tēvija". See: LVVA, P-73. f. (Laikraksta "Tukuma Ziņas" redakcija), 1.apr., 1.l. (Sarakste ar ziņu biroju "Ostland" par informācijas piegādi) [Letters to the information bureau "Ostland" on the delivery of information].

¹¹¹ Dribins L. Antisemitiskas ideologijas histerija vacu nacistu okupetaja Latvija 1941.–1942. g. // Holokausta izpetes problemas Latvija. Riga, 2001. 125. lpp.

¹¹² Jacobsen H.A. Krieg in Weltanschaunung und Praxis des Nationalsozialismus (1919-1945). Nationalsozialistische Diktatur 1933-1945. Eine Bilanz. Bonn, 1986. S.430.

Latvian SS Legion, as well as space filling for publications in the absence of positive information from the battlefields.

Of course, this periodization is a subject of question¹¹³, however, in general, it reflects the functioning mechanism for propaganda model.¹¹⁴ At the initial stage of occupation the main purpose of propagandists was to make associations of the repressive organs of the Soviet Union and the nationalization, etc., with the Jews, thus burdening them with the full responsibility for the crimes of the Stalinist regime. It seems hardly justified to say that the purpose of a massive anti-Semitic propaganda was only to attract the largest possible number of representatives of non-Jewish population to participate in the Holocaust or in nonresistance to it. The massive flow of anti-Semitic publications, was intended to force the people of Latvia to understand that it is necessary to find its place ... in this great liberation struggle of humanity against inhuman Judeo-Bolshevik yoke, for the people's fate depends on its determination.¹¹⁵ An Israeli researcher Dov Levin rightly notes that it is impossible to understand the Holocaust and the events of 1941 without any information about the events in the western Soviet territories in 1939 – 1940.¹¹⁶ The Communist press which emerged from the underground in June 1940 became the voice of the established new order. Declaration of common rights for all nationalities living in Latvia, made by the Government of Lithuanian Soviet Socialist Republic, as well as decisions on national policies which were often subject to ambiguous interpretation, was the way of formal involvement of national minorities in active political life. In the mass consciousness, construction of a new socio-political system was sometimes interpreted in the following way: "the minority – the Russians and the Jews – are now happy that their time to dominate the Latvians has come..."¹¹⁷ This caused outrage and fear among Latvians: "many employees of Latvian nationality are afraid that, after the victory of the Labour bloc, they will be dismissed, and the Russians, the Jews and Communists shall be put

¹¹³ For example, L.Dribins allocates two periods: July - December 1941 and 1942 until the end of the war. See: Dribins L. Antisemītisms un tā izpausmes Latvijā... 114.lpp., however, it seems that more thorough quantitative linguistic and statistical studies are required to prove the stated hypothesis.

¹¹⁴ See example: Olehnovičs D., Zellis K. Laikraksta „Tēvija” karikatūras kā nacistiskās okupācijas režima propagandas līdzeklis (1941 – 1945) // Latvijas Vēsture. Jaunie un Jaunākie laiki. 2005. 1 (57). 47.–66.lpp.

¹¹⁵ Brocīs Augsts. Būsim gatavi. Nacionālā Zemgale. 1941.19.jūl.

¹¹⁶ Gordons F. Latvieši un židi: Spiles starp Vāciju un Krieviju. Stokholma-Rīga-Toronto, 2001. 58.lpp.

¹¹⁷ Latgalskaya Pravda (Latgal Truth). 1940. July 10.

in their places..."¹¹⁸ Possibility of restrictions on the rights arising from the loss of statehood, has caused growth of xenophobic, and in the first place, anti-Semitic and anti-Russian sentiment among Latvians. "July 6, Sgt Leper ... banged his fist on the table and shouted: "You Jews, Russians and Communists! I wish I cut your throats, or shot by machine gun!" Sgt. Redelis ... beat two nurses of the military hospital, who were the Jews ... the commander of artillery regiment captain Kugenieks ... accused Jews of the occurred democratization ... then he ordered all Jews to stand up and called them pigs, in the presence of the entire battery, and added that they were digging themselves a deeper hole. In addition, he attacked the Russians, Poles, and the "selling out" Latvians, i.e. Communists ... when the Red Army came, Anse, boasted that, they would settle those red devils, and for those Jewesses, crambling on Soviet tanks, they have enough bullets in stock. Seeing that the soldiers were preparing a box, he said that it would be a coffin for the Communists and the Jews..."¹¹⁹ Note that it is the military and students societies, were the Semitic sentiments were strongest and lasted until 1940.¹²⁰ Seeds of hatred fell on fertile ground, because representatives of all ethnic groups were affected by the anti-Semitic views, and the propagandists skillfully used this. It is important that under the propaganda discourse of Soviet repression, ethnicity of characters in different materials was always emphasized, according to the model: the executioners = Jews, the victims = Letts. Note that at the initial stage of occupation, Stalin was often presented as a Jew, or the myrmidon of the Jews.¹²¹ At this, the cultivation of the myth of the "Jewishness" of Stalin survived until the last days of the war.

November 30 and December 12, 1941 are marked as a turning point in the history of the Jewish community in Latvia. In the town of Rumbula, near Riga, two actions for the destruction of the Jewish population took place, and nearly 24,000 people were killed.¹²² This somewhat reduced the degree of anti-Semitic propaganda, as the Jews in Latvia were

¹¹⁸ The same source.

¹¹⁹ Latgalskaya Pravda (Latgal Truth). 1940. July 23.

¹²⁰ See example: Stranga A. Rasistskiy antisemitizm v Latvii: "Perkonkrusts" i drugie (1932 – 1933) // Evrei v menyayushemsya mire. Riga, 2005. S. 316.

¹²¹ See: Olechnovičs D., Zellis K. Laikraksta „Tēvija“ karikatūras... 47.–66.lpp.; Olekhnovich D. "Stalin - evrei": antisemitskie karikatury v gazette "Dvinskiy vestnik" // Evrei v menyayushemsya mire. Riga, 2002. S. 212 – 217; Olechnovičs D. "Karikatūra kā kara ierociš": dasas tendences nacionālsociālistiskajā propagandā. // Starptautiskās konferences "Latvija nacistiskās Vācijas okupācijas varā 1941 – 1945" materiāli. Rīga, 2004. 30.-40.lpp.

¹²² Ezergailis A. Holokausts vācu okupētajā Latvijā. Rīga.1999. 298.lpp.

either destroyed or (fraction) isolated from non-Jewish population. The formal end of the first period can also be represented by the publication of a notorious forgery „Baigais gads”¹²³, which was prepared over several months and all the materials had been previously published in the newspaper “Tēvija” and other periodicals. Anti-Semitic propaganda, however, still was continued – with regard to the fact that much attention was paid to foreign policy, because it was necessary to implant to the potential audience the opinion that only the desire of the Jews to dominate over world unites the UK, USA and the USSR, as there are Jews in the government of the above mentioned countries, and there is no difference between Jew Commissioner and the Jew-plutocrat, because they have one goal – domination over the world.¹²⁴

The final period of the war was characterized by changes in anti-Semitic rhetoric of the propagandists. Despite the fact that the number of anti-Semitic material decreases, narrative propaganda includes features of the above periods, and the need to mobilize local people for participation in hostilities is accompanied with the use of propaganda cliches such as Jew-Bolshevik, and also with a strengthened anti-American and anti-British rhetoric. This is partly explained by the fact that in the mass consciousness of the greater part of the population in occupied Latvia, the United States and Britain were imaged as traditional allies, and they were pinned hopes for a post-war world.¹²⁵ In this case, article “The War”¹²⁶, can be rather illustrative: the war is defined as ... an attack of so called Democracy on the ideals of truth of National Socialism ... with the aim to set the Jewish money of Yankees over the world ... [at this] Jews are Bolsheviks forged her sinister plans of enslavement of the world using pacifist slogans of Finkelshney-Molotov.¹²⁷ At this, the idea of pre-emptive attack on the Soviet Union, for the salvation of the enslaved peoples, was repeated more than once. However, it is possible to state with sufficient confidence that the leitmotif of propaganda was

¹²³ Baigais gads. Riga, 1942. Unfortunately, we must note that this publication was republished twice (reprint) since 1991 and currently is available, in the Internet also: www.home.parks.lv/leonards/BaigaisGads.

¹²⁴ Bauers J. Augstākā kīla. // Daugavas Vēstnesis. 1941. 21.okt.

¹²⁵ More details: Swain G. The Origins of the Myth of British Intervention in Latvia in Summer 1945 // Proceedings of the 17th International Scientific Readings of the Faculty of Humanities. History XI. Daugavpils, 2009. 222-227 Pp.

¹²⁶ Tēvija. 1944. 22.jūn.

¹²⁷ The same source.

to mobilize the population against the advancing Red Army, which was getting closer with increasing speed.¹²⁸

Necessity in filling print space had the same importance for the propaganda of the later period of the war. Despite the objective factors, caused by wartime conditions (lack of paper, printing materials, space, etc.), the propagandists had an important goal to create an environment which would not conduct mass hysteria and panic, until the time when it becomes necessary. In periodicals, the literary and educational pages are beginning to dominate since the mid 1944. However, it seems that the purpose of publication of these materials was not only to fill the pages of newspapers, but also the need to consolidate the declared Nazi worldview. The texts published in periodicals, attracted attention of the audience to the source, and series publications of novels based on the incomplete actions effect (or "Zeigarnik effect")¹²⁹, made the reader refer to those published texts again and again. This greatly facilitated for the propagandists the formation of the new world, which origins lie in the Nazi myth, which was mostly based on anti-Semitic ideologems.

Up to the present moment, the questions of anti-Russian propaganda in the Latvian press were considered rather fragmentarily in the scope of research. At this, the question of role of the Russian population in the occupied Latvia in propagandist texts still remains under-researched. The approach of Nazi propagandists was not linear and was determined by the events on the front. Despite the openly declared Nazi racial theory, where the Slavs and Russians, in particular, relegated to the lower levels of the hierarchy, it is necessary to note that this approach in the propaganda implementation was rather flexible and was adopted to current situations, both in the rear and in the frontInvestigating the source one can distinguish several stages:

- the initial period of occupation – Summer 1941 – February 1942, the Russian population of Latvia was identified with the bearers of Bolshevism;
- February 1942 – 1944 year, the Russian factor was ignored (with some exceptions);
- the final stage of the war – raising calls for mobilization against the Red Army.

¹²⁸ The same source: 1944. 25.dec. Title – "the intruder", the legend – "A well-known trainer of bears and monkeys, a waited-for guest in Latvia"

¹²⁹ <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1164>

Divida et impera principle was the basis of the Nazi policy, and at the initial stage of occupation, texts aimed to the Latvian audience, were of the main importance in propaganda; periodicals were issued only in Latvian language, despite the attempts to issue newspapers in Russian, which were taken in the summer of 1941. For example, first (and last?) Newspaper "Rodina" ("Homeland")¹³⁰, edited by B. Klopotowski (Leri), came out on August 27, 1941 in Riga. Over the entire period of the publication of the sources in 1941 (total 155 issues), the word "Russian" was found only in a few cases of negative connotations. For example, description of the situation in the Latvian territorial body of the Red Army in 1941, states that "...all managerial positions were occupied by the Russians and the Jews ... and only then the recruits of the conquered people got under their control..."¹³¹ In this case, it is the tone of the article, rather than the facts stated in it, are the manifestations of Russo-phobia, as, indeed, most employees in the 24 th Territorial Rifle Corps of the Red Army, converted from an army of independent Latvia, were Russian.¹³² At this stage, in the source, the Red Army was consistently referred to as "The Russian army," and this epithet is interpolated to the soldiers. It seems likely that the propagandists used the the concept of superiority over the Russians, as it can be evidences by the numerous photographs of prisoners of war the Red Army, which available in source.¹³³

The above mentioned thesis can be illustrated by a series of articles about the events in the Soviet Union, published since the first issues of the source¹³⁴, but, in general, the attitude of publishers of "Tēvija" newspaper to the Russian population of Latvia, in particular, and the Soviet Union, in general, was negative. Note also that those regions of Latvia, where the Russian population was considerable (mostly – Eastern Latvia), all official orders were printed in three languages – German, Latvian and Russian.¹³⁵

The situation changed only in late 1941 – early 1942. On February 12, 1942, confidential order of the Propaganda Department of commissioner

¹³⁰ Unfortunately, at this stage of the research work the author does not have complete information about that source.

¹³¹ Tēvija. 1941. 11.jūl.

¹³² Savchenko V. Latyshskie formirovaniya sovetskoy armii na frontach Velikoy Otechestvennoy voiny. Riga, 1975. S. 37 – 42.

¹³³ Tēvija. 1941. 11.jūl. Title of the picture - "They wanted to march to Berlin ... Types borrowed from "invincible" Russian army before imprisonment in the camp for prisoners of war".

¹³⁴ For example: Kā Stālins iznīcināja krievu zemniekus [How Stalin destroyed the Russian peasants] // Tēvija. 1941. 9.jūl.

¹³⁵ For example: Daugavpils Latviesu avize. 1941. 7.aug.

General Riga against the press appeared. It emphasized that: "Use of any of the] words "Soviet Russia", "Soviet Russian" or "Russia" and "Russian", is erroneous. In all cases it is necessary to talk about "Soviet Union" or the "Bolsheviks""¹³⁶ This order does not illustrate the special warm attitude demonstrated by the occupation regime to the Russian population of Latvia; it indicated the need to combat the guerrillas and prisoners of war who had escaped from the camps. Events of December 18, 1941, along with the battle for Moscow, were determining factor: in the village of Audrini (Rezekne district), mostly populated by the Old Believers, the Latvian police found armed Red Army soldiers who fled from Rezekne POW camp (Stalag-347). It was not ideology, but the desire to help "the Friends", what moved the local population to support the Red Army, the more so, one of the fugitives was the son of a resident of Audrini. As a result – the village was burned on January 2, 1942; and 170 of its residents were shot on Jan. 4. It is clear that this event could cause a wide public response, however, the propaganda tactics changed. Already in 1942 it was impossible for us find any Russophobic articles in the source; practically no information about the Russians, either. The exceptions are few anti-Semitic cartoons depicting the Russians as victims of Bolshevism and the Jews.

The entrance of the Red Army on the territory of Latvia caused no significant changes in the attitude of the propagandists to the Russians. Despite the fact that on the domestic level, there was some dissociation (and hostility) between ethnic groups, still there were no anti-Russian (neither Russophile) content, though, descriptions of the crimes allegedly committed by soldiers of the Red Army on the territory of Latvia, indicated the nationality of the victim – it was Lett.

The results are not final and can not fully answer the questions raised in modern historiography. To manipulate the consciousness of the potential audience, the propagandists used a wide range of stereotypes and euphemisms. Along with borrowed or centrally distributed plots, the publishers of the newspaper competed in the proclamation of anti-Semitic slurs, bringing a set of unreal and criminal representation, to absurd. Anti-Semitism was the essence of Nazi ideology, which clearly outlined the border WE – THEY and on this basis, the anti-Semitic propaganda filled the gaps of the ideological basis of the Third Reich, creating a picture of the world where the Jewish population was peremptorily enemy.

¹³⁶ See: LVVA, P-74.f, 1apr.,2.l, 1.lp.

On the other hand, propaganda of Russophobia was not objectively profitable, although it had a grateful audience, but the reality of war forced to muffle the voice of Russophobic propaganda, shifting the vector of hatred to Bolshevism, while the Russians, as it was planned by Tēvija publishers, were assigned the role of victim of Bolshevism which should also be saved by the Latvian soldier fighting on the Eastern Front with the German soldier for the ideals of the New Europe. However, it is also necessary to warn that attempts to simplify and vulgarize the ideas on the national-socialist propaganda in historiography, in our opinion, are not reasonable. Periodical Press, which was published in the occupied territories by the Third Reich is a paradox of diversity in monotony, when, for the particular target the full spectrum of resources is mobilized; with its use, the image of the enemy, where the Jews and the Russians took momentous, but different significance, was created and cultivated.

E. Greben'

Russian national idea as part of the terror regime of the collaborationists authorities

The territory of Belarus during the Nazi occupation, was a part of several territorial administrative units, the largest of which were the rear area of Army Group "Centre" and the general district of Belarus. This fact determined some differences in the forms and methods of the Nazi occupation regime, in particular, in the content of the propaganda conducted by the occupation authorities and the local auxiliary administration. While civil authorities on the territory of the District of Belarus were loyal to in-Belorussian which started as early as 1941 (Commissioners General W. Kube and K. Gottberg anchored their expectations on Belarussian nationalism), the military authorities of the rear area of Army Group "Centre" were totally indifferent to this idea.

The eastern areas of the BSSR were subject to strong Russification in the 1930s already. And in these areas there was an acute shortage of nationally conscious personnel. Military administration, unlike civil administration in GOB, did not wish to get to the specifics of the region, considering all the occupied areas of the USSR as "the Russians", which was manifested from the first days of occupation. For example, in contrast to the General District Belarus, the paperwork in the eastern part of Belarus was performed by the local subsidiary management in Russian only (with rare exceptions), periodicals were published in Russian. For instance, the first issues of the newspaper "Vitebskie Vedomosti" ("Vitebsk News") came out in Belorussian, but already in autumn of 1941, the newspaper was published in Russian language, the most well-spread publishings of the Eastern Belorussian towns were also issued in Russian; newspaper "Novyi Put" ("New way") (newspapers of the same name were published in Vitebsk, Orsh, Mogilev, Bobruysk, Borisov), the journal of the same name was also spread.

The publishings in Belorussian (for instance, Юнацкі покліч, the organ of the Alliance of Belorussian youth of Vitebschina; "Belaruskae slova" ("Belorussian Word"), because of their small circulation could not influence on population of the region. Small Belorussian cultural and educational organizations (for instance, "Belorussky Dom" ("Belorussian house")) also had no possibility to influence on the minds and moods of the locals.

In the orders, published by commanders of the rear zones, which were regulating life of the population of East Belarus, terms "Russian inhabitants", "Russian territory" were constantly used. The brochure "Importance of the agricultural year 1943 on Russian agriculture", published by German main Land Authority, contains historical overview of the agrarian relations, comparisons of prerevolutionary Russia and the USSR, which (the latter), ostensibly, revealed degradation of peasantry, and when the Germans entered, the "Saint Russ had already been destroyed".¹³⁷

Such a picture could also be seen in local periodicals. For instance, article "Russian girls" published in Mogilev newspaper "Novy Putt" ("New way") describes the ordinary life of "Russian girls" from villages of Chaussky region.¹³⁸ Russian anti-Bolshevik leaflet "Rull" ("The Wheel"), the article "The Russians in Germany" contains letters of the residents of Minsk region, Bobruisk.¹³⁹

It should be noted that the terms "Russian", "the Russians" were not always used consistently. For instance, term Russian workers was used in Bobruysk newspaper "Novy Putt" ("New way") in article "3600 km. on Germany", but the Byelorussians, the Ukrainians and the Russians were distinguished among them.¹⁴⁰

We can expect that military authority of the occupied territories of the USSR did not clearly understand the specifics of the occupied regions, traditionally identifying all slavonic territories of the USSR with Russia. As the Russians were often identified with all Red Army soldiers; the German soldiers understood drafting to the East front as drafting to Russia and etc. Such attitude can be explained by the fact that commanders of the rear zone had no clear information on occupied regions. At the same time, deliberate agitation and propaganda campaign intended to impose ideas of chauvinism was carried out on the territory of Belarus. Power structures, who fought on the side of Hitler Germany, became translators of such ideas.

The Territory Belarus became the area for activity of some Russian pronazi armed formations. Here, in different periods, the parts of Russian liberation army under commandment of Vlasov, Russian public army (created in 1942. in settl. Osintorf of Orshansky region) and Russian lib-

¹³⁷ State Archives of Minsk region, f.1039, op.1, d.108, p. 18-18ob.

¹³⁸ Novy Put' (New Way) (Mogilev), 8.07.1943.

¹³⁹ Russians in Germany // The Wheel, 10.02.1944.

¹⁴⁰ M.Bobrov. 3600 km. on Germany // Novy Put' (New Way) (Bobruisk), 3.04.1943.

eration public army under commandment of Kaminsky¹⁴¹ were located. The latter performed ideological work very intensively.

In August 1943, under the onslaught of the Red Army RONA together with the Germans abandoned their location and was moved to Lepeliskiy region. Appeal to the people of Lepel, Ushachsky, Sennensky, Chashniksky and Beshenkovichsky areas was published. The order of the German High Command concerning dislocation of ROA unit in the Lepel district was brought to the locals. In the text of the document the formation was identified incorrectly, in fact, it was about location of Kaminsky RONA. The Locals were called to voluntarily join the ranks of RONA to fight for construction of the new Russia.¹⁴² In Lepelschina, local administration was set under control of B. Kaminsky (became the Ober-Burgomaster of Lepel district), RONA was called Lepel garrison.¹⁴³ Newspaper "Golos Naroda" ("Voice of the People") was published, as well as the press organ of NSTPR – in Lepel district and administration district, and the press organ of the brigade –newspaper "Boevoy Put" ("Way of Fight").

The Ideologues of RONA tried to realize ideological postulates of tsarist Russia on the territory Belarus, conducted active propaganda in the line of superpower state chauvinism. Unlike indifferent attitude of the German military administration to Byelorussian national movement and Byelorussian nation; the ideologues of RONA, as well as tsarist administration, denied existence of the Byelorussians, tried to convince the Byelorussians that they were an integral part of Russian folk, inhabitants of Russia.

In manifesto of NSTPR it was noted that the purpose of the party and RONA is dethronement of the communist regime in Russia, formation of the Russian sovereign state, where labor and private initiative dominate.¹⁴⁴ NSTPR can be considered as Russian analogue to NSDAP. By 1944, presence of 36 organizations of the party in different regions was declared.¹⁴⁵ On September 12 1943, meeting of the youth took place in common-room of Lepelisky theatre, it was organized by propagandists of RONA. Officers of the RONA and civic propagandists took part. The Theme of the report – explanation of the essences of the "Russian libera-

¹⁴¹ Belorusskie ostarbaitery: Ugon naseleniya Belorussii na prinuditel'nye rabory v Germaniyu. Minsk, 1997. Kn. 2. S. 396 – 397/

¹⁴² State Archives of Vitebsk region, f.2088, op.2, d.8, l. 7.

¹⁴³ Golos Naroda (Voice of the People) (Lepel), 1.11.1943.

¹⁴⁴ State Archives of Vitebsk region, f.2290, op.1, d.95, l. 81.

¹⁴⁵ Golos Naroda (Voice of the People) (Lepel), 15.01.44.

tion movement", appeal to locals to enter in RONA. One of the speakers noted: "The purpose of our life is to create Great new Russia on debris of bolshevism".¹⁴⁶

The Union of Russian Youth actively acted under RONA. On January 15, 1944, the article "Youth of Great Change" was published in newspaper "Golos Naroda" ("Voice of the People"), in which it was noted: "...now, when the "Chinese wall", created by the bolsheviks, collapsed, and we have got the possibility to get acquainted with the other teachings (Nacional-labor Solidarizm), capable to reconstruct our greatness and on this base set our Native land on world tops, when we have possibility to cluster around Nacional-socialist Labor party of Russia and Russian Youth Alliance, we must do this".¹⁴⁷ Purposes and problems of SRM were explained in same issue: 1) teaching young generation of the Russian love to their native land, to its folk; 2) active help and participation in fight for dethronement of bolshevism and setting the new order in Russia; 3) denouncement of teachings of Marks as those of a bad and anti-national writer, profitable only for the Jews, and having no native lands; 4) teaching love to any labor, aimed to wellness of the state and nation, keeping in mind, that that labor is a source of property, labor property is a guarantee of liberty; 5) upbringing high moral qualities, probity and solidarity.¹⁴⁸

The result of actions of the RONA propagandists can be regarded as zero one. Russian chauvinist ideas had no response among the Belarusians of Lepelschina, which resulted in evasion of local residents from the mobilization RONA, identifying it with some military formation, fighting on the enemy's side.

Attempt to influence the younger generation was the creation of collaborationists organization the Union of Russian Youth on the territory of Belarus. There is no clarity concerning the time and place of formation of this organization. Belarusian researcher A.A. Kovalenya refers the establishment of URY (Union of Russian Youth) to spring of 1944. Solemn ceremony to mark the establishment of URY (Union of Russian Youth) took place in Borisov, on 7.05.1944. Kovalenya considers the establishment of URY in the context of the policy of the German military administration in the territory of Belarus, connects the organization's activities with young people, included into the ROA, among which the Union had to conduct

¹⁴⁶ Novy Putt (New Way) (Lepel).16.09.1943.

¹⁴⁷ Golos Naroda (Voice of the People) (Lepel), 15.01.1944.

¹⁴⁸ The same source.

propaganda work.¹⁴⁹ At the same time, we have already noted the existence of the organization with a similar name, which existed at RONA of Kaminsky, at least since January 1944. Perhaps the private initiative of commandment of RONA was adopted by the commandment of the rear zone and authorized throughout the territory of Belarus, which was under control of the military administration. Interesting that, representatives of the Belarusian Union of Youth (created 22.06.1943) were present at the Congress in Borisov, which was obviously a forced to step for them, as representatives of the Belarusian Collaboration opposed the creation of URY.

Russian idea was present in each action of URY. For example, in Borisov, the members of the organization planted about 400 fir-trees, lilac and acacia trees, made a path in the form of St. George's Cross, as it was noted in the newspaper "New Way".¹⁵⁰ In the article "In The Union of Russian Youth" it was noted that "the basis of the educational activities of the organization is striving to prepare young people for the great service to the liberation of our homeland and formation of a new, national Russia". At a concert of URY in the room of Borisovsky theater, the director of Suvorov Group of URY noted that, despite the Soviet regime, "the youth still has Russian soul".¹⁵¹ The article "For Russia", devoted to celebration the month anniversary of the establishment of URY, has description of ceremony of award of the representatives of the Belarusian youth with "Russian Icons", the young people were positioned as the "masters of the Russian land", exclamations of "For Russia!" were used.¹⁵²

By 1944, Russian rhetoric replaced the Belarusian rhetoric in some places, in those areas where the latter existed from the very beginning of the occupation. For example, in the article about Holopenichsky committee for organization of the national self-help, which was entitled "People's Self-Help Growing", the word "Belarus" was not even mentioned, although originally the organization "Belarusian People's Self-Help" was not just engaged in humanitarian activities, but also actively worked to revive the national consciousness of the Belarusians.¹⁵³ In the article "Letter from Jenya T.", written on behalf of Mogilev girl, sent to work in Germany, it was told: Now Russia seems to me somewhat pathetic, worthless, dirty,

¹⁴⁹ Kavalyena A. Pragermanskiya sayuzy moladzi na Belarusi. Minsk, 1999. S. 172 – 173.

¹⁵⁰ Novy Putt (New Way) (Borisov), 03.06.1944

¹⁵¹ The same source.

¹⁵² The same source, 24.06.1944.

¹⁵³ The same source, 07.06.1944.

miserable. Poor soldiers who are in Russia!.. Here the villages are so much better than the places we have, say Orsha, Mogilev, and so on.” The unnamed author of the article identifies Russia with both the resident of Belarus, and the images of Mogilev and Orsha.¹⁵⁴ Article about the activities of URY of Borisovo is titled “For Russia”.¹⁵⁵

Another kollaboratsionym formation, who promoted Russian chauvinistic ideas in the territory of Belarus, became the Union of Fight against Bolshevism (under the leadership of M. Octan), formed in spring 1944 in Bobruisk District.¹⁵⁶ Units of URY could be included in UFAB in full force, the police was also included there. The response of Belarusian collaborationists on the creation of this organization was also negative because the UFAB used Russian symbols (black and orange bight with St. George's Cross) and the Russian language. The units of the organization were formed at several establishments and in the police in Bobruisk, Osipovichy, Pukhovichy. “The struggle against all forms of Judeo-Bolshevism” was proclaimed as the objective of the Union.¹⁵⁷ Entry into the Union continued until the liberation of Belarus.¹⁵⁸

Russian national idea was actively promoted among the staff of several units in the Order Service (OS) of the rear zone of the Army Group “Centre”. There, the speech of General Vlasov (chairman of the Russian Committee) to the Russian people was promoted.¹⁵⁹ The speech of the Russian Committee was included in the work plan of the propagandists of OS of the Borisov district for January, 1944.¹⁶⁰ The aims and objectives of the organization were explained to the police. The Russian Committee targeted itself on the tasks of overthrowing of the Soviet power, construction of “New Russia” on the principles of elimination of collective properties (kolhozes), on private ownership of the land, social justice, human rights and freedom. “In strong belief that on these principles, the perfect future for the Russian people can be built and should be built, the Russian (committee-E.G.) encourages all Russians located in the liberated areas ... to unite to fight for their country against its greatest enemy, Bolshevism!”.¹⁶¹

¹⁵⁴ The same source.

¹⁵⁵ The same source, 24.06.1944.

¹⁵⁶ Kavalenya A. Pragermanskiya sayuzy moladzi na Belarusi. S. 173 – 178.

¹⁵⁷ The same source. S. 174.

¹⁵⁸ State Archives of Minsk region, f.1613, op.1, d.1, l. 459.

¹⁵⁹ The same source. f.635, op.1, d.46, l. 10.

¹⁶⁰ The same source, l. 1.

¹⁶¹ The same source, l. 9 – 9ob.

Propagandists of SP Orsha developed a plan for propaganda work for September 1943, one of the themes sounded like "Russian Liberation Movement". The material for the report was the program of the Russian Committee, and an open letter to General Vlasov.¹⁶² Apparently, this subject was used by the propagandists on all the rear zone of Army Group "Centre". For example, the same theme was scheduled by the propagandists of Borisov district for the February 1944.¹⁶³ The propagandist of Bobruisk district used the following calls his speech to OS soldiers: "Kill the Jews and save Russia," "Long live the new free Russia, standing in the family of the New Europe, led by Adolf Hitler".¹⁶⁴

Still, here, Russian national idea was not conducted sequentially, either, mixing with the ideological postulates of the Belarusian national idea. In the report to the members of the Order Service in Borisov district, Stalin was ironically called the "Autocrat of all Russia", carrying distress to "native Belarus". Socialist ideas are considered as "invention of the Jew Mordchhai Marx", which were put to practice by his Moscow successors on the backs of unfortunate peoples of the USSR. The idea, that under the leadership of Germany all European nations, including the USSR could fight for their future, was propagated, Belarus and the Ukraine were individually marked as independent territories. The OS fighters were informed that Belarusian People's self-help was established to care for the population of Belarus, the police were called to protect the native Belarus.¹⁶⁵

Russian national idea proved to be quite stable. Despite two decades of domination of the new Soviet ideology, it was revived among the Russian collaborators during the Second World War. Russian collaboration organizations, at non-intervention, or direct support of the Nazis, attempted replication of the the Russian national idea among the inhabitants of the occupied Belarus. Electoral base for the dissemination of this ideology was formed by the soldiers and police officers in the Russian pro-Nazi militia. The civilian population of Belarus reacted indifferently to such ideas, because they rejected the substance of the ideas, and also because they were broadcasted by the structures, collaborating with the occupiers.

The ideological treatment of police officers was extremely important for German and collaboration authorities. Given that most of the OS fighters

¹⁶² The same source, l. 3.

¹⁶³ The same source, l. 14.

¹⁶⁴ State Archives of Minsk region, f.840, op.3, d.1, l. 68.

¹⁶⁵ State Archives of Mogilev region, f.635, op.1, d.46, l. 4 – 5.

were locals (typically, the Belarusians), the content of propaganda materials was crucial. The growth of Russian national rhetoric was in the 1934-1944. It was determined by the fact that series of armed groups of ethnic Russians RONA, ROA, transferred here from the Russian territory (police force) were dislocated in the area of Army Group "Center". Russian ideologists collaborators unsuccessfully attempted to realize their nationalistic ideas among the population of Belarus. The rhetoric of agitation and propaganda materials was reminiscent of the ideological postulates of the times of Tsarist Russia.

The German military authorities encouraged the creation of Russian national organizations, using the principle "divide and conquer". On the territory of the general district of Belarus, under the rule of the German civil administration, the Russian national idea was spread, as in this case, Germans relied upon Belarusian nationalism.

I. Gerasimova

Jews in the partisan movement in the occupied territories of the USSR

In recent years there has been an increasing interest of researchers to studying the partisan movement in the 1941 – 1944. At first glance it seems strange that the history of the partisan movement, one of the few topics, that was studied in detail in the 60 – 80 years of the last century, is causing interest among scientists, again. Especially, it concerns Belarus, the “partisan republic”, as it was called; a great number of studies, articles, memories, multi-volume collections of documents on partisan struggle of the Belarusian people during the war was published in this country. But today, when the countries of former Soviet Union, are reviewing the history of war on the basis of previously inaccessible archives and private papers and materials; the social and public attitudes toward the need to reflect the historical truth is changing, the desire of scientists to study the partisan movement in terms of a new methodological approach, seems to be naturally determined. The attention of researchers to development of new themes emerged, such as Jews in the partisan movement in the occupied territories of the former USSR, is also explainable.

For decades, the participation of Jews in the underground and partisan struggle in Belarus during the war was hushed. This helped to create mistaken belief in the public consciousness of our fellow citizens, that the Jews did not resist and did not participate in the struggle against the occupiers, while the Nazis totally destroyed the Jewish people. After the war, until the early 90's, with few exceptions, there were practically no published memoirs of the Jewish partisans, since it was impossible to publishing the truth, and all that was written bore the stamp of ideological and political trends of the time. That's why, the authors of memoirs just ignored many important facts, or interpreted in accordance with instructions of the Party. As an example, the view of Anna Krasnoperko, a former prisoner of the ghetto, a partisan, the author of one of the first books of the Minsk ghetto ghetto “Пісьмамає пам'яці” (“Letters of My Memory”), published in 1985 in Minsk. In the early 90 – journalist M. Bookman wrote about a conversation with this woman:

“Anna Davydovna told how many terrible things there were then, after escaping from ghetto. How they were rejected by the partisans.

"I do not need the Jews", – said the commander of one troop. Another one was afraid of information leakage and sent a man to shoot them.

"I asked: – Why don't you write about it?

"- Oh, what are you talking about? Is it possible to write about it? – She was really surprised".¹⁶⁶

In subsequent years, when it became possible to write about the Holocaust and not only about killing of the Jews, but also about their resistance to fascism, then books with memories of the partisan Jews started to appear, as well as articles of separate researchers of Jewish participation in the partisans movement. This topic was reflected in the works of researchers: Leyzerov A., E. Ioffe, E. Rosenblatt, I. Elenskya, I. Gerasimova, V. Selemenev (Belarus), M. Altshuler and L. Smilovitsky (Israel), D. Meltzer (the USA) and others. Every year there are new studies that reveal the theme of the participation of Jews in the partisan movement in different regions of the former USSR, their relationship with the partisans of other nationalities, attitude of the leaders of the partisan movement of to Jewish partisans, to anti-Semitism in partisan detachments and brigades, etc.

These topics are not simple in the scientific study, because the sufficient source-base for research is not identified yet: the participants and witnesses of those events who could help the scientists in understanding some important issues can no longer be found. Moreover, as it turned out, some issues of the common history of the partisan movement also need to be reviewed – all this and makes it necessary to search for investigators of other approaches, develop a special method of investigation, corresponding to the specifics of the topic. In this regard, it is important to clarify some of the main provisions, which are of fundamental importance for the study of the topic of participation of Jews in the partisan movement. These issues will be worked out on the example of the investigation of Jewish partisans in the partisan movement in Belarus during the war.

Some features of historical sources base

Studying the history of the participation of Jewish partisans in partisan warfare is based, as any other historical research, on the documents. However, when selecting of documents for research of the topics of interest, it is necessary to take into account some important points. The docu-

¹⁶⁶ M. Knizhnik Iz zapisnyh knizhek. Znamya, № 9, 1993, P. 204.

ments and materials (usually a few), available to the researcher, should be classified first:

a) the sources of a general character, which give an idea of the history and activities of the partisan formations (brigades, units), commandment and nationality. This information is provided by the documents of Partisan Headquarters, teams and units, memories of commanders of particular units, non-Jewish partisans, statistical materials, etc.

b) the materials telling about the Jews in this partisan group or team. Typically, such materials are rather few, still they exist, mostly – in the documents of the Headquarters of the Belarusian partisans movement, for example. These are different reports, statements, memoranda of the Jewish partisan, which are stored in the archives, memories of the Jewish partisan, members of their families, published after the war.

It is often impossible to find in the documents any mentions if there were any Jews in the brigade or troop. For example, in the main reference edition, which is used by the researchers nowadays – “Partisan armies in Belarus during the Great Patriotic War (Brief organizational structure of the partisan units, brigades (regiments), troops (battalions), and their manpower)”, published in Minsk in 1983. when used in a percentage number of partisans of various nationalities, the Jews are not mentioned. There are the Belarusians, the Russians, the Ukrainians; and the Jews, are probably meant by the definition “others”. In this regard, some data published in the book, seem to be, at least, strange. For example, the brigade “for Soviet Belorussia” of the Baranovichi region, of 962 partisans, consisted of, according to the Handbook: 495 Belarusians, 237 Russians, 30 Ukrainians and 200 persons of other nationalities.¹⁶⁷ 30 Ukrainians were necessary to note, and 127 Jews who fought in the brigade and lost 30 persons killed, were “encrypted”. There are a lot of examples of this kind in this book. If earlier the study of the quantity of Jewish partisans in Belarus was prevented by the state ideology of anti-Semitism, today it is mainly the questions of the nature of historical sources, and in this case, strange as it seems at first glance, it is not the absence of documentary base what is a problem; but on the contrary – abundance of documents on statistics.

The registered lists are basis of any research work related to the study of statistical material on the partisans. They were drawn up in Belarus,

¹⁶⁷ Partisanskie formirovaniya Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Kretkie svedeniya ob organizatsionnoy structure partizanskih soedineniy, brigad (polkov), otryadov (batal'onov) I ih litchnom sostave. Minsk, 1983. P. 40.

mostly in 1944, after joining of the partisans with the Red Army, and have hundred thousands names.

The National Archives of the Republic of Belarus has sufficiently complete registers of this type which list up to 281,007 partisans, the lists are approved in BSHPD in 1946, with an indication of national and social situation of the partisans. The researcher, who decided to solve this problem, first should find name lists of specific partisan of the partisan formation in the archive, and select out the names of the Jewish partisans. It should be understood that not all Jews indicated their real nationality when joining a partisan unit. Being on the occupied territories, where the Nazis openly called local people to kill the Jews, if there was a possibility – a person did not look like a Jew, or spoke fluent Russian or Belarusian language, – many people took this chance and registered themselves under other names and nationalities. As commanders of the brigades and units, then if there were any Jews among them, the supervisors required them to change their names to Russian ones, so that the Germans and the surrounding population was not aware that there were Jews among the commanders of partisan groups.

Memories of the Jewish partisans are an important source of information. Using them, we should pay attention not only to the years when these memories were written, but also in what country and even – in what language. For example, the memories published abroad before the 90's of the last century, in Yiddish, Hebrew and English are often of anti-Soviet character. A few memories of the Jewish partisans, published in the USSR in the mid 40's and even in the late 80's early 90's, usually conceal any facts about anti-Semitism in the partisans detachments. Only memories of the Jewish partisans written already in XXI century are truthful and show the real conditions and situations in which the Jews in the partisan detachments survived.

The important point for any historical study is the desire of the scientist to build a factual chain of events, truly and on the basis of historical sources, but also to understand and explain certain actions and causes of actions of people operating under these conditions. To understand the different situations related to the behavior of Jews during the war in the occupied territories, it is very important for the researcher to know the history, traditions and lifestyles of the people, not only during the war, but long before it. This behavior and actions, formed during the long years of living in the Diaspora, surrounded by the other people, can be the ex-

planation of these or any other actions of Jews during the war, and also of the Jewish partisans. Only in this case, you can understand the reason of decisions taken by the Jews in the occupied territories, which, at first glance, were not logical. As, for example, prisoners of ghetto, who did not want to go to the forest to the partisans. So it seemed to many Belarusians also, who warned the Jews about upcoming destruction and said that they urgently needed to go to the forest and escape. Nowadays these thoughts are common to many people, who are not very well aware of the traditions of this nation and do not understand the situation which was formed for the Jews in the territory occupied by the Nazis.

From the earliest days of ghetto, the young prisoners tried various ways to get weapons, sought contact with the partisans, trying to escape into the forest. But, as a rule, then the difficult obstacle appeared -opposition of members of the Judenrat (Jewish council), parents and other prisoners, senior in age. This was especially important for the matter of weapons in the ghetto and preparation of escape. For many of the old, idea of the use of weapons, even during the rescue, seemed impossible, because the Jews living for centuries in the Diaspora, there was no tradition of armed resistance to the authorities. "Thou shalt live by the sword" was unacceptable for a Jew living under traditional laws. Centuries of life among other peoples and the authorities relating to the Jews, at best, indifferent and largely hostile, made them form the principle of subordination to the authorities, which often had only the superficial expression, but open struggle was impermissible. The main thing for the leaders of the Jewish community at all times was to preserve the people to return them to the Holy Land. We must also consider that by the time of beginning of the war, the older generation of Belarusian Jews were more religious, despite the actions of the Soviet authorities aimed for destruction of religion. In addition, as the elder people, they realized that the forces are too unequal, and did not welcome the desire of young people to participate in the armed struggle.

Those who were against escape justified their point of view by mentioning the punishing actions of the authorities, and also the impossibility of escape in the forest for those Jews who can not fight with weapons in their hands: the elderly, women and children. It was clear that they would not be taken into the partisan units, as their presence would be very inconvenient. They would not be saved by the local farmers, neither. In many cases, they were the source of a real danger that the captured Jew would be handed over the police or gendarmerie for material reward, therefore, the

question arose: how the prisoners could be able to survive in the forest? And this is so even in the case of a successful escape. Furthermore, it was clear that all prisoners could not escape, and then the Germans immediately would kill the remaining ones.

The reasons of young people, proving that everyone in the ghetto, sooner or later, would be destroyed, and everyone should escape, thus at least some people would remain alive in the forest, found no support among members of the Judenrat and the elder prisoners. Many of them believed that due to the existence of the underground, collection and storage of weapons in ghetto, preparation for joining the partisans movement, the life in the ghetto was getting more dangerous and the destruction was getting closer. Explaining the choice between death and life in the ghetto in the woods, they said "It is better to die together in the ghetto, than choose unknown life in the forest".

The order of the collective responsibility for the slightest infractions of family members or individuals, introduced by the Nazis on the occupied territory lead to the fact that for the escape of one or more persons dozens of prisoners were shot. The underground people had to solve the questions of escape into the forest with their families, with representatives of the Judenrat, who as for the orders of the German authorities were responsible for everything that happens in the ghetto.

Family has always been the foundation of the Jewish nation, and in the terrible days of war the family ties became even stronger. And in these conditions unbearably difficult situations often occurred. Sometimes, the parents, staying hostage, asked the children escape from the ghetto for their salvation. And a tragic dilemma formed for the young people: on the one hand, demonstrating courage, they could use the opportunity of salvation to fight the enemy and survive; on the other – leaving elderly parents or young children with wives in ghetto meant condemning them to be murdered. In many cases, the following decision was made: "I will not leave without them".

There are many cases where young prisoners escaped into the forest, but then came back, as they did not want to cause death of their relatives or other prisoners. Those who still managed to escape to the partisans, were in great despair when their families died in the ghetto, and until their death, they considered themselves responsible for the deaths of the loved ones.

Some Jewish partisans found the courage and again, despite the mortal danger, returned to the ghetto to bring their relatives into the forest.

This often was a measure of courage for the Jewish partisans. It should be noted that even escape to the forest was not always the salvation for the partisans' parents, wives and children. Such people were not accepted into the partisan army. Sometimes it was possible to create a family camp, located near the partisans army, and Jewish partisans tried to protect this camp. But when it came to round up, the guerrillas had to quickly escape into the dense forest or marsh, the members of their family camps had no time to escape and died. Such a burden of responsibility for the fate of the loved ones was often unbearable for the Jewish partisans. That is why they often accused the partisans leaders for their reluctance to save their loved ones. The former partisans often recall this.

The difference between the situation of Jewish partisans from the partisans of other nationalities

The way of the Jews to partisans

Before making choice to become a partisan or not, people of other nationalities can consider another way out – collaboration, conciliation, submission, moving to another village, city, etc. In other words, they had choice. The Jews had no chance to change their position in accordance with Nazi ideology. The final decision ..." – this is the only position specified by the Nazis for Jews in the occupied territories. And if, for other people the armed resistance was aimed for the expulsion of the invaders from their homeland, the aim of Jewish armed resistance (small armed groups, teams), it was only the destruction of the Nazis and avenge the deaths of friends and relatives, the desire to fight heroically to "restore the honor of the Jewish people". Besides, it is necessary to understand that staying among the partisans with weapons in hand – was the only place to save Jews from certain death. Therefore, the armed Jewish resistance, even though outwardly it was like all other forms of armed resistance, was actually on a different plane and the position of a Jewish partisan differed from that of a partisan of any other nationality.

The guerrillas suspected the Jews, who miraculously had escaped from the ghetto and roamed the forests, in espionage. This is how it was in the eyes of former prisoner of the Minsk ghetto, which successfully joined partisans in 1943:

*“A cart with armed men is moving towards me. I was stopped, still they look suspiciously, obviously they did not trust me. I must say that the Nazis recently spread the rumor that the Jews, fled from the ghetto, were sent by the Gestapo to partisan units to commit espionage, and no matter how improbable the rumors were, some people believed them. The Gestapo people spread the rumor, of course, that they had specifically created a school of Jewish spies. Their intention was more than evident: those who escaped from death in ghetto, should be killed by the locals. Indeed, there were a few cases, when some people were shot on suspicion of espionage”.*¹⁶⁸

Head of Central and Belarusian headquarters of the partisan movement, worrying about protection of partisans from saboteurs and infiltrators (sent by the occupiers), which could join the partisan formations, saw fugitives from the ghettos, potential spies, roaming in the forest. This was confirmed by dispatches of special groups operating behind German lines. Naturally, such a warning for the leaders of partisan groups was the reason to reject them from adoption of the Jews in the ranks of the partisan groups. Jews incited distrust to partisans because they remained alive and it was not clear how they escaped from the ghetto.

There were occasions when clandestine organizations of ghetto, procured arms and negotiated with the partisans for their admission to the partisans. So, for example, in June 1942 in Slonim about 200 prisoners escaped and were taken to a partisan unit led by Pavel Pronyagin. A Jewish company № 51 was also organized there. In September of that year about 100 people escaped from the ghetto Mira. Underground members of ghettos in Baranovichi, Kurentsov and other towns and villages brought hundreds of people sentenced to death to the forest. In Navagradak the prisoners of the ghetto, where the specialists were imprisoned, dug a tunnel 170 meters long within a few months, and about 260 people managed to escape.

The underground organization of the Minsk ghetto, with the help of urban underground, organized access of a large number of prisoners to the partisan units, these former prisoners subsequently created several guerrilla groups and teams: Named after Kutuzov, Parkhomenko, 25 years the BSSR, Named after Chkalov, Chapaev, Kalinin and others. Some of them managed to escape with families. There were rare cases when rgw partisans attacked the enemy garrisons and liberated prisoners of the ghetto, as

¹⁶⁸ Vyzhit – podvig: Vospominaniya I dokumenty o Minskem getto. Minsk, 2008. P. 65.

it was, for example, in Novoye Sverzhene or Kosovo. However, having fled from the ghetto at the cost of great efforts, and getting into the woods, the Jews understood that this was not a guarantee of their full salvation, it was very difficult for them to become a fighter of partisan units.

Thus, there were a few paths that could lead the Jews to the partisan units, and they were associated with huge risk to life. This was a flight from ghetto or concentration camp, which required courage and bravery, in many cases – without any assistance.

The Jews among the partisans. Jewish Family partisan units

Anti-Semitism implanted by Nazi, had influence on the leaders of many partisan units, who didn't want to accept Jews into their ranks. Still among them there were those who tried to help the Jews escape from the ghetto and by all means supported them in their effort to fight the Nazis. In contrast to the partisan commanders, who believed that the Jews become the partisans only to save their lives, but not to fight, and will be only ballast for the partisans, some commanders helped organize those who survived in Ghetto and the Jewish prisoners into teams.

Thus, in the spring of 1942 Philipp Philipovich Kapusta, who later became commander of the partisan unit, helped create a detachment under the leadership of Lev Gilchik. This detachment fully consisted of the Jews.

The legendary guerrilla commander, Hero of the Soviet Union, Kirill Prokopovich Orlovsky later wrote: *“I organized a unit exclusively of Jews who escaped from shooting. The other partisan groups in neighborhood refused to accept these people. Sometimes, they were killed. Former minor traders, artisans and others had 15 combat operations for 2.5 months, willing to avenge the German monsters for the bloodshed, they killed Nazis, blew up bridges and trains”*.¹⁶⁹

Those commanders, unfortunately, were very few, and a Jew who had escaped from the ghetto and who met the partisans, as a rule, was refused from admission to the partisans, even if he was young and strong. He had to find a weapon and prove that he could fight. There were many Jews in such situation, roaming in the forest. And if the Jews were not accepted into troops, they would join into groups, which consisted of persons of different generations, families and single ones, united by

¹⁶⁹ Cit.: L. Zubarev. Belorusskiye evrei. Minsk, 2004. P. 69.

a common destiny. They began to live a common family camp which existed due to the ability of its members to survive in the forest. The main problems which the Jews had to faced with, were: security, getting food and heavy physical conditions. Some partisans commanders understood the situation of those who escaped from ghettos, and allowed them to settle close to their units. Partisan formations, at which such camps existed, took responsibility for the safety of the Jews and helped them with food. For example, Gennady Ivanovich Safonov from the brigade "The People's Avengers", assistant commander of one of the units, arranged tannery in the forest and attracted about 200 Jews from the nearby family camps for work. As the eyewitnesses say Safonov created this plant primarily to save the Jews, allowing them to stay at the large partisan unit.

Gradually the young from the family camps took up arms and started to unite into battle groups. Thus, such unique phenomenon as Jewish family partisan units appeared in the partisan movement of Belarus. The most famous of them was the detachment named in the honour of Kalinin, located in Baranovichi region, under the leadership Belsky brothers. For the time of joining with the Red Army in July 1944, the troop consisted of 1,233 persons, including 296 armed ones. The partisan group number 106 under the leadership of Semen Zorin, mostly consisted of prisoners of the Minsk ghetto. It consisted of 596 people, 141 of which belonged to the militant group. "Industrial" groups of Jewish family units, consisting of tailors, shoemakers, bakers, doctors, watchmakers, repairmen and other professionals became the base, serving many partisan units. The elderly, women, children – each of them tried to make a contribution to victory.

The Jews who got in the woods in the spring and summer of 1942, also organized Jewish partisan units of battle-ready soldiers. One of the first such units under the leadership of Boris Gindin, consisted mostly of the escapee Jews or the Jews who fled from entrapment. In 1943, Jewish partisan units were disbanded and the partisans were distributed to different brigades. The Jewish partisans, who newly came in the woods, were sent to the units under the leadership of Zorin or Belsky. One of the reasons why the headquarters of the partisan movement took that decision was the fight against anti-Semitism. They believed that if the number of Jews in the unit were small, then, having dispersed among the partisans of other nationalities, they would not be so noticeable, and

the attitude toward Jews would change for the better. In fact, in many detachments the situation became even more complicated, because just a few Jews could rebuff anti-Semitic attitudes of the partisans. Considering the situation of Jews in the partisan detachments, it is necessary to emphasize the difference of their situation from that of the other, non-Jewish, partisans. The difference is manifested primarily in the moral state of the Jewish partisans. The memory of the terrible destruction of their compatriots, which they witnessed by themselves and miraculously managed to avoid it, memory on the deceased family, relatives and friends will never leave them. The thirst for vengeance and loneliness, that's what they lived for. Moreover, the Jewish partisans constantly had to prove to others their courage and combat skills, to overcome distrust to their combat qualities.

Manifestations of anti-Semitism in general partisan detachments were constant. Killing of Jewish partisans right in the troops were not a singular case. The best evidence for this is a fragment of the memo of the Jewish partisans about the anti-Semitism in one of the brigades. There is unbearably heavy atmosphere of anti-Semitism in the headquarters of brigade named after Chapaev, and lately it dramatically escalated. Sarcastic disgust remarks are used in relation to the Jews, the Jewish accent is exaggerated, their names are distorted, the word "sheeny" is used in its offensive sense, all this becomes a common matter, and the commandment of the brigade does not stop it, moreover, they even approves this.

Here are a few of the most characteristic facts. Shilov, Adjutant Commissioner of the Brigade, constantly declares that all Jews were cowards, traitors, came to the guerrillas just for saving their lives, "that if you were not pursued by the Germans, you would all be spies and provocateurs", that Jews left their mates in lurch and that they do not deserve trust, as a nation as a whole. ... This very Shilov, for no apparent reason, came to 10 year old Igor Sadovsky and told him: "You, sheeny and kike!"

Burlakov, the Adjutant Chief of Headquarters states that the Jews should always remember how they were oppressed by the Germans and therefore should know how to behave among other partisans, i.e. they should keep in mind that they are unequal, are in the lower position in relation to other nations and for all, what they were told, they should to keep silent and bend their heads.

These speeches and arguments are characteristic, with rare exceptions, to almost all adjutants, as well as to the partisans of the brigade

headquarters. Yakovlev, the brigade commander's adjutant, did not participate in those conversations, he was told that "he sold himself to the Jews".¹⁷⁰

However, despite all the horrors of the ghetto and the deaths of family members and close ones, the Jewish partisans bravely fought in the ranks of people's avengers, as it is evidenced by the documents. It is known that many of them were awarded with honorary government decorations.

Thus, it is clear that when examining issues relating to the participation of Jews in the partisan movement in the occupied territories of the former Soviet Union, it is necessary to bear in mind some specific number of specific features characteristic for this particular group of partisans.

¹⁷⁰ NARB. F. 1329, C. 1, D. 109, Sh. 226-226rev.

L. Terushkin

Encyclopedia of the Holocaust in the territory of the USSR.

Summary and Analysis of Subject Study in the former USSR.

Historical studies of the Holocaust are one of the priority directions in modern historiography. Abroad and in the former USSR hundreds of monographs and books have been published. The process of planning and implementation of the plan of “final solution” of the Jewish issue in Europe is described in detail. Emphasis is laid on operation of death camps in the territory of Poland. A significant number of books are devoted to the subject of Jewish Resistance. Recently the issues at the interface of history, psychology, ethics and sociology have been intensively worked out: motives and consequences of actions of executioners, observers, lifesavers of the Jews. More and more interest is taken in the subject of responsibility of the society, church, governments that proved to be indifferent and gave no help to the victims. The so called revisionist literature denying the Holocaust or disputing its level is a relatively new but already noticeable phenomenon.

During “pre-perestroika” period western historians limited their studies focusing on Europe excluding the occupied territories of the former USSR due to the known reasons. But in the past 15 years not a single special study performed by foreign historians dealing with the Holocaust in the territory of Russia and within its current boundaries has appeared. In foreign historiography the Holocaust in the territory of the USSR and a fortiori Russia is to a large extent an “unknown Catastrophe” and is described piecewise and superficially. The same can be also said in respect of the Nazi occupation regime in whole.

The summary of apprehension of the Holocaust and its lessons is given in several encyclopedias. In 1990 the Israel Holocaust Museum “Yad Vashem” (The Holocaust Martyrs’ and Heroes’ Remembrance Authority) issued a 4-volume history of the Holocaust translated into many languages. It mostly included feature articles; the course of the Holocaust is given by the example of the largest ghettos and death camps in Europe. In 2000 “Yad Vashem” issued a one-volume Encyclopedia of the Holocaust in English under the edi-

torship of Robert Rozette and Shmuel Spector which also included mainly feature articles. In 2003 this Authority issued a 3-volume “Encyclopedia of the Holocaust and Jewries” which included the articles about the largest localities in the territory of the USSR within the boundaries as of June 22, 1941. However, the information therein was given only piecewise and did not include studies that appeared in the former USSR on the basis of newly opened archival sources. Among encyclopedic literature one must note “The Holocaust Encyclopedia” prepared by the leading world scientists under the editorship of Walter Lacqueur and published in the USA. The translation and the Russian edition of this Encyclopedia published by the publishing house ROSSPEN in 2005 became an important event for Russian researches of World War II and the Holocaust. Meanwhile, as it has been fairly noted in the Foreword, the history of the Holocaust in the territory of the USSR and a fortiori Russia has not been duly described.

The present edition the preparation of which started in 2004 is aimed at filling this gap. It has become possible thanks to intensive growth of studies and documental publications about the Holocaust in the territory of the USSR within the boundaries as of June 22, 1941. The following generalization studies have been published: “Victims of Hatred. Holocaust in the USSR. 1941-1945” (M., 2002) by I.A. Altman (Russia) and “The Holocaust of Jews in the occupied territories of the Soviet Union (1941-1945)” (M.; Dnepropetrovsk, 2007) by Ytskhak Arad (Israel). A number of monographs about the action of Einsatzgrupp and the Holocaust in certain regions of the USSR were published in 2000-2005 by the German historians Dieter Pohl, Christian Gerlach, Andrej Angrick, Kristoff

Dietzmann and Shmuel Spector (Israel). Radu Ionid (USA) and Jean Anchel (Israel) published a book about Romanian occupational regime in the territory of the USSR. Monographs about the Holocaust and Nazi occupational regime appeared also in post-Soviet countries: Republic of Belarus, Latvia, Ukraine, Lithuania, Moldavia. Books are written about the Holocaust in certain regions of the former USSR (in the Crimea – by Mikhail Tyagly; in the Western Ukraine – by Yakov Khonigsman). The following Ph. D. Theses have been maintained: On the history of Holocaust in the Ukraine (Anatoly Podolsky), Western Belorussia (Yevgeny Rosenblatt), Bukovina (Oleg Surovtsev), Vinnitsa Region (Faina Vinokurova), Northern Caucasia (Elena Voytenko).

The Nazi occupation regime in the territory of the USSR led to physical extermination of about 7 mln. Soviet civilians of various nationalities.

Still many aspects of this tragedy are studied piecewise; the Holocaust is one of them. The documentally confirmed number of martyrs is nearly 3 million people – and this is nearly half of all Holocaust martyrs during the period of World War II. These are only the Soviet citizens.

The study problematics has been determined by the first President of the Holocaust Research and Education Centre the Russian historian and philosopher M.Y. Gefter as triunity: “extermination – resistance – salvation”.

The fundamental analysis of all Holocaust stages in the occupied Soviet territory; analysis of the forms of resistance of ghetto prisoners and reaction of the society to the politics of “the final solution” could be undertaken only collectively due to the huge amount of published works and archive documents on the subject.

With the development of the Holocaust Research and Education Centre and similar centers and museums in CIS countries and Baltic States today it has become possible to apply a new approach to studies, namely the complex collective one.

The long-term work resulted in preparation of a genuine encyclopedic publication on the issue which has not been thoroughly developed in national and foreign historiography. For the first time frontal analysis has been performed in relation to periodical press (1933-45) and archival complexes on the subject (more than 70 central and local, state and departmental archives and museums in Russia, post-Soviet countries, in Israel, Germany, Poland, USA, France) as well as national and foreign historiography. New archive documents (former archives of NKVD and KGB, the Central Archive of the Ministry of Defense of Russia, local archives, personal collections) have been used. A large number of figures and facts have been introduced to academic studies for the first time. The results of the study allowed significant improvement and amendment of historiography about the Nazi occupational regime and its martyrs in the Soviet territory. Analysis of historiography and the sources has been performed and the articles about all (except for localities in Belostok region assigned to Poland in 1944) localities in the occupied territory of the USSR within the boundaries as of June 22, 1941 have been written.

It has been stated that special emphasis in the Nazi politics of total extermination was laid on extermination of the Jews in the USSR. In the territory of Russia in its current boundaries the number of exterminated Jews was larger than in France, the Netherlands, Greece and the majority

of other European countries (except Poland, Hungary and a number of the Republics of the former USSR).

In the North-Western regions of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) (Leningrad, Novgorod, Pskov regions and the city of Pskov) the number of Jews who died according to various estimates amounts to 16-17000 people. Among them were local residents, refugees from the East country republics and Jews deported from Europe. In many localities Jews made the overwhelming majority of martyrs during the period of occupation.

Up-to-date figures about losses of Jewish population in the occupied territory of the USSR are presented as a result of using current statistical methods. Generally the obtained results correspond to the results of analysis of historical documents (both Soviet and German ones) which once again proves inadequacy of statements made by the Holocaust deniers.

For the first time the following issues have been described in detail: persecution, identification, robbery, exploitation of Jews in hard physical work, their everyday life in ghetto; history of Resistance and salvation; participation of Hungary and Finland in the Holocaust in the occupied territory of the USSR. The Encyclopedia includes innovative articles on the main issues of studying and teaching the history of Holocaust, the sources and historiography of the subject; a group of articles on Jewish Resistance and participation of Jews in the War; issues of anti-Semitism, Nazi propaganda and collaboration in the occupied Soviet territory, reaction of the society and authorities to the Holocaust. Our book speaks in detail not only about the Holocaust but also about the Jewish Resistance in the territory of the Soviet Union and beyond its boundaries – about the Jews participating in war against Nazism. A group of articles devoted to the territories that were under control of Romanian occupants (Moldavia, Bukovina, Transnistria) significantly contributed to the understanding of the Holocaust peculiarities in the territory of the USSR.

The articles about the Holocaust subject presentation in photographs, Soviet and post-Soviet films and documentaries, literature, music, theatre and philately are of considerable interest. It has been stated that even during the period of total suppression of the Holocaust subject it has been often addressed by famous producers and authors. The articles on erection of monuments and commemorative symbols at the end of 1940s – 50s based on little-known facts and the Holocaust memorialization in the former USSR are devoted to the issue of fighting for the Holocaust commemoration. In

particular in parallel with work on the Encyclopedia works on erection of monuments, restoration of burial places of the Holocaust martyrs continued. For instance, in Bryansk the monument to the Holocaust martyrs was erected in September 2009 – the day before the Encyclopedia publication.

The materials of underground press of 1960-80s make it possible to see the tendencies of fighting for the national memory of the Holocaust in the Soviet society.

A group of biographic articles provides information not only about main architects and principal executors of the Holocaust in the territory of the USSR but primarily about the participants of Resistance, War heroes (often undeservingly forgotten), leaders of the largest Judenrats; poets and writers speaking about the Holocaust in their pieces of work; Soviet and foreign politicians.

The heroic deed of Holy Men of the Nations is described both in a feature article and a number of biographical articles, and in the original study of little-known subject on the Jews salvation in the territory of the USSR occupied by the German entrepreneurs and soldiers.

By the way the only monument in Russia devoted to a Holy woman of the Nations Pelageya Grigoryeva was erected in 2005 in the village of Kokonogovo of Pskov region under support of the Holocaust Research and Education Centre.

The main emphasis was made on preparation of feature articles which give coverage to fundamental issues of the history of Holocaust in the territory of the USSR. They include articles about ghetto and labour camps in the territory of the USSR. On the basis of frontal examination of the sources in Russian and foreign archives it has been stated that the number of places of temporary detention of Jews in the occupied territory of the USSR amounted to about 1000. None of the European countries occupied by the Nazi had such a large number of ghettos. For the first time the number of ghettos in the territory of Russia has been determined, many of which are not mentioned in special books of reference as well as foreign monographs and encyclopedias. Special works on other very important subjects were also missing in Russian and foreign historiography.

Study of the problem “The Holocaust and Churches in the Territory of Russia” allowed determination of various tendencies in relation to persecution and extermination of Jews, representatives and bishops of various confessions. The articles about collaborationists in the territory of Russia, Ukraine and East-country are topically interconnected with this cycle.

The role and relation to it of OUN-UPA and nationalist organizations of the East-country are traced in detail. Relation of the government of the USSR, its secret services and propaganda machine, commanders of the central staff of partisan movement to extermination of Soviet Jews is described. At the interface of history of governmental agencies and source studies an article about activity on determination and investigation of crimes of the Nazi and their allies has been written. The articles about Jewish religious life and songs in ghettos as forms of Resistance are of innovative character. Subjects about the role of Wehrmacht, SS troops, country constabulary and other agencies of the Nazi occupation regime in the Holocaust little-known in the national historiography have been presented.

The performed fundamental development of the largest Russian and foreign archives, museums and libraries provided for investigation and recognition of unquestionable facts of the Nazi genocide of Jewish population in the occupied territory of the USSR.

For the project implementation a group consisting of about 100 authors representing the leading Universities and Research Centers of Russia (Moscow, St. Petersburg, Veliky Novgorod, Rostov-on-Don, Petrozavodsk, Smolensk, Stavropol) was created including Academic Institutions, Institutions of State Archive Service, Special Public Organizations. In the course of book preparation the leading historians of the Holocaust from 12 countries took part: Russia, the Republic of Belarus, Ukraine, Lithuania, Latvia, Estonia, USA, Denmark, Israel, Spain, Germany, Hungary. A number of geographical articles were written by the authors who managed to survive in ghetto, lost all relatives and family (M.S. Geyzer, V.G. Gekht, S.D. Dodik).

In the course of the book preparation the representatives of numerous friendly organizations took part and are present here at this conference – I.P. Gerasimova (Director of the Museum of History and Culture of the Jews in the Republic of Belarus), B.N. Kovalyov (Novgorod State University). Director of the Fund “Historical Memory” A.R. Dyukov has written important articles about the role of the Ukrainian Rebel Army, Ukrainian nationalists in extermination of Jews in the territory of the Ukraine.

The articles in Encyclopedia (geographical, feature, biographical) are arranged in the alphabetic order. Geographical articles include information about the places of execution or living of the Jews where the number of the Holocaust martyrs exceeded 100 people. Exceptions are made for the localities where ghettos, labour or transit camps for the Jews were located.

The articles include information according to the following basic parameters: name of the locality according to the administrative-territorial division as of June 22, 1941 including current names; number of Jews on the basis of the last pre-war census; date, place(s) of execution (including the type of execution if different from shooting); participation of German punitive units and local police; number of martyrs, date and place of erection of the monument to the Holocaust martyrs. Territorial quality of localities being part of Poland and Romania and adjoined to the USSR in 1939-40 is specified. In many articles data about everyday life in ghettos are given along with data about the Jewish Resistance, facts of salvation and help given to the Jews. During the text preparation the common abbreviations were used; the lists of abbreviations used in this encyclopedia are given along with the lists of organizations and personal archives that provided illustrations.

Encyclopedia includes about 350 illustrations. These are materials from national archives, museums and personal collections. The majority of them are published for the first time, mainly photographic documents of war correspondents D.A. Minsker and M.A. Trakhman.

Preparation of the Encyclopedia "The Holocaust in the territory of the USSR" was performed by the corporate authors on the basis of multi-region Holocaust Research and Education Center (Moscow) under the support of Russian Humanitarian Scientific Fund, Institute of Tolerance, Russian Jewish Congress, Federation of Jewish Communities of Russia. Performance of such a large-scale study would be impossible without all-round support of our colleagues – historians, teachers, archive and museum workers.

Famous scientists and public figures from Austria, Great Britain, Germany, Israel, Poland, Russia, USA and Sweden eagerly agreed to join the editorial board. The most famous prisoners of the Nazi death camps and public figures – the Nobel Peace Prize Winner Elie Wiesel and the famous Nazi-chaser Simon Wiesenthal (1908-2005) became honourable co-chairmen of the editorial board. The members of working group many of which became the authors of main groups of articles played a great role in specification of the project strategy, writing and preparation of texts for publication.

Preparation of the majority of articles of Encyclopedia and selection of illustrations thereto would not be possible without friendly support of the employees of leading archives of Russia (National Archive of Russia, Rus-

sian National Archive of Economics, Russian National Military Archive, Russian National Archive of Photographic Documents), libraries and archives of the Holocaust Memorial Museum in the USA (Washington), Yad Vashem (Jerusalem), Shoah Memorial (Paris), Museum of History and Culture of the Jews in the Republic of Belarus (Minsk), Wansee Conference House Museum (Berlin).

We hope that the Encyclopedia will contribute to further study of such issues as “the price of Victory”, Nazi ideology, collaboration, resistance to occupation, peculiarities of Nazi politics and propaganda in relation to various groups of population in the occupied Soviet territory, fate of foreign citizens exterminated by the Nazis in the territory of the USSR.

Inclusion of the Holocaust subject to the problematics of national historical studies speaks of the changing Russia. These Encyclopedias have not only scientific but also social importance. They can be used in teaching the subject in Russian schools and Universities.

We must take active part in maintaining documental heritage. And primarily we must remember that in the territory of the former Soviet Union there are still thousands of graves without tombs. For instance, in August 2009 the remains of the Jews were found in “The Russian Forest” not far from Stavropol.

The names of hundred thousands of the Nazi regime martyrs remain unknown. We often repeat that the War is not finished until the last killed soldier has been buried and his name has been established. But the victims of the occupation regime must also have such right.

M. Ioffe

Falsification of Historical Events in the case of veteran V.M. Kononov

New historical evaluation of the events of World War II appeared for the first time in Latvia on May 4, 1990. It is included in the Latvian declaration "On the Recovery of Sovereignty".

Evaluation of actions of the USSR in relation to the East-country liberation is declared as the act of crime against Latvia and its further occupation.

The works of Latvian historians Feldmanis, Strods, Strung were made in favour of this declarative slogan. Politicians gave a stimulus to these historians who started looking for "new" facts in order to correct the mistakes of Nuremberg Trials and declare the actions of the Red Army in World War II to be the acts of crime in relation to all Baltic states.

These arguments are not new and are based on the tendencies of historical evaluations of local nationalists during the war.

An individual growing in a democratic society must know the truth in whole since this is the only way to teach the youth think, compare, speculate which is one of the main conditions of education.

It seems that the well-known pedagogical facts are being said but in current conditions existing in Baltic States it is worth reminding the historians-careerists about them who received from the authorities the monopoly power to interpret the historic past.

Latvian historians' opinion, objective and different from the official one, of the World War II events has the right to be published and discussed regardless of the pressure from the authorities.

In connection with the subject of the conference the events in Latvia can be described as follows.

The first actions of the Nazi occupants and their directives in summer 1941 were indicative of the fact that the hopes of local nationalistic circles were in vain. And the hopes were: Hitler would accept restoration of the old Latvian state or grant some sort of autonomy...

The majority of civil servants, entrepreneurs and military men resigned and entered into cooperation with the occupying authority. The majority of population under the influence of a myth about the power of "Great Germany" waited seized by fear and perplexity. The citizens with extreme views

took part in extermination of the Jews and Soviet activists as if this was the way to take revenge for Stalin's repressions. Loyal and rather devoted to the Nazi occupants Latvian police of order and security was formed along with police battalions that mercilessly punished and terrorized the rebels both in the motherland and in other occupied Soviet regions.

It is necessary to record another fact of life history that is traditionally avoided by nationalistic historians and journalists. The notorious Volunteer SS Legion in Latvia was formed of Latvian police battalions enlisted in regiments; and they created the tactic core of this formation. Also both SD-battalions (of Arajs and Ozols) consisting of the mobilized policemen and schutzmen became the legion basis. This large subpopulation nowadays is hiding their murderous acts and trying to make themselves look like common legionary soldiers who are innocent in war crimes; they are celebrated as patriots and receive benefits.

Regardless of merciless terror of the Nazi and demagogic supported by Latvian colleagues – especially perkonkrusts, in the circles of public-spirited population the idea of resistance was growing which was in practice implemented in various forms and was ideological. The Resistance movement against the Nazi occupants appeared. How can one characterize and evaluate this real phenomenon in the military history, the truth of life of that time?

The commission of Latvia historians acting under support of the country President does not hide the fact that it selects from the military history those facts that are advantageous to it and denies the "inconvenient" ones. Thus, the member of this commission Inesis Feldmanis who in the Soviet times educated students in the historical truth of that time declared in one interview (LA, 07.11.2006) that the history was rewritten, the history "in which we will try to re-evaluate the Resistance movement in Latvia [...]. Red partisan movement, communist underground remain offscreen". Evaluating these events the Head of German Gestapo Heinrich Muller was more objective than the members of the commission of Latvian historians who took the monopoly power in interpreting the events of the past and do not allow other opinions.

In reviews made by Gestapo members H. Muller, V. Schtalleker, R. Lange one finds that since autumn 1941 in the territory of the occupied Latvia there had been communist or Marxist, Latvian, Polish national resistance movements. In particular the Gestapo members laid emphasis on the communist resistance movement in Liepaja, Riga, Daugavpils and in

Latgale districts – and dealt with it. In fact these organizations can only nominally be called communist ones as they included few members of the communist party. The Soviet activists who survived and other left-wing patriots became the leaders of spontaneously emerged groups. In the Soviet historiography this activity was called the Anti-Fascist Resistance Movement.

According to the “Generalplan Ost” developed by the Himmler administration it was obvious that gradual extermination was inevitable.

In the course of criminal investigation of crimes of the Nazi occupants General Jeckeln admitted implementation of the politics of genocide and extermination of local population and captured Red Army Men during the occupation period. The extract from interrogation is provided.

After the Stalingrad defeat A. Hitler announced total mobilization in Reich in the course of which the occupied territories were ravaged and forayed. The compulsory mobilization of Latvian men and youth into the German army that started in March 1943 resulted in severe popular frustration. Many of those subject to mobilization did not show up in draft points, deserted from the newly formed units of the SS Legion in Latvia regardless of the draconian measures of punishment of the guilty and their families.

Reprisal raids in the vicinity of lake Luchno (Slavkovichi region, June 1942) and battles under the code names “Schneestrum” (December 1942), “Schneehase” (February 1943) and “Winterzauber” (February-March 1943) took place. SS-Obergruppenfuehrer Friedrich Jeckeln responsible for SS subdivisions and Ostland police commanded the last expedition of the Nazi. Latvian police battalions and Latvian Einsatzkommandos of SD (Arajs executioners) responsible for the so called Osveja tragedy formed this expedition. In a separate outline of the book devilish crimes of SS soldiers are described. All localities of picturesque and wealthy Osveja district were ravaged and burnt out, turned into dead zone. 3904 civilians were killed and burned alive, 7275 people fit for work including children were taken to concentration camps etc. These data were provided in the official report by Wehrmacht General Walter Bremer and there is no denying that the German precisionist was right.

Latvian policemen came back with pillage, were proud of what they had done and were awarded. Commanders of SS police battalions obersturmbannfuehrers Waldemar Weiss and Karlis Lobe were assigned commanders regiments of the 19-th Latvian SS brigade on Volkhov front.

Taking the opportunity I would like to show how the Latvian authorities falsified historical events in the criminal case of partisan V.M. Kononov to convict the veteran.

Vasily Makarovich Kononov was born in Latvia in 1923 in a rural family. Until 2000 he had Latvian citizenship and since 2000 he has had Russian citizenship. He is the World War II veteran and fought on the side of Anti-Hitler Coalition. During the war he was wounded and therefore has the first group disability.

The historical events with the applicant developed as follows:

On February 29, 1944 with active participation of 9 residents of village Malye Baty of Ludza region of Latvia which was in temporary occupation of the Third Reich the commando-type reconnaissance partisan group of the Red Army Major Chugunov resting in the drying barn of Mekul Krupnik was exterminated. The Senior Officer of aizargs subdivision Bernard Skirmantas organized armed guard of the place of partisans rest and at night sent Meykul Krupnik to the German permanent post Golyshovo; and at that time Tekla Krupnika, Veronika Krupnika and Helena Skirmanta deliberately informed the partisans of the absence of German permanent post in the area and talked the partisans into staying as after marching through snowy forests their clothes required drying.

In the morning on February 29, 1944 the partisans were surrounded by German troops in the drying barn of Krupnik. Three women informed the Germans of location of partisans' artillery positions, of who was asleep and who was protecting the site. Brothers Skirmantas, the Krupniks and Buls showed favourable cover positions for the operation on the partisans extermination. After hard-fought armed resistance the group of Major Chugunov consisting of 13 people was exterminated including two women and an infant. After the fight women took off clothes from the killed ones and the infant and all 9 allies received award from the German commandment in the form of money, sugar, liquor, the family of Meykul Krupnik also received wood as his drying barn burnt out in the fight.

The performed interrogation in the partisan party determined the guilt and involvement of the above mentioned allies in extermination of this group living in village Malye Baty and according to the partisan party court martial the betrayers were sentenced to execution.

On May 27, 1944 the partisan party court martial sentence was enforced by the group with participation of Kononov.

In 1998 Kononov was charged with a war crime that took place on May 27, 1944 in village Malye Baty specified in Art. 68-3 of the Criminal Code of Latvia.

The case has been examined numerous times by Latvian courts. According to the original sentence of January 21, 2000 Kononov was sentenced to 6 years of imprisonment according to Art. 68-3 of the Criminal Code of Latvia.

According to the last sentence of April 30, 2004 Kononov was sentenced to 1 year and 8 months of imprisonment according to Art. 68-3 of the Criminal Code of Latvia. On September 28 on the basis of the Decision made by the Senate of the Supreme Court of Latvia the sentence remained in force.

In fact the applicant was in custody from August 14, 1998 till April 25, 2000 – 1 year 8 months and 6 days.

The case of Kononov is unprecedented not only in practice of the European Court of Human Rights but also in the history of national courts in the post-war world.

After more than 50 years since the end of the World War II this is the first time when criminal proceedings have taken place against a soldier fighting on the side of Anti-Hitler Coalition.

For the first time the state defends the status of civilians for the armed Nazi allies involved in extermination of 11 Heroes of Resistance and an infant.

For the first time the state raises an issue of the necessity to correct faults of Nuremberg Trials “which to a large extent was public justice for the winners leaving the criminals from the side of allied members unpunished” (para. 100 of the Memorandum of the Government of Latvia dated June 17, 2006).

The Latvian party insists on rightfulness of Kononov conviction referring to the fact that this case shall be examined in the context of larger historical and political events that had taken place before and after the World War II (item 25 of the Memorandum of the Government of Latvia dated April 16, 2009). They mean the Nonaggression Pact between Germany and the USSR (Molotov-Ribbentrop pact), “invasion of the Soviet Army in Latvia and two other Baltic states”, “overthrow of the legitimate government and imposition of the Soviet power by force” (para. 26 and 27 of the Memorandum of the Government of Latvia dated April 16, 2009). The Government demands that Kononov’s actions shall be qualified as the

war crime on the basis that aggression against Latvia was present which was occupied by the Soviet Union, that “according to general international law the obligation to stop in international order unlawful act such as occupation of one country by another involves restoration of status quo and compensation for damages” (para. 28 and 31 of the Memorandum of the Government of Latvia dated April 16, 2009).

Therefore the main purpose of Kononov’s trial is intention of the Latvian party to criticize actions of the Soviet Union during the World War II and justify requirements of “compensation for damages” and not the decalred wish to fulfil their international obligation regarding the war criminals conviction.

Article 68-3 of the Criminal Code of Latvia according to which Kononov is convicted repeats Art. 6 (b) of the Charter of International Military Tribunal and includes responsibility for war crimes. In accordance with interpretation of this article disposition given by ALL LATVIAN COURTS the subject of a war crime is a combatant of the country that occupied the territory of another country. Therefore the fact at issue at each trial consisted in whether the applicant was an occupant.

Latgalian district court in the sentence dated 03.10.2003 stated that the subject of a war crime can be an occupying authority representative only. And furthermore: “... until autumn 1944 the region was under the occupying authority of Germany and Kononov fought against ... this occupying authority... Therefore Kononov cannot be the specific subject... of the crime specified in Art. 68-3 of the Criminal Code of Latvia”.

The Department for Criminal Cases of the Supreme Court in the sentence dated 30.04.2004 acknowledged that in May 1944 Kononov represented the occupying authority of the USSR in Latvia and therefore was the subject of a war crime.

The conclusion of the Department on the fact that Kononov was an occupant contradicts to historical facts and common sense therefore one cannot agree with it. But for Kononov’s actions qualification another thing is important: interpretation of standards of international law by Latvian judges results in the fact that only an occupant could be the subject of a war crime. Since Kononov was not an occupant the norms of international law and Art. 68-3 of the Criminal Code of Latvia devoted to war crimes do not apply to him.

We would like to remind that not only regular troops of Anti-Hitler coalition took place in the war but also the members of Resistance of the

USSR, France, Belgium, Poland and other European countries without which the Victory could have been impossible. Without such members of Resistance as Kononov it is possible that the current European civilization, European Council, European Court of Human Rights and other bases of European democracy would not have been present.

The Government of Latvia in their Memorandum dated April 16, 2009 after traditional appeal not to become the fourth instance addressed to the European Court presented the falsified facts different from those determined by the Latvian courts.

Thus, in spite of the Sentence of 30.04.04 the High Contracting Party concealed the fact of Meykul Krupnik participation in betrayal of the Chugunov group. Also nothing is said that together with soldiers of Chugunov group an infant was killed.

No one specifies where the residents of Malye Baty got weapons for self defense.

Moreover the Memorandum includes fictitious details about execution of residents of Malye Baty. Supposedly A. Buls was shot and wounded in his yard and after that the partisans carried him to the house of Meykul Krupnik and burnt alive. Supposedly Meykul Krupnik, Veronika Krupnik and Helena Skirmant were also burnt alive (para. 13 of the Memorandum of the Government dated April 16, 2009).

Meanwhile according to the sentence A. Buls, Meykul Krupnik, Veronika Krupnik were executed and only after that their dead bodies were burnt. Bernard Skirmant with his wife Helena were killed (executed) and then burnt. Modest Krupnik was wounded and bled to death. Vladislav Skirmant and Yulian Skirmant were executed.

Therefore the Government cites the facts differently from the way they are recorded in final sentences. Even though such falsification does not have influence on legal qualification of Kononov's actions we suppose that they did not appear in the Memorandum accidentally. Their purpose is to represent partisans as very cruel people and therefore intensify the negative context around the Kononov's name.

In para. 14 of the Memorandum the Government accredited to the partisans that prior to leaving they supposedly ravaged the village having taken weapons and clothes. Meanwhile according to the sentence "ravaging" consisted in taking out of weapons given to the residents by the Nazi. The partisans did not take away clothes or food. Such falsification has influence on legal qualification as taking away of clothes or food from the

population can actually be qualified as robbery. And taking out of weapons given by the enemy has always considered to be legal spoil.

In order to support the sentence the Government added to the Memorandum three letters of the Latvian Republic General Prosecutor's Office dated February 25, 2008 in which with reference to evidence unknown to the defendant and that passed no judicial examination correctness of the court holding against Kononov was confirmed.

Thus, in letter No. 3/6-4/120-08 dated February 25, 2008 with reference to archival data and testimony of witnesses (children of died residents of the village) it is said that in Malye Baty there was no German permanent post or any support point.

In the second letter with the same reference number and date the analysis of evidence – testimony of witnesses, former Latvian partisans, regarding partisan tribunals is given. It turned out that Prosecutor's Office had at their disposal statements of two commanders of partisan groups who confirmed not only the fact of existence of tribunals but also the fact of accomplished sentence in relation to the residents of Malye Baty. These statements were denied by the Prosecutor's Office and were not included in the criminal case of Kononov as they were not confirmed by the testimony of other partisans. Moreover the Prosecutor's Office came to conclusion that there was no sentence made by the partisan tribunal and even if there had been one it would have been illegal as the defendants had not been provided with legal safeguards specified in Art. 3 of Geneva Convention dated 12.08.49 "On Protection of Civil Population during the War".

In the third letter with the same reference number and date on the basis of numerous evidences it is stated that weapons were given to the residents of Malye Baty for self-defense against the partisans after the Germans had shot Chugunov's partisans in the drying barn of Meykul Krupnik. And the fact established by the court is not mentioned: the Nazi military administration provided weapons to the residents to fight against the partisans.

In connection with these letters it is necessary to mention the following:

The letters are tendentious and straightly accusational. Their author – the prosecutor – obviously does not accept the principle of assumption of innocence as he thinks that all doubts shall be settled against the defendant and the defendant shall prove his/her innocence etc.

Also it follows from the cited testimony that testimony of certain witnesses testifying in defence of Kononov were not delivered to defence and

the court. This concerns in particular testimony of commissar of Ludza partisan group Cherkovsky who confirmed the presence of the tribunal sentence in relation to the residents of Malye Baty.

The Kononov's trial took place more than 50 years after the events in Malye Baty. The events that were investigated there are of historical significance. The data about them are mainly found in national archives that are not accessible by all the interested ones. At the same time the Latvian Republic General Prosecutor's Office can access any archive. The Prosecutor's Office was obliged to perform objective and thorough examination, find all documents related to the applicant's case including those confirming his testimony. This also applies to the status of Malye Baty in German defense, provision of weapons to the residents of the village and operation of the partisan tribunal in Burtsev's group.

The letters from the Prosecutor's Office show that there are no data in the archives confirming Kononov's testimony.

However, this year Kononov's defence managed to find the documents in the archives that are directly related to this case.

They include:

- German defense site plan where village Malye Baty is designated as defense centre;

- documents confirming that Bernard Skirmant and the members of his family as well as the members of the Buls and Krupniks families were among the "Aizsargues" groups of Merdzensk region;

- documents confirming that in the territories occupied by the Germans it was forbidden for the civil population to have weapons under penalty of immediate death, weapons were given only to the members of groups formed by the Germans from the local population.

The members of these groups ("Aizsargues") despite the statements made by the Latvian party (para. 118 of the Memorandum of the Government of Latvia dated April 16, 2009) were not just the persons "sympathizing with the Nazi occupying forces" but they systematically exterminated peaceful Jewish populace of Latvia, chased partisans and using weapons maintained the "order" established by the German authority.

A. Belyi

Nazis Crimes against Belorussia catholic Community: History and Memory

Belorussia community, contrary to the image created by the state propaganda, is not homogeneous by origin and in regard to civil, religious and language sympathies. However, as compared to other countries of the Central and Eastern Europe, the process of institutionalization of different public communities and establishing of their long-term interests and values and therefore stable estimates is retarded. One of peculiarities distinguishing Belorussia from its neighbours is the presence of three branches of Christianity: Orthodoxy, Catholicism and Protestantism which are not mere confession communities but are a kind of subethnoses with different origin and memories. The role of Belorussia in the Second World War events (large-scale guerrilla movement, main theatre of war, colossal victims among the civilians) are well-known by historians and people. According to the traditional image of Belorussia, the Belarusians do not seem to take any interest in reviewing and analyzing the causes, progress and results of war. But on the closer examination, this image created during the Soviet Union times is much more complicated. So it is quite interesting to investigate how the catholic community of Belorussia which makes, according to different estimates, 8% to 12% of citizens (according to certain sources the figure amounts to 15%) holds the memory of tragic Second World War events.

The folk memory is in one sense the least typical for the Central and Eastern European region. On the one hand, this community descended from the Grand Duchy of Lithuania and Polish-Lithuanian Commonwealth and in the days of the Russian Empire made several efforts to separate from the empire (in 1794, 1812, 1831, 1863-64). On the other hand the ancestors of Belarusian Catholics were both the assimilated Slavic Lithuanians and the eastern Slavs descending from the Kievan Rus' (Old East Slavic). Modern Belarusian Catholicism mainly uses Cyrillic alphabet and on the whole the differences between Polish and Belarusian commonwealths are smoothed over and do not result in antagonism. As far as one can judge from the opinion represented in mass media, Clerus and Catholicism adepts in the Second World War estimates are not compared to nationalist forces of Baltic States, Ukraine or many other Central Euro-

pean countries for example. This is due to the influence of contradictory traditional Polish oneness, post-war Soviet patriotism and Belarusian nationalism mainly holding revisionist positions.

Majority of Catholics during the war were either involved in the underground activities or joined – open-heartedly or ostensibly – the Armia Krajowa (Home Army) which was loyal to the London-based government in exile. No doubt, many people served in the Polish armed forces in the West. But many Catholics (including some Roman catholic priests) collaborated with Soviet underground forces and partisans and then continued their service in the Wojsko Polskie (Armed Forces of the Polish Republic) and Red Army. The vivid example is the life of just gone Vanda Skuratovich (1925-2010). She served as a partisan communication agent and sick nurse in Piotr Masherau's unit during the Second World War. After the war she arranged the underground catholic chapel at her home and organized religious ceremonies when priests came to Minsk; the chapel lacked the church until the Olympic Games in Moscow in 1980. She reportedly rescued a Jewish family from inevitable death and was awarded the title "Righteous among the Nations" by the official memorial "Yad Vashem" ("Holocaust Martyrs' and Heroes' Remembrance Authority"). Her daughter, Maria Skuratovich is well known in Belorussia and Poland as catholic religious song singer.

That is not to say that this is the standard biography of the catholic generation survived during the war. The most typical Catholics' feature was to be loyal to the interwar Poland while hating the Nazis occupational regime and often rebelling the Nazis. Just few Catholics, who believed themselves the Belarusians but not the Polish (although Belarusian Catholics had a multiple choice), collaborated with the Nazis actively. At a rough guess the number of Catholics among the Nazi Belarusian collaborationists made 10% approx., i.e. on the whole it did not exceed or even underrated the pre-war percentage. On the other hand, the percentage of Catholics among collaborationist leadership, i.e. leaders of pro-Nazi public organisations, civil police administration officials and paramilitary forces, newspaper editors, etc., was as greater as higher was the management level; approximately one halve of the top leadership were Catholics. It is largely due to the higher level of education among the Catholics in the pre-war Western Belorussia or else due to the origin of the Belorussian nationalism which appeared in the early XXs and was first established by the lower clusters of the Polish catholic nobles seeking the possibility of

more rapid social advance as compared to the one offered by strict social hierarchy both loyal to the dominant Russian empire idea and opposite to the latter looking forward to recovery of the Polish national identity in a Unitarian or deferral form.

The phantom Belarusian Democratic Republic which declared independence on March 25, 1918 when it was occupied by the Germans sought Germany's assistance in formation of the national identity; until 1922 Belarusian collaborationists got the financing from the Germans mainly. Later on the Belarusian nationalism, which had a pro-communist form, was used by Stalin in struggle against Poland; during the same period the Western Belarusian Catholics were facing difficulties since they were not supported and were pursued by Polish state and church authorities. The majority of Catholics from the pre-war Western Belorussia were the Belarusians in everyday life but as a rule took no interest in the national program proposed by the conscientious Belarusians (nationalists) and did not support (in the majority of church parishes) the idea of organizing religious ceremonies in the Belarusian language instead of Polish. This issue was the stumbling stone between the Polish and Belarusian Catholics during the 20th century and became especially acute during the Second World War and in the days of collapse of the Soviet Union and formation of the Republic of Belorussia in 1980-1990s. Within the last twenty years, notwithstanding with the active resistance offered by the pro-Polish Catholics, supporters of the Belarusian language succeeded in introducing the national language into three eparchies out of four (except for the eparchy in the city of Grodno). On the whole Belorussia advances in introduction of the Belarusian language in most churches and among the majority of Catholics who comply with the basic parameters of the Belorussia national identity. Does these parameters include glorification of Belarusian collaborationists?

This issue which concerns the role of Polish Roman catholic Church and Catholics during the Second World War and deals with the main opposite forces as well as continuity of this or that line or this or that Heroes pantheon is the most complicated problem related to self-definition of modern Catholics. On the one hand, according to the nationalist doctrine the Nazis collaborationists were the ones who alleged to implement the policy of Belarusian national interest protection. On the other hand, the actual history of the Polish Roman catholic Church during the war testifies to mass Nazis repressions of the majority of priests and Catholics following the Polish policy provoked by Belarusian collaborationists.

Repressions of Catholics were not of a clearly pronounced anti-catholic nature. For example catholic prayers in occupied Minsk were reinitiated by occupational authorities while in many cities located in the east of Belorussia the only priests accessible for citizens were chaplains of occupational armed forces. However in proportion to the growth of opposition between the Polish and the Belarusians as well as Polish resistance, mass Nazis repressions of civilians belonging to main ethnic and religious communities, the priests and Catholics turned to be the least reliable social group from the point of view of occupants. They were repressed due to the following reasons:

- communication with the Polish Resistance movements, first of all with Armia Krajowa (Home Army); the reasons may be true or false but still it was used by Belarusian collaborationists to suppress the competitors

- harbouring of the Jews. In fact, there are minimum 20 priests who are known to have become victims of Nazis repressions. Their names: F. Poczobutt Odlanicki (Luninets), M. Akreyz (Braslaw), Y. Urbanovich (Brest), A. Shtark and K. Grokhovsky (Slonim), Z. Milkovsky (Volozhin), etc.

- communication with Soviet underground forces and querillas (true or false).

The memorials of the catholic martyrdom during the Second World War are:

- the village Rositza located near the Latvian border where on February 17-18, 1943 during the “Operation Winterzauber” the Nazis and the Latvian allies burnt alive around 1500 men including catholic priests Anthony Leshchevich and Yury Kashira who refused to leave their parishioners as well as orthodox fellow countrymen collected in the Rositza church used as the so-called “inspection camp”.

- city of Novogrudok where on August 01, 1943 during the local resident frightening operation 11 nuns of Roman catholic religious order “The Sisters of the Holy Family of Nazareth” were shot

- concentration camp in Berezvech (nowadays makes part of the city of **Glubokoye**) where Nazis regularly carried out operations on killing of priests and Catholics and where, in particular, on March 04, 1942 the blessed Mechislav Bogatkevich, Stanislav Pyrtek, Vladislav Matzkovyak died.

- the Naliboki Pushcha (Naliboki Forest), enclave of the catholic population in the centre of Belorussia where in July-August, 1943 during the

action known as "Operation Hermann" most of the villages and towns were burnt, hundreds of thousands of the local people and practically all local parish priests (around 10) including the blessed Franciscan friars Józef Achilles Puchala and Karol Herman Stępień were killed.

Slonim and Lida which were fought for by the Polish Resistance and collaborationists also became the places of mass murdering of Catholics. The most large-scale Nazi repressions of Catholics took place in **Baranovichi** and surrounding territories where the Nazis arranged the concentration camp in the village Koldychevo guarded and partially administered by Belarusian collaborationists, which may be compared to **Salaspils concentration camp in Latvia**. According to the data from the State Emergency Response Commission for occupant crime investigations, the village Koldychevo witnessed the murder of 22 thousand people – the Jews, the Polish, the Belarusians, the Russians, the Romany, including approx. 40 priests (some people were killed right in **Baranovichi**). By the way, the modest memorial in Koldychevo was founded only in 2007 thanks to dedicated activities of several secular catholic volunteers, first of all recently gone Joseph Likhuto who lost 7 family members in Koldychevo. Construction of the memorial dedicated to the victims belonging to four different communities (Catholics, orthodox, the Jews and the Romany) was sponsored by state and by volunteers from the above said communities.

200 priests (half of them faced the war on the territory of the modern Belorussia) became victims of Nazis repressions who, in many cases, were assisted by Belarusian, Lithuanian and Latvian collaborationists due to the shortage of local allies.

During the last decade since 1999 the organized policy of memorializing the Nazis victims has became an important component of the public strategy of the Catholic Belarusian Church. This owns to the efforts of Pope John Paul II which resulted in beatification (blessing) of many catholic martyrs of the war including 20 men who were martyred on the territory of Belorussia. Beatification did not concern all Nazis terror victims but only those who went to doom consciously although having a choice to stay alive but saving their parishioners or non-coreligionists. The places of this martyrdom are regularly visited by pilgrims including children and the youth; these places are described in books, icons and films. The Catholic Church as an institutional setting holds quite principled anti-Nazi position. The hazard of "shaking" this position does exist due to, at first, overlapping memory about Soviet repressions and, secondly, due to

efforts of contemporary Belarusian nationalists who strive to insinuate the idea of heroism of their ideological predecessors who are alleged to be the only defenders of the Belarusian people during the war. Belarusian Catholicism (other than Polish Catholicism) is a new social phenomenon which is becoming more and more significant in the Belarusian society and establishes its values right beneath our eyes. Taking into account its origin the modern nationalists practically by default – revisionists of the Second World War – strive to consider it as a certain social base, though to date it is more likely a competitor in the struggle for social preferences than the means to be used in the best interests as the government and opposition thought 10-15 years ago.

What role does the nationalist competitive system of values play in the estimate of the Second World War events? Let's consider several episodes from the occupation history which involve both the Catholics and national collaborationists.

On Sunday evening October 19, [1941] the party in honour of the German Army was held in the dining room on the market place of the city of Borisov. The guests Obersturmführer **Kraffe and burgomaster of** Borisov Stanislav Stankevich (Catholic) declared that “an important action” will be held in several hours. In the morning on October 20 the Jews were gathered and carried on trucks and by walk to the ditches. The Jews were gathered up in the dry gap at a distance of 50 m from graves. Before shooting they were undressed and put facedown like sardines in a can to save space. Administrative manager of the police department Joseph Maytak brought vodka. Полицейские выпивали и приступали к “работе”. Many wounded were buried alive. Ditches were slightly powdered with a thin layer of soil which let out blood. Blood flow could enter Berezina. That's why the grave was covered with burned lime and one more layer of sand. 7245 Jews were shot within two days on October 20-21, 1941. However taking into account other actions, the number of victims of Holocaust in Borisov amounted to 9 thousands. In 1943 the Germans forced the war prisoners to dig out the Jews corps and burn in large-scale fire. On completion of works the participants of this operation were shot¹⁷¹.

The tragic Second World War history of Belorussia abounds with alike examples. It should seem that any morally sound man should give a single-value estimate of such atrocity. But in the book “Names of Free-

¹⁷¹ A. Rozenblum. *Pamyat na krovi*. Petah-Tikva, 1998. P. 59-63

dom" by Vladimir Orlov who is popular among Belarusian nationalists Stankevich acquires quite opposite image.

"During the Second World War Stanislav [Stankevich] was among those who strived to adjust new historical environment to the benefit of the Belorussia and so he had to quit the motherland – forever. But he was sure that everyone who keeps Belorussia in his heart can never leave it"¹⁷². Further the author with the same inspiration describes post-war literary and journalistic activity of Stankevich who was an educated and intelligent man: in 1936 Stankevich passed Ph.D. defense (Belorussian literature) in Vilnius University which was quite difficult to do in Poland. However intellect and education went together with sadistic cruelty and cynicism and he was not the only example of such intellectual in Nazi Germany. Notable coincidence: Out of two tens of Belarusian Catholics beatified by Pope John Paul II, priest Henry Glebovich was the first to be arrested by the Belorussian police in the city of Borisov on November 7, 1941 and killed in two days for Polish studies. It was he who in autumn 1941 rekindled catholic life in the parish which comprised the world-known Khatyn. By the way, Khatyn was totally Catholic village. Up to 1960s the Khatyn victims were commemorated by three Latin crosses.

After the tragedy that took place in the city of Borisov, Stankevich having proved his loyalty to new leadership was promoted: he was appointed governor of one of two regions comprised in the district Beloruthenia with the capital in Baranovichi. He used his outstanding organizing skills to organize the system of joint killing of enemies of the Belorussian activity as he understood it. The next important enemy after the Jews was the Polish – not only the expected participants of the Polish Resistance but the intellectuals, businessmen, church officers, in a word, all socially active Catholics. The nationalists enthusiastically drew up proscriptive lists for occupation authorities practically equal to the death statement. During the war Baranovichi became a true citadel for the Belorussian collaborationists. Stankevich was one of initiators of the concentration camp Koldychevo located at a distance of 16 km from Baranovichi. He procured an honourable role of practically absolute hosts for nationalists: the 4th company command of the privileged 13th rifle division comprising committed nationalists guarded the camp. At the beginning the camp

¹⁷² "Імёны Свабоды". Internet (radio) version: <http://www.svaboda.org/content/Transcript/767553.html>

commandant was commanding officer of this company command Sergey Bobko. One more company command of the same division guarded the more famous death camp Trostenets near Minsk, the fourth in Reich in regard to murdering scales after **Auschwitz, Treblinka and Buchenwald**. **But in that camp** the company command was “lost” among the total quantity of guarders coming from Germany and Belorussia neighbours. Koldychevo was the only “branded” purely “Beloruthenian” concentration camp and it was a merit of Stanislav Stankevich, the intellectual and organizer who enjoyed limitless confidence of the Hitler's forces. After retreat to Germany in July 1941 he published the Nazi newspaper “Ranitz” (“Morning”) encouraging for absolute war until capitulation. After the war he was converted by the Americans and moved over the ocean together with his like-minded persons.

The matter was not in Stankevich only – it was the whole trend which is becoming more threatening. One could disregard a single book (collection of biograms pronounced in 2006-2007 on the radio Freedom) if it had not been a peculiar kind of synthesis of Belorussian nationalist pantheon of the last twenty-year period (1988-2008) and actually a latent part of the doctrine of the Belorussian people's front and (to a lesser extent) allied political parties. During the last twenty years the “canonized” names have been “tested” in thousands on-line and paper editions written by tens or even hundreds of authors and are universally recognized “icons” for the opposition party to date. This is more likely due to ignorance or indifference than due to the conscious support of their actual (not false) activities during the Second World War. Still that does not help much.

Practically all nationalists of the Second World War praised by Vladimir Orlov in his book “Names of Freedom” smirched with dishonour on crimes against humanity. At the beginning of war Mikhail Vitushka is the Head of punitive detachment, which followed the aggressive German Army and “stripped” the Western Polesye killing Soviet militants and the Jews; at the end of war he is a spy dropped by SS in the enemy territory of attacking Soviet armed forces. Frantishek Kushel (Catholic) is the main organizer of almost all pro-Nazi armed forces in Belorussia (deserves a separate book). He deals with uncountable crimes of Belorussian policemen against the Jews, the Polish and other people unwanted by the Nazi regime including the Belarusians being a kind of police and other armed component “human resources manager”. Yanka Philistovich (orthodox, catholicized at the end of 1940s in exile before he was dropped by the

Americans in the USSR territory for rear reconnaissance) convoyed the Jews to the central Nazi death camp Trostenets in Belorussia. All those people are treated as “national heroes”. The book title “Names of Freedom” opens the way for writing thesis and renaming the squares.

Let's feature Boris Ragulya (orthodox), commandant of the 68th horse artillery SS division, who advanced before the Nazis by make a denunciation about the nuns of religious order “The Sisters of the Holy Family of Nazareth” killed in Novogrudok in 1943, August 01 as hostages in charge of all the catholic intellectuals. The monastery was given to accommodate the squadron quarters which mainly consisted of normal school students. After the war Ragulya who robbed from his victims (the Jews and Catholics) quite significant resources converted into gold crossed the ocean. He gave generously to pressmen and thus created a myth about himself pronouncing himself a “dedicated fighter of the 2nd front”, i.e. against communism and nationalism. The myth was based upon a fictional project of Ragulya's people mounted expansion to Minsk in June 1944 and alleged declaration of independent state of Belorussia – the plot which is a good answer to great manipulator Ostap or Gogol's Khlestakov with the only difference that boastful Ragulya's tales hide the real tragedies of victims. Making profit out of the authorized robberies of the killed Jews intended for “higher purposes” he never forgot about the standard criminal. He is suspected in murder (for robbery) of several noble families in the cities of Novogrudok and Dyatlovo who returned from the Western Europe and Poland to untended estates.

The credit for memorization of catholic martyrs, who gave their lives struggling against Nazis regime, goes to Cardinal Cazimir Sventk – a legendary person – who survived in Hitler and Stalin's camps and still believes in God. His efforts prevented the Church and Catholics to become nationalist allies. Many Catholics take an active part in renaissance or truly speaking – repeated creation of Belorussia culture but consciously distant themselves from the radical nationalism. The Church is strange to racism and national exceptionalism; in sermons and deeds they always make emphasis on necessity of mutual respect and collaboration with representatives of other confessions. Due to this very reason nationalists do not like the Church notwithstanding with the fact that the Church is the only public institution in the country which uses the Belorussian language and support the Belorussian culture. During the last ten years nationalists have been so much involved in struggling against regime and application

of funds allocated for development of civil society that demands for the cultural development of the country having no deep-rooted nationality traditions were neglected.

Nowadays, Belarus passes a remarkable stage of its history about a bifurcation point. A forced liberalization of rigid ideological system created in the recent 10 to 12 years starts; ways to move toward more close relation with the West are of great interest now. The Authority, by its own experience, assured oneself that creation of a structured national identity is a challenge of necessity, the fact it opposed cardinally before. All those are positive phenomena that we must acclaim. The same phenomena create a hazard of effusion of ideas and symbols not admitted by public mind previously into the ideological vacuum of the transition period. There is no apparent immunity against Nazi ideas in the modern Belarus society, because these ideas were suppressed up to now by the power of officialdom and government propaganda, massy but low argumentative, unable to argue on a fundamental basis. The generation that knows War in reality mostly went aloft, and the youth cannot find efficient anti-fascist anti-xenophobia mentoring. The evolving recession makes the Belarus neo- and crypto-Nazism peculiarly dangerous. Economic situation deterioration, like in Germany of 1930th, increases attractiveness of radical ideas for population strata suffering of economic depression. The situation can change sharply, in the form of avalanche.

It is very important, in this relation, which attitude toward Belarus Nazism and crypto-Nazism will take foreign countries. First and foremost we mean Russia, Poland and Israel. Indeed, the peoples of that countries brought the richest sacrifices to the Altar of Victory. Belarus would be added to the group, but there is a problem with the fact that its losses counted in relation to the modern political boundaries, which make a quarter or even the third part of the prewar population (the latter is asserted by recent official propaganda), are divided between just these three cultural and historical traditions. Correspondingly, there are three basic models of collective historical memory about the WW2, not identical, but all irreconcilably hostile to Nazism: Russian-Soviet-Orthodox, Polish-“Lithuanian”-Catholic and Jewish. Just contradictions among these three traditions and identities allows to apparent and hidden adherents of Nazism in Belarus maneuver and build up their strength. Here, the Nazi collaborators play, for the radical nationalists, the role of prototypes of “the nation consolidators”, “the nation liberators from xenogenic influ-

ence". The "Belarus Newspaper" dated 11.07.1942 present very eloquent keynote article: "It is left now to highlight who our enemies are. The first enemy, as well as enemy of all the new Europe, Jude Communism is. Its gangs are destroyed. Alas, not only apparent enemies we have, but many hidden ones who deep in their hearts hate the [national] Renaissance and everyway impede our national life. There more such enemies than forest gunmen. There are remains of szlachta-gentry specialists and their myrmidons, Polish priests who, in their insanity, dream deliriously on the Polish imperialism and now are actual allies of Jude Communism. Part of befuddle peasantry in the West Belarus are under influence of that gentries yet. We must liberate that peasantry from the harmful influence and open its eyes covered with Polish&Church dimout. Here, in Minsk and other cities of the West Belarus the hidden communists and Russians, as well as "Belorussian" befuddled by Moscow¹⁷³, are our enemies". . Attentive examination of the consequent events can show that the article was assignable: just in 2 days mass preventive execution of Polish and Catholic activists started; it was performed according to the lists compiled by collaborators in advance, and not only the suspect Resistance participants were victimized but also merely professionals, enterprisers, priests, all whom the nationalists considered competitors. "Moskal" (Russian), "Lyach" (Polish) and "Jeed" (Jew) – that is the list of "the enemies of the national Renaissance", which has not lost its actuality up today, – but not for all Belarus people, but for the "core" of radical nationalists only. Indeed, the majority of **actual** Belarus citizens, in respect to their cultural sympathies, always tended and tends now to one of those traditions. That is why, really, the radical nationalism in Belarus is culturally fruitless.

The absolute majority of the modern Belarus citizens ancestry fought against Nazism during WW2, if in the Soviet Army or in Poland Armies, or in partisan parties, Soviet, Polish, or Jewish. The Hitlerite collaborators had made tiny minority of them. The recent incident at the web site of Belarus desk of "Radio Svoboda" (Radio Freedom) is demonstrative: the radio reporter being mentioning issue of source book on Holocaust in Belarus estimated number of Nazi abettors in Belarus with absolutely absurd 350 thousands. Indignation of the readers and listeners was so strong that the desk was forced to remove the number from the text: if

¹⁷³ "Беларуская газэта" от 11 июля 1942 г. Tsit.po: А.М. Літвін. Акупацыя Беларусі (1941-1944): пытанні супраціў і калабарацыі. Мн., 2000. С. 274-275.

the number were true, it would be approximately equal to the number of Soviet partisans, which would give reasons to say that there was a peculiar kind of “civil war” in Belarus that divided sympathies of its people fifty-fifty. The fictitious idea of “civil war in Belarus” on the background of WW2 not infrequently sounds in the nationalistic stratum. But nothing real stays behind that estimation. The number of 350 thousands was taken from recently issued book “Brown ghosts of Polesye” by O.Romanko¹⁷⁴ Actually, Romanko estimates with approximately this number the total strength of Nazi forces for “maintaining the order” in Belarus including the properly German forces (4 guarding divisions, minimum, and row of commands of less strength), bodies of RLPA (Russian Liberation People Army), RNPA (Russian National People Army), “eastern squadrons”, Cossak regiments, Latvians, Lithuanians, Estonians, Muslims, Ukranians (including, a propos, newly proclaimed “Hero of Ukraine” R. Shuchevich and Chatyn executors from “Bukovina kouren” recently glorified with monument in Chernovtsy). Among the above 350 thousands, there were about one fifth of armed collaborators that is approximately 70 to 80 thousands of men, about 30 to 40 thousands of which were the bodies of Belarus Country Defense conscripted forcedly in spring and summer of 1944, several months before beginning of Soviet operation “Bagration”, and deserted by two third parts at the first opportunity. Just the presence of the huge number of collaborators “imported” by Nazis from adjacent countries is a demonstrative evidence of “personnel deficit” the Hitlerite recruiters had faced: the Belarus population, but those who fought in the Red Army or in the Soviet partisan parties (including the parties populated with Jews mainly), fought in the underground Armia Krajowa (Polish Country Army) or in Polish western armed forces or died unarmed in ghetto, concentration camps and burning horse stables, also paying by their lives incalculable price of the Great Victory.

Comparing with the total BSSR population, the armed Belarus collaborators made a small handful – in any ethnic and confessional the country group. Nevertheless, just their physical and ideological descendants claim to represent “authentic” will of the Belarus nation as a whole. They regard all the rest citizens being illegal newcomers (“immigrants”, “occupants”) or “mankurts”, i.e. people lost so called “authentic”, that means approved by the nationalists, historical memory.

¹⁷⁴ O. Romanko. “Korichneviye teni v polese”. Moskva, 2008. P. 38-50.

The problems with historical memory in Belarus are actually very topical, but they to a considerable extent can be explained by synthetic concept of Belarus itself as a country the idea of which emerged a little more than 100 years ago and whose historical traditions co-opt the history of Belarus in proper sense (i.e. practically homogeneous orthodox East of the country), slavicized peripheral regions of the former historical Lithuania that most recently were Catholic and Polish-language, and Ukrainian-language West Polesye. And of course, we cannot forget about numerous (prior to Holocaust) Jewish minority that was 100 years ago of a one sixth of the modern Belarus population, larger than at any place in the world for that moment. Prior to beginning of the XX century, there were not a country named Belarus in the modern boundaries, covering all the territory and the social strata with common self-consciousness. Its territory and symbolic values were being formed on leftovers, so to say, i.e. gradually including the things not mastered effectively by the neighbors. From the point of view of radical nationalists, the above fact gives special value to the Nazi collaborators as they were actually the first relatively numerous and organized force that came forward with timid but armed attempt to claim existence of Belarus, though from behind Hitler's back. (That "tepidness", nevertheless, had not prevented them against pitiless massacre of defenseless unarmed people). The same fact makes radical Belarus nationalism especially dangerous comparing to the similar movements in other countries. Political analyst Yuri Shevtsov, the author of article "State Anti-Nazism of Belarus", has formulated the danger enough clear: "Any dissemination of Belarusian nationalism in Belarus inevitably leads to cult of very pronounced Nazi collaborators. Belarus nationalism merely had not other heroes in the WW2 period. Belarus nationalists had not created an organization similar to Ukrainian UIA (Ukrainian Insurgent Army) or Polish Armia Krajowa, a nationalist organization that would oppose to "Communists and Nazis". They had not proclaimed any independence though under Nazi's authority as OUN (Organization of Ukrainian Nationalists) had done in summer of 1941 in Lvov. They had not their own statehood in the inter-war period that would be wound up by "Communists and Nazis" as that took place with "Balts". There is nothing to catch in the Belarusian nationalism history for constructing not-Nazi Belarusian nationalistic myth" of WW2¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Y. Shevtsov. Gosudarstvennyi antinatsizm Belarusi//Russkiy zhurnal <http://russ.ru/layout/set/print/>

Such not-Nazi “myths”, more precisely, systems of collective historical memory, though not identical to each one, belong to all ethnic and confessional groups of Belarus population. (Let us remind that there were four state languages in the pre-war BSSR: Belarusian, Russian, Polish, and Yiddish). All they ultimately ascend to the common Biblical Judaic-Christian system of values, to Decalog. Indeed, even Stalin during the War was forced to address to Orthodox Church for support, even though ostensibly. The role of Catholic priests and rabbis in organization of spiritual resistance to Nazism, not so vigorous seemingly, we should not underestimate, too. However, not the momentary organizational role of clergy played a crucial role, but the residue of ethical norms and ideas of humanity accumulated by the generations before us, and not completely erased by Stalin and Hitler repressions, the Gods image, indeed.

Modern Belarusian ideological (not organizational yet as the existent nationalistic organizations are not Nazi homogeneously, now) neo-Nazism (rather, crypto-Nazism) is closely associated with neo-paganism, which acquired incommensurably greater circulation in Belarus than “Rodnover’s” (Native faith) movement in Russia. This natural association not always is consistently realized by the adherents of these ideological movements, but among young people, the enthusiasm in pagan rituals and “gods” almost automatically leads to interest to pro-Nazi formations, their symbols and historical mythology. And vice versa: Nazi faiths and especially projects of future require “sacral sanction” that can be given by paganism only. Hundreds of personal blogs in Bynet let us assure ourselves in the fact. Two faces of radical nationalistic consciousness, Nazism and paganism, are symbolically united with swastika; Bynet is full with various implementation of it. The nationalistic elite do not oppose this trend, but cultivate it in every way. Organized groups of paganism adherents act publicly in almost all humanitarian Universities of the country. Their leaders straightforwardly declare that “all Abrahamic religions” are fully alien to the deep psychology of Belarusians, to their real, not enforced from outside, cultural demands. On the one hand, the Belarusian nationalists permanently appeal to international public for support in struggle against the “last European dictatorship”. On the other hand, they surreptitiously, having hope for inadvertence or ignorance of their sponsors and people merely feeling a sympathy to abstract democratic ideals, persist-

ently smuggle into the assumed bright futures the values of most odious and misanthropy dictatorship ever existed in Europe and the world.

There is no point, however to despair and regard the situation as hopeless one. It is necessary to take up compelling stand in relation to the Nazi revisionism and never confuse Nazism and Belarusian culture as it is. We can see already stratification among nationalists in relation to collaboration with Nazi. Valery Bulgakov, the chief editor of the most influential among nationalistic intellectuals magazine *Arche*, came to understanding of definiteness, reasonableness of political fail of nationalists in Belarus in the recent 15 years: “Absence of proper distance [from Nazism] and reflection during forty-fifty years after the War contributed to crushing national-democratic movement in the second half of 1990ths¹⁷⁶“ Recent topical issue of the magazine devoted to the Nazi occupation, evaluates the role of Nazis in the national tragedy of WW2 enough judiciously and honestly, without almost mandatory among the nationalists curtseys toward the Nazis. Unfortunately the materials of this number are not a result of properly Belarusian historians work, but of Israel, German and other ones. The Belarusian historians of WW2 “jerk” mainly between two poles, the standard Soviet patriotism, with it's worn down clichés, demagogic and unable to argue on a fundamental basis and absolutely tendentious and false nationalistic apology of collaboration. Correspondingly, deceptive is present “shine” of government Belarusian anti-Nazism: the crimes of Nazi collaborators and their plans for “society rebuilding” are not analyzed and personified by the ideological propaganda but only condemned in the lump, departmentally or merely sidestepped making in the eyes of young people attractive halo, image of forbidden fruit.

¹⁷⁶ В. Булгакаў. Вайна без цэнзуры // *Arche*, № 5, 2008. P. 7.

A. Shubin

Stalin and Hitler how rightful the regimes' comparisons are

The known decision of the OSCE concentrating on Stalin and Hitler regimes as only two totalitarian regimes which “bore military crimes” actualized old disputes relating to the justification of the 1930-s regimes comparison and to the conclusions thereof.

What to discuss?

Actually the 21st century campaign for “leveling” of the said systems was commenced in 1996 when PACE listened to the report decorticating communist totalitarian regimes and passed the Resolution No. 1096 acknowledging that the said topic deserves comprehensive examination and preparation of a full-weight PACE decision. On December 14th 2004 I had a chance to participate in official hearings relating to the PACE Resolution Draft on totalitarian communist regime and in the subsequent discussions.

I would start with some personal observations. PACE hearings were presided by Portuguese Deputy Agier, who was vividly suffering from her McCarthyism mission. But job is job. However experts : the Editor of the Magazine “Communism” and co-author of sensational “The Black Book of Communism” Stéphane Courtois and, Polish Professor D. Stola and the former dissenter V. Bukovsky “from that side” were ready to fight for the same with heart and soul. From Bukovsky speech we understood that the target of “communism condemnation” shall be in the “the guilty party” bringing to responsibility. Communism is blamed in misfortunes of the contemporary world and Russia is the successor of the Soviet Union. And Soviet Union is the totalitarian State from the very beginning up to very end thereof. Thus all of us, excluding heroic **dissenters**, came out of totalitarian top coats and the West will teach you democracy the entire of your life and you shall not moralize the West on human rights observation somewhere in Iraqi.

Courtois and Bukovsky attacked indefatigably: they were persuading that communism is the same criminal ideology as fascism thus it shall be condemned in the similar way. Though 90% of the “prosecutors” arguments related the Stalin period, they considered it mandatory to condemn the entire communism from Marks to Gorbachev inclusive. The spirit of

the American Senator McCarthy was in air, who in the 50-s arranged “witch-hunt” in the USA directed against the “left”. McCarthy unmasked Stalin and artificially bound him with crimes of everyone who dislikes capitalism. Same behavior was demonstrated “prosecution” experts at the PACE hearing.

To understand numerous different ranked historical phenomena named by them, I offered the deputies to answer two simple questions. Firstly, were the enumerated atrocities exclusive consequence of the communist ideology or the behavior may be specific to other regimes and is caused not by communist ideology as it is, but by deep social reasons. Secondly, is massive terror and total repressions the permanent company of the communist regime? If no, then not the communist ideology shall be condemned but the specific phenomena in the Soviet (and not only Soviet) history which resulted in massacre and repressions. Actually this is the essence of methodological principle supported by me to resolve this problem.

Practically everything told by the “castigators” may be easily found in European history and with no connection to communism. The word “terror” became known in Europe from the times of the French Revolution, however Robespierre was not a communist. Half of bolsheviks’ terminology was adopted from the French source, starting from “commissar” to “public enemy” which was adopted by the Jacobins from such source of the European judicial culture as the Ancient Rome. Thus communism in its misdeeds and achievement is closely connected with the European culture.

Where death camps originated from? They were “invented” by colonial administration during African wars at the edge of XIX and XX centuries. The same administration is responsible for mass extinctions of peasants in India due to starvation.

Lenin initiated red terror; however this murderous act was developing simultaneously with white terror which also is not exclusive consequence of communist ideology. Denikin and Kolchak were representatives of liberal and conservatory ideology, however their armies were involved in massive terror and acts of atrocity which were overlapped may be only by the army of Japanese invaders and they were also far away from the fight for communist ideals.

Brutality of the Civil War in Russia is easily comparable with brutality in Spain where frankists which were as fierce as communists.

The Pact Molotow-Ribbentrop mentioned by Courtois immediately reminds of the Munich Agreement on Division of Czechoslovakia which the "liberals" Chamberlain and Daladier concluded with the fascists Hitler and Mussolini. One cannot but remember misconduct of Poland involved into Division of Czechoslovakia. Thus if now 23rd August will be announced as the Memory Day of fascism and communism victims, the day of the Munich Agreement conclusion may be announced as the Memory Day of liberalism and fascism victims.

Extent of people killing by Stalin is grandiose. But the attempt of Bukovsky to assign to Stalin the record in people killing is easy to contest. This doubtful honor belongs not to Stalin or event Hitler, but to the American President Harry Truman who during two days (two seconds, to be exact) killed over 200 thousand Japans in Hiroshima and Nagasaki in 1945, the complete majority thereof were the civilians.

Information on tortures in torture chambers of the NKVD are dreadful. But you cannot but remember fresh colored photos of tortures enforced by the "liberal and democratic" invaders in Iraqi.

In general the attempt to support justification of the Resolution Draft failed and Euro Deputies informed about the same in the backrooms (they were feared to do it publicly).

In 2005 presidency of the Commission was transferred to the Sweden Deputy G. Lindblad who had successfully completed the deed. Based on the results of our discussions he slightly edited thesis reviewed in December and included there the necessity to condemn Franco regime as well and introduced the formula "totalitarian communist regimes". There may be an impression that we are talking not about any communist regime, but only about totalitarian ones. But it is clear from Lindblad report that he did not understand the difference.

In other terms Lindblad memorandum was full of absurd as well as his December thesis. As soon as we start discussion the post-1956 period it becomes clear that the Memorandum authors are completely illiterate (and ignorant in reference to other periods of the Soviet history). Thus as an example of genocide and slaves labor application serve for troops entry to Czechoslovakia in 1968 and suppression of civil disturbances in 1968 and in 1980-1981. It is interesting to know whether Lindblad knows what genocide is.

It was said in Lindblad draft: "Totalitarian communist regimes ruling in Central and Eastern Europe during the last century and which are

still in power in some countries all, without exclusions, are characterized by massive human rights violations". Basically regimes of various colors are characterized by numerous human rights violations. "Bourgeois" regimes are not exclusions. Thus the communist regimes are to be blamed in something more specific: "They include individual and collective murders, executions, death in death camps, starvation, deportation, tortures, slave labor and other forms of massive physical terror." A question arises again was the above applicable to the entire history or to individual periods. What deportations and massive physical terror occurred in the USSR in Brezhnev times? If we discuss not the entire history of the Soviet society but only the Stalin totalitarian period the key idea of McCarthyism is lost which considers that communism shall to be blamed in everything. However in USA history we can also come across deportations, slavery, genocide and executions due to political motives.

But Lindblad insists the communist regimes are "characterized" by mentioned crimes. i.e. it is their characteristics. Why hearing organizers do not consider that, for example, "The USA is characterized by massive application of slaves labor, deportations, genocide of the local Indian population and nuclear weapons application against civilians", though all of the enumerated occurred in the history of the North American regime.

However maybe the Report unmasks not communist ideology but the practice of the same? No: "Justification for the crimes commitments served the theory of class struggle and dictatorship of the proletariat principle".

Thus the true target of the campaign is in condemnation of the ideology as is based on the class struggle theory.

Apart from the Resolution Draft, practical recommendations were offered to PACE which in my view the key evil was contained. If they were adopted, then Russia would have been obliged as PACE member to rewrite text books in compliance with new historic euro standards: "to arrange campaign targeted at the national realization of crimes committed for the sake of communist ideology, including text-books revisions...." Abstract of future euro text-books is represented in the "Explanatory Note" of Lindblad, e.g.: "6 million Ukrainians perished from starvation in the course of well-weighed State policy in 1932- 1933."

On January 25th 2006 Parliamentary Assembly of Council of Europe (PACE) condemned communism. As a matter of form it is referred to "the totalitarian regime" but it follows from the Resolution that any commu-

nist regime is totalitarian. However counter-efforts to new McCarthyism were well-spent. The deputies adopted the Resolution but declined practical recommendations. Teeth of the Resolution were taken out.

Debatable experience around PACE Resolution drew me to the conclusion that in principle it is necessary to educate Western and our ruling elite. Though there is political order behind historical ignorance and it is important to what extent the order executor believes on myths preached by him. Sometimes deputies and officials are surprised by something which shall be known to any educated person. They may decline a myth if they realizes its lack of prospects.

Arguments which were used in the course of the said debates, some of them I have mentioned herein demonstrate the problem complexity and the necessity to undertake comparative historical investigations. Fascist regime had a lot in common not only with the USSR, but, for example, with USA of Roosevelt times as well. It depends of parameters that we are going to compare.

Two-edged totalitarianism

Totalitarianism concept advanced by Mussolini and his ideologists in 50-s was adapted to the tasks of anti-communist ideology H. Arendt, Z. Bzhezinsky and etc. "classicist" of totalitarianism political construction modeled it thorough its features enumeration. This is the evidence of weakness and artificiality of the theory which shall be dragged to the anticipatorily known result, viz.: to find something common only between Hitler Germany and the USSR. Essential criteria escape at that. It stressed the commonness of the State systems of the Soviet Union and the Nazi Germany. Soviet authors did not to leave a favour unanswered and were trying to prove that Nazism has a lot in common with the state monopoly capitalism of the USA. Both parties proved to be correct because it is always possible to fund something common and to find differences. In 1993-1994 we in the Global History Institute had a serial of meeting within the frames of seminar "Totalitarianism and democracy" and tried to strip off the term "Totalitarianism" from double standards and reveal the essence of the phenomena.¹⁷⁷ Totalitarianism is the aspiration of the ruling group to total control over the entire open (legal) part of the soci-

¹⁷⁷ Totalitarizm v Evrope XX veka. Iz istorii ideologiy, dvizheniy, rezhimov i ih preodoleniya. Moskva, 1996. P. 86; A. V. Shubin. Mir na krau bezdny. Ot globalnogo krizisa k mirovoy voyne, 1929-1941. Moskva, 2004. P. 146-156.

ety's life. Meanwhile totalitarianism does not result in the practice to the totally ruled society, even in the USSR of Stalin times bureaucratic chaos prevailed, nonconformity existed (in the religious sphere it was even authorized). However, totalitarianism shall be distinguished from usual authoritarianism which had lost the aspiration and gave up terror relating to the same against non-controlled social trends and groupings of elite arising in the body of the monolithic ruling class. Such presentation of problem permits us to distinguish the proper totalitarian period 1929-1956 in the USSR history, which shall be distinguished from the earlier and later periods.

It is also appropriate to remind that by the break out of the Second World War practically the entire Europe was covered by totalitarian and authoritarian regimes with totalitarian institutions of fascist type. These were the three Baltic States and Germany satellites, and Italy, Spain and Portugal. Liberal political system was preserved in Eastern Europe only in Czechoslovakia until division of the same. In liberal States fascism was perceived as a rather worthy doctrine and influential pro-fascist powers existed.

Comparison of Nazism and Stalinism extent results in the ratio of 1:10, thus evidencing the difference more than commonality. To the victims of Stalin terror shall be added starvation victims of 1932-1933 but this is a complicated problem. Starvation victims are discussable, the contemporary literature does not certify the version that it was arranged intentionally.¹⁷⁸ The existing figures relating to victims of starvation amounting to 4-10 million in Ukraine are overstated. The tragic figures of around 1,5 million are more reliable¹⁷⁹ but the scales and social reasons of the tragedy do not permit the Ukrainian politicians "to level" starvation and holocaust.

Thus these are limitation for totalitarianism interpretation "according to Bzhesinsky". Therefore already in 1960-s such theorists as G. Markuze, E. Fromm and other stressed the elements of totalitarianism which were preserved and strengthen in Western countries when the USSR stepped over from totalitarianism to authoritarianism.

Totalitarianism concept today is the double-edged tool which permits to criticize bureaucratic "socialism" and capitalism. Thus at the beginning of the XXI century liberal authors cooled down towards the concept.

¹⁷⁸ V.V. Kondrashin. Golod 1932-1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni. Moskva, 2008.

¹⁷⁹ A.V. Shubin. Velikaya depressoia I budushee Rossii. Moskva, 2009. P. 278-279.

Commonality of totalitarian political structures and of some authoritative regimes is evident not only for the USSR and Germany but for many regimes existing in Europe at the end of the 30-s.

"Totalitarianism "as the society element is the total, complete ruling of people from single centre. Such totalitarianism in individual sectors may be found in any industrial society as administration of a plant aspires to control totally its personnel. When soviet people who used to smoking breaks and disorderliness in the "totalitarian" USSR were hired in the 90-s by Western or Japanese company they were shocked by totalitarian orders reigning there. visit to toilet only under the Head permission, prohibition of private talks during work time, continuous manager's control over what an employee is doing, etc.

Totalitarianism is a straight "superstructure" over industrial system when the total society transforms into singly plant under single administration. But Western elites preferred a softer system of interests co-ordination between totalitarian organized firms, business groups and bureaucratic clans. Having met bloody outgoings of totalitarianism the communist bureaucracy also preferred to transfer to more flexible forms of dominancy which permitted the Soviet society to achieve new success at the international arena, in social, economic and cultural development, break-through to the space.

Between the USSR and the USA

If there is a lot in common in the sphere of administration between Hitler (Mussolini, Franco) and Stalin systems, economically fascist (Nazi) Germany was closer to America: Corporative regulation of market relations in terms of branches, meanwhile private ownership was retained.

On June 16th 1933 Congress under initiative of the USA President F. Roosevelt adopted the National Industrial Recovery Act which the President considered to be the core of his reforms. "Possibly the history will record the National Industrial Recovery Act as the most important and far-reaching Law which had ever been adopted by American Congress"¹⁸⁰. According to NIRA National Recovery Administration (NRA) was established which forced merge of all enterprises into 17 groups. Competition was restricted inside a group, unified prices were established, markets were distributed, unified credit terms were envisaged. These super

¹⁸⁰ Cit.: Freidel F. P. FDR. Launching the New Deal. Boston-Toronto, 1973. P.422.

monopolies were involved into technologies unification and markets distribution. Officially it was called "prevention of unfair competition" and "death of overproduction". The mortar of the mandatory monopolies were "fair trade codes". They were developed by business groups with participation of AFL organizations. The activity was implemented under pressure of NRA Head general H. Johnson. After the code was signed by a president it became mandatory for execution. The enterprises and corporation which did not participate in the said agreements could not rely on the State support. Moreover, products of the codes participants were marked with NRA symbols – blue eagle and buyers were called to buy only these "patriotic" goods. In the result the codes covered 99% of industry and trade.

Powers created by Hoover in Reconstructive Financial Corporation extended. Anxiety of the ex-President were justified, taxpayers money went to industry. The corporation which were closer to administration got more. Binding of the power and capital was not a news to America. But is earlier the music was ordered by capital now it was done by administration.

While Roosevelt hold his pre-election campaign anti-monopolist rhetoric was in the centre of his speeches. When Roosevelt came to power he started to construct super monopolies. Is it one more example of the pre-election demagogic? Not quite. In this case Roosevelt was not simply demagogue, monopolism organized by the State was the continuation of the former struggle for monopolists' power restriction. But now the power was restricted by the State not by the market. State is the super monopoly. It is asserted sometimes that NIRA was the institution "surprisingly similar to the corporate State of Mussolini"¹⁸¹ However "Mussolini was a real favourite of Europe in the 20-s"¹⁸² NIRA system was really similar to the fascist economic experiment which was implemented in practice at the same time and some measures of Roosevelt even surpassed Mussolini actions. The world moved in one direction by different roads.

German variant of the State monopoly industrial was being created which practically developed Roosevelt system. All enterprises of Germany were united into monopolist groups which were subordinated to the General Council of German economy. 6 imperial groups were created which

¹⁸¹ N.N. Yakovlev. Izbrannye proizvedeniya. Moskva, 1988. P. 163.

¹⁸² Plenkov O.V. Mify natsii protiv mifov demokratii: nemetskaya politicheskaya traditsiya I natsizm. St-Petersbourg, 1997. P. 293.

were subdivided into 44 economic groups and 350 industrial groups. Major entrepreneurs were included into the Council subordinated to the Ministry of Economy. System which implemented industrial regulation was supplemented by territorial chambers. Imperial Economic Chamber was created which was headed by high ranked manager A. Pich and regional chambers were subordinated to the same. Major managers or owners of capitalist corporations headed each chamber excluding Baden. But Baden Chamber was headed by the Prime minister Keler. Then number of officials in the economic management was increasing and managers of capital became managers of the Führer. Capital was subordinated to the officials who were significantly supplemented with capital representatives. State regulation determined the key decisions “of the industry captains”¹⁸³ Entrepreneurs became members of NSDA and were appointed as “Führers” of their enterprises.

Commonality between fascist social and economic systems and practice of SMC in pluralist Western States was stressed but I am not going to cast a shadow on Roosevelt and other social and liberal politicians. It is important to me to make methodological conclusion that fascism and Nazism in particular have a lot in common and a lot of differences with various systems. It is impossible based on individual similarity to make conclusions on typological commonality of Nazism and Stalinism or of Nazism and Roosevelt model.

Biggest essence typological proximity to Nazism may be established for fascist (national totalitarian) regimes and ideologies the most radical form thereof is Nazism. It is ideology; strategy of world modification makes Nazism and its ideological associates unique.

Strategies of microconstruction

The key difference of the two systems is in their ideology and missions. German Nazism is the extreme variant of nationalism, of the idea of national consolidation. In the 30-s Nazism and fascism were generally quite popular with right wing people agitated by “the left threat” and who saw nothing bad in national rallying (on the account of other ethnoses) and in principles of aristocratic hierarchy. For example, influential ideologist of the Russian immigration Ivan Iljin wrote about commonality of the “white movement” which ideas he expressed with fascism and Nazism. “the key and essential

¹⁸³ A.A. Galkin. Germanskiy fashizm. Moskva, 1989. P. 53-71.

units all of the three movements: common and single enemy, patriotism, sense of honor, wilful sacrificial service, desire of dictator discipline, to spiritual renewal and rebirth of the country, search for new social justice and non-foregone approach in political form matter".¹⁸⁴

Aspiration of the Germans to "living space" was understood by the leaders of Western Europe as they owned colonies and Germany was deprived of the same. The natural space for German colonization extends to the East where the USSR is located with its freighting social system and revolutionary threats of Comintern.

Hitler states German needs for the space in way not to touch English and French colonies. "Our State will, first of all, aspire to establish healthy and natural living proportion between number of our population and its growth rate from one side, and amount and quality of our territories from the other side"¹⁸⁵ to provide for "livelihood of the people with our own earth products".¹⁸⁶ "We wish to return to the point where our old development was terminated six hundred years ago. We wish to terminate the eternal German aspiration to the South and West of Europe and we definitely point out to the territories located in the East. We finally tear with colonial and trade policy of the pre-war period and consciously transfer to the policy of new lands conquest in Europe.

When we speak about new lands conquest in Europe we, of course, may only mean first Russia and the suburban States subordinated to the same.

The fortune itself points with its finger. Having transferred Russia to hands of bolshevism, the fortune deprived the Russian people of intelligence on which its State existence was supported and which served as the security of the State strength".¹⁸⁷

Hitler is full of optimism relating to his future eastern expedition: "If at least one really national State of sufficient sizes is preserved the Jewish world satrapy will inevitably die in the struggle with national idea".¹⁸⁸

The key obstacle in the way of his plans Hitler considered the Jews as in the face of the world Communism and Jewish capital which, in Hitler's opinion suppressed Germany and the entire world. "The Jews already

¹⁸⁴ I.A. Ilyn. Sobraniye sochineniy. Stat'i, lektsii, vystupleniya, retsenzii (1906-1954). Moskva, 2001. P. 323.

¹⁸⁵ A. Hitler. Moya bor'ba. Moskva, 1992. P. 545.

¹⁸⁶ Ibid.

¹⁸⁷ Ibid. P.556.

¹⁸⁸ Ibid. P.542.

hold contemporary European States in their hands. They transform the States into weak-willed tools, use the method of the so-called western democracy or by method of direct oppression in the form of Russian bolshevism".¹⁸⁹ The author of "Mein Kampf" writes about the Jews in which he sees the prime reason of all misfortunes with fervent hatred: "The Jews ... were parasites on the bodies of other peoples ... The Jews used to be and stay the typical parasites, they live on somebody's account. Like harmful bacillus they are spread where appropriate nutrient medium appears... The Jews live like parasites on bodies of other peoples and States".¹⁹⁰

Ideal qualities are inherited. Hypothesis contains the essence of race Hitler theory. Speaking about people, including Aryans Hitler talks about male and female animals as if he is talking about rabbits. It is important to breed clean stock with right form skull there will be right character. "Personality shall be blameless in race aspect. Let the person be German, Indian or Negro , etc I equally respect all of them. We can work and rely on each of them Each nation has quite specific features. Thus it may be said which work will be done better than the other. In this relation people do not differ from dogs and horses".¹⁹¹ Hitler plays cunning of course in relation to equal attitude to different peoples. He has different attitude towards Aryans, the Slavs, and Negroes to say nothing of the Jews. He considers that all peoples (apart from the Jews and Gipsy) shall have their place in the international division of labor. Some will rule, the other will operate machinery, the third will sweep streets and the fourth will wash dishes.

Western persons are not shocked by that. In southern states of the USA and in the English colonies the same happens, there are places for the white, for the black and for the Indians.

As far as Marxism proves that other labor may be exploited by people of any nationality Marxism arises fervent hatred of Hitler. "Jewish doctrine of Marxism denies aristocratic principle of birth and instead of eternal supremacy of strength and individuality and puts strength of the mass and its dead weight as supreme factor. Marxism denies value of personality, he disputes sense of nationality and race and deprives the mankind of prerequisites of its existence and culture".¹⁹² Of course, Hitler is not

¹⁸⁹ Ibid. P.541.

¹⁹⁰ Ibid. P.256.

¹⁹¹ A. Hitler. Besedy s Otto Wagenerom//Zaveshaniye Hitlera. Moskva, 1991. P. 27.

¹⁹² A. Hitler. Moya bor'ba. Moskva, 1992. P. 57.

interested in personality from the mass. A mass of personalities shall be subordinated to aristocratic personality of the leader who leads the nation and race to the mission thereof.

I gave the floor to Hitler here to compare the contemporary mass conscience (including the same in our country) with this “evil standard” and secondly to illustrate the qualitative difference of Nazi and soviet (including Stalin) projects. Soviet was socially oriented, not ethno-nationally. It was a synthesis of socialistic ideas and national traditions of the country. In the USSR the communist strategy of industrial modernization and creation of social State dominated in the determination of regime direction, which ceded the traditions of the country and used it with the view of the geopolitical interest of the country. Does it mean as some authors consider that Stalin committed “evident turn from traditional Marxist and Lenin class doctrines to geopolitical thinking”?¹⁹³ U.N. Jukov names the specific date of the turn from the communist course to sovereign: between December 23rd 1934 when information on lack of motives for Kamenev and Ziniev criminal prosecution was published and information published on January 16th 1935 on their participation in Kirov murder. “Stalinism” was born at that period and was perceived as “stiff denial from the orientation to the global revolution, announcement of the USSR national interest protection as the priority and the demand to fix the same in the Constitution of the country. Thus it is uncovered etatism!”¹⁹⁴

Stalin persuasively denied such suppositions. Features of Stalin ideology which non-Trotskist and new Ustryalovs raise in the rank of principle changes were present in the speeches of the leader until 1935 and references to the constitutional rights and assurances that the USSR does not interfere into other States affairs and of course relentless defence of the USSR interests and border lines. As an example we shall quote a fragment of Stalin speech at XVI Meeting of the All-Russia Communist Party (of Bolsheviks) in 1930. “They appeared not to like the soviet society. But we also do not like the capitalist society. We do not like that tens of millions of unemployed have to starve and be in poverty when a small group of capitalists owns wealth which costs billions. But as far as we agreed not to interfere into internal affairs of other States it is clear that we shall not raise the question. Collectivization, struggle against kulaks, struggle with

¹⁹³ N.I. Kapchenko. Politicheskaya biografiya Stalina. V.2, Moskva, 2006. P. 514.

¹⁹⁴ Y. Zhukov. Inoy Stalin. Politicheskiye reformy v SSSR v 1933-1937 godah. Moskva, 2003. P. 113-114.

saboteurs, anti-religious propaganda, etc is the inherent right of the workers and peasants of the USSR fixed by our Constitution. We shall observe the USSR Constitution in due order.

Our policy is the policy of peace and strengthen of trade ties with all countries... The result thereof is the USSR joining to the Kellog Pact .. and finally the result of the policy is the fact that we managed to defend peace and did not permit our enemies to involve us into conflicts. We do not want an inch of somebody's land. But we will give to anybody even an inch of our land".¹⁹⁵

Thus this Stalin patriotism and etatism until 1934. All these provision were in force after 1934. Stalinism was born not in 1934 but in 1929 and got mature forms after Big Terror .

IN 1934-1936 there was not "rejection of the global revolution idea" but the turn in the external policy of the USSR and in culture to major pragmatism. I.e we speak not about ideology, strategic vector change but about tempo and methods of movement to former mission. In the turn to the policy of "collective security" and "Peoples Front" and the acknowledgement that there were not only negative but also positive sides in the pre-revolutionary Russia.

His attitude to the global revolution problem Stalin cleared up in 1938 when he advanced the concept of "full" and "final" victory of socialism. "Full victory of socialism" was achieved in the USSR, respective internal relations were created. But as soon as capitalistic surrounding exists the victory shall not be considered final. For the final victory we need "support of our revolution by workers of the entire world and even more by victory of the workers at least in some countries".¹⁹⁶ Thus Stalin in this matter stayed practically on the old Lenin position "socialism victory in some countries at the beginning" and he deleted only mentioning of "the most developed". But tasks shall be resolved gradually, at first it is necessary to win in some countries under support of the entire world workers. Such strategy is difficult to call denial of the "global revolution" idea. Stalin continues global struggle with the West appealing to the class and not to "geopolitical solidarity" with the USSR.

There are no documents evidencing Stalin's denial of communism victory in the global scale and even more, there is no denial of class thinking, of

¹⁹⁵ I. Stalin. Politicheskiy otchet Tsentral'nogo komiteta XVI s'ezdu BKP(b), 27 June – 2 July 1930. Moskva, 1934. P. 55-58.

¹⁹⁶ "Pravda", 14th of February, 1938.

self-awareness as Marxist and Leninist. Marxist and Leninist tools is used by Stalin even in his last articles. Before and after 1934 Stalin identified success of the communist movement and success of the USSR. Thus it is senseless to determine when Stalin was communist and when he became patriot.

Of course Stalin had ever been statesman. He contributed in the State strengthening. But not of the Russian Empire but of the new "Soviet" State. Stalin explained what shall be adopted from old Russia and what not. Communists inherited "huge country, rustic by its composition, with some centres of industry where culture rudiments are glimmering, but mainly it is a medieval country. Russian tsars did a lot of bad things. They robbed and enslaved people. They had wars and conquered territories in the interests of landowners. But they had done a good thing, they created a huge State up to Kamchatka. We inherited the State"¹⁹⁷ In this speech Stalin even was not modest and used the whites expression "single and indivisible State".

USSR is not only a territory but a new social structure. Stalin considered it necessary to preserve the first and was very proud that the communists essentially changed the second. Soviet époque is a stage in the history of our country. Russian empire is a different stage which was finished in 1917. No less, no more.

From the beginning of the XX century and up to his death Stalin was communist and thus he was the USSR patriot. His manoeuvring between moderate and offensive-dominated external policy was subordinated to the mission of the creation of monolithic global communist system with single centre. This centre should be Kremlin and the core of the system should be the USSR.

Essentially we are speaking about two opposite mankind development ways, i.e. ethnocentric and sociocentric. Thus inevitable conflict of the USSR and Germany when mankind fortune was resolved.

As far liberals and communists coalition won in the Second World War not the coalition of liberals and fascists (which seemed to be a real perspective in 1938) shift of ideological and world view mainstream occurred as in Europe and in the entire world. What was decent until 1939 became not decent after 1945, i.e. racism in the USA, colonial system and xenophobia. The world spent decades to complete the work of 1945. Unfortunately the achievements are eroded after 1991.

¹⁹⁷ V.A. Nevezhin. *Zastol'niye rechi Stalina*. Moskva, 2003. P. 77, 148.

AUTHORS

Marina A. ALEXEEVA – PhD, vice-director of Starorusskiy polytechnic college under the State University of Novgorod named after Yaroslav Mudriy, Russia

Alexander BELY – PhD, historian, Belorussia

Vladimir BOGOV – historian (local history), Latvia

Tal BRUTTMANN – PhD, Memorial and document center of Shoah, France

Inna P. GERASIMOVA – PhD, director of the Museum of the Jewish culture, president of the republic foundation “Holocaust”, Belorussia.

Evgueniy A. GREBEN' – PhD, head of the chair of philosophy and history in Belorussian State agrarian and technical university, Belorussia

Alexander R. DUYKOV – director of “Historical Memory” foundation

Mikhail L. IOFFE – director of the center of legal support of compatriots, Russia.

Boris N. KOVALEV – PhD, professor of the chair of the State and law theory and history, law department, in the State University of Novgorod named after Yaroslav Mudriy, Russia

Evgueniy F. KRINKO – PhD, vice-director in the Institute of social and humanitarian researches, South science department of Russian Academy of Sciences, Russia

Dmitriy OLEKHNOVITCH – PhD, lecturer of the chair of sociology, social sciences department, in University of Daugavpils, Latvia

Vyacheslav D. SELEMENEV – PhD, director of the National Archives of Republic of Belarus, Belorussia

Alexander V. SHUBIN – PhD, director of the Center of Russian, Ukrainian and Belorussian studies in the Institute of Universal History, Russian Academy of Sciences, Russia

Нацистская война на уничтожение
на северо-западе СССР:
региональный аспект

Материалы международной научной конференции
(Псков, 10 – 11 декабря 2009 года)

Nazi extermination policy
in the Nord-West of the USSR:
regional aspect

International conference papers
(Pskov, December 10-11, 2009)

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям
«Историческая память»
119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 10/2
Тел./Факс (495) 927-01-93
www.historyfoundation.ru
historyfoundation.ru@gmail.com

Подписано в печать 25.04.2010. Формат 62x94/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «Стрит принт»
Москва, ул. Дербеневская, д. 20, стр. 2.